

МИХАИЛ
КАПЕЛЬКИН

СЕРГЕЙ
КАРЕЛИН

ИЗ ЗОЛОТА
В СВИНЕЦ

Сергей Карелин

Из золота в свинец

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Из золота в свинец / С. В. Карелин — «Автор», «Автор», 2026

Вы слышали про Философский камень? Я им дорожки в саду посыпал. Был лучшим алхимиком, но последним зельем превратил своё тело в оружие против Порчи, грозившей уничтожить всё живое. По воле богов или случая я не погиб при этом, а оказался в теле лаборанта-неудачника, в мире, где алхимия под запретом, коллеги выродились в шарлатанов, повсюду Порча, а бал правят фармацевтические компании, которых больше волнует прибыль, чем жизни людей. Но теперь я здесь, при мне знания и навыки Верховного Магистра Алхимии. А это значит, что я вновь буду заниматься любимым делом и покажу, что алхимик – это не профессия. Это образ жизни!

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	84
Глава 15	90
Г	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Михаил Капелькин, Сергей Карелин

Из золота в свинец

Глава 1

Многие считают, что смысл жизни алхимика в поиске Философского камня. Или в поиске рецепта эликсира бессмертия. Отдельные уникамы называют смыслом жизни алхимика открытие способа превращения свинца в золото... Себе, главное, смысл жизни придумать не могут, зато за алхимиков все решили.

Нет, смысл жизни алхимика, пожалуй, в самой жизни. В том, чтобы ее оберегать и поддерживать, ведь если этого не делать, всякие умные люди могут эту жизнь испортить или вовсе уничтожить. И станет очень скучно.

А скуку я не люблю. К слову, свой первый эликсир бессмертия я приготовил в пятнадцать лет, а за свинец, превращенный в золото, наставник надавал мне по рукам. Потому что в золото свинец каждый дурак превратить может, а вот обратно...

Да, что-то я в воспоминания опять ударился...

Огромный, с сотню метров в диаметре, сияющий шар висел в центре еще более огромной пещеры. Ее гладким стенам уже миллионы лет. Это был Клубок. Или, как его называют обычные люди, Ядро. Величайшая тайна и источник мировой магии. К нему вел длинный мост, парящий в воздухе, и на том его конце возле Клубка стояла фигура, раскинувшая руки. Магический ветер рвал на ней одежду и пытался оттолкнуть.

Если использовать здесь зрение алхимика, то можно увидеть, как магические Нити тянутся от Клубка во все стороны.

— Ты опоздал, Геллер! — прокричала фигура, когда я не спеша приблизился к ней. Под действием концентрированной магии одежда человека тлела и превращалась в лохмотья, хлопающие на ветру. — Все кончено! Вся твоя борьба с Порчей была напрасной!

Я встал рядом и взглянул на Клубок. Нормальному человеку столь яркий свет давно бы глаза выжег. Но я никогда и не говорил, что нормальный.

В свечении клубка начали появляться зеленые прожилки.

— Знаешь, Диметрий, если бы наш наставник узнал, что ты овладел искусством перемещения по Нитям, то похвалил бы тебя, — пожал я плечами, встав рядом с бывшим другом. — Жаль, ты убил его.

— Потому что мне больше не нужны его похвалы! Мне вообще никто не нужен! Порча — вот настоящая сила и власть! — вскричал Диметрий, с лица которого уже слезали кожа и мышцы.

— А забрать у тебя Порчу, кто ты без нее?

— Ха-ха-ха! Ты так и не понял, Геллер?! Я и есть Порча! — торжествующе захохотал Диметрий. — Никто не сможет остановить меня...

Я поправил лацкан пиджака, который слегка трепетал на ветру (потому что Клубок и не пытался меня уничтожить), и заметил, что расстегнулась запонка с изумрудами. Застегнул ее и взглянул на часы.

— Что? Часы показывают, что время умирать? Мои показывают, что да! — хрипло хохотнул череп Диметрия.

Его руки были широко раскинуты. И без зрения алхимика я знал, что в них он держал несколько толстых переплетенных Нитей. Так он заразил Порчей источник магии.

— Твои спешат, Диметрий. Я просто жду, когда до тебя дойдет.

— Дойдет что? — не выдержал враг.

Свет от Ядра все больше зеленел, Нити тускнели и отмирали.

— Что ты — последний клочок Порчи, — отвечал я. — Уничтожу ее здесь и сейчас — уничтожу навсегда.

— Невозможно, — упорствовал скелет с остатками мышц и внутренних органов. — Не существует зелья, которое способно уничтожить Порчу!

— Ты прав. Его не существует. Уже. Потому что я его выпил, пока спускался на лифте. — Я вытащил из кармана пустую склянку и бросил к ногам скелета Диметрия.

— Невозможно... — прошептал тот.

Потоки порченной магии испарили его последние кости.

Клубок тревожно замерцал, а затем вспыхнул ядовито-зеленым светом. Отрава потекла по Нитям, убивая их, и единственный способ остановить это — взять все в свои руки. Буквально.

Я широко развел их в стороны и схватился за все Нити, до которых смог дотянуться, неимоверным усилием воли притянув еще несколько. На такое способен только Верховный Магистр Алхимии.

В меня тут же хлынула Порча. И мне бы умереть на месте, но зелье сделало меня фильтром от этой заразы. Мое тело уничтожало ее каплю за каплей, ручей за ручейком, а очищенная магия втекала в Нити, оживляя их снова. С каждым вдохом поток Порчи становился сильнее. Последний «подарок» от Диметрия, последняя его попытка убить меня.

Порча и зелье выжигали вены, уничтожали нервные волокна и плавили кожу. Я знал, что это конец. Но был к этому готов.

Поток энергии стал столь сильным, что мое тело его уже просто не выдерживало. Зеленые и золотые молнии бегали по остаткам кожи, выжигая ветвистые тропки, свет рвался из трещин, а вскоре и вовсе затопил меня полностью, вырвавшись из моих глаз. Так я перестал ими видеть.

Боль была невыносимой. А с каждой секундой становилась все невыносимее. Я растворялся в потоках магии так же, как и Диметрий, только я ее очищал.

— Ра-а-а-а!!! — против воли из горла вырвался последний крик.

Чутье алхимика подсказало, что все кончено. Вся Порча уничтожена мной. И вместе со мной.

Я умирал, выполнив долг алхимика.

Вдруг по лбу или тому, что от него осталось, скользнул жар, а затем я словно воспарил в темноте, наполненной звездами.

Меня ослепила новая вспышка боли — в тысячу раз сильнее предыдущей. Словно до этого щекотали перышком по пяткам, а сейчас вонзили это перо под ребро.

Не выдержав, я вновь закричал.

— А-а-а! — звоном отдавался в голове чужой крик. И в то же время он был моим.

— Исаев, что с тобой? — спрашивали женским мелодичным голосом с нотками паники.

За три сотни лет жизни женщины называли меня по-разному, но Исаев? Это что-то новенькое. И кстати, о жизни. Я вроде как умер. По крайней мере, мне так показалось. Что же произошло?

— Исаев, очнись! Тебе привиделся кошмар? Исаев! — продолжала паниковать девушка, а я силился открыть глаза.

Фух, а это не так-то просто!

— Боже, да что же делать? — причитали рядом, а чьи-то руки бесцельно шупали мое тело. Прошлись по шее, обхватили голову за щеки, спустились и принялись шарить по груди. — Ну, Исаев, ну, гад, угораздило же тебя! Если ты и после этого не очнешься, то я... я тебя побью!

Я снова сделал попытку открыть глаза или хотя бы губы разлепить, но голову пронзило такой болью, что чуть не взвыл. Затем что-то горячее, мокрое и с ароматом печеных яблок настойчиво прижалось к моим губам. Спустя секунду я догадался, что это другие губы. А еще через секунду меня попытались надуть, как воздушный шар. Ровно в тот момент, когда мое чудом выжившее тело решило сделать вдох.

— А-кха-кха-кха! — закашлялся я от внезапного спазма.

И смог открыть глаза! Но их тут же резануло ярким светом, а голову пронзила раскаленной пикой боль.

— Ммм! — промычал я, схватившись руками за пульсирующие виски. Боль медленно утихала.

— Исаев, живой! — торжествовал голос. — Ну и напугал ты меня!

Я наконец смог открыть глаза. Они слезились, все вокруг расплывалось, в горле саднило, а каждый вдох отдавался болезненным спазмом в груди справа. Наверно, так себя чувствует новорожденный.

Сперва увидел перед собой яркий свет, который заслоняло большое разноцветное пятно. В середине розовое, а вокруг — огненно-красное.

Как минимум ясно одно: я каким-то чудом жив.

Закрылся рукой от света, пока глаза не привыкли, а затем вытер невольные слезы. Только тогда смог разглядеть, где очутился.

Надо мной склонилась девушка. Молодая, лет двадцати, двадцати двух. Ее рыжие волнистые локоны мягким шелком падали на мое лицо. Глаза были глубоко синими, цвета зимних сумерек в метель, а высокие скулы ярко алели. Но еще более алыми были ее чувственные губы, под которыми прятались белые жемчужинки зубов.

Девушка отличалась красотой, но не такой, какая обычно присуща фотомоделям или актрисам. Ее красота имела изъяны в виде веснушек на небольшом, аккуратном носике и ямочек на щеках. Оттого красота эта казалась живой и настоящей.

— Ты чего? — мгновенно смутилась девушка, покраснев еще больше. — Смотришь так странно...

Она отдалилась от меня, сев на колени сбоку. Машинально я смерил взглядом ее фигурку. На плечах белый халат, под ним красная водолазка, обтягивающая плоский живот и небольшую аккуратную грудь. Стройные ноги в черных колготках, а на приятно округлых бедрах — черная юбка-карандаш.

— Прекращай давай, Исаев! — вскрикнула, не выдержав, девушка. — Только попробуй сказать кому, что я тебе искусственное дыхание делала... прибью!

Мысли в моей голове носились с лихорадочной скоростью и по безумной траектории, постоянно сталкивались и мешали друг другу. Голова еще гудела, а в ушах стоял противный звон. Но постепенно эти симптомы сходили на нет. Вообще, очень похоже на побочные эффекты усыпляющего зелья. Или на похмелье.

Оторвав, наконец, взгляд от девушки, осмотрелся. Я лежал на полу возле стола явно лабораторного назначения. Он был длинным, с кучей мелких ящичков, а сверху выглядывали стеклянные трубочки, колбочки и сверкающие металлом части каких-то приборов. С другой стороны от меня стоял еще один такой стол, на высоком потолке светили яркие лампы, а со стороны ног виднелся ряд окон с опущенными жалюзи.

Стандартная, не очень богатая лаборатория. Я в такой начинал свой путь алхимика. Я что, попал в прошлое? Нет. Я же все триста лет был Геллером, а не Исаевым. Вывод? Не знаю, где я, но не в прошлом. Может, спросить у моей спасительницы?

— Где я? — произнес вслух.

И снова чужой голос. Всю жизнь, кроме детства и отрочества, у меня был мягкий, бархатный баритон. А сейчас что-то между хриплым басом и баритоном.

— Ага, так я тебе и поверила, что память отшибло. Искусственное дыхание небось помнишь! — фыркнула девушка.

Какой у нее строптивый характер.

Только сейчас внезапно понял, что рыжая девушка говорит на неизвестном мне языке. Но я ее понимаю! Более того, я сам на нем говорю и думаю! Это... что-то странное. Будто кто-то вживил мне улитку-переводчика. Есть такой артефакт в виде улитки. Помогает понимать собеседника без знания языка — за счет считывания электромагнитных волн мозга. Дорогая штука. Ее вживляют в ухо переводчикам на всю жизнь.

Пальцами проверил уши. Нет, улиток нет.

— И все же, где я? И что произошло? — медленно произнес, будто забыл, как пользоваться языком. — Я только что был в...

И осекся на полуслове.

А что, если ничего не вышло? На самом деле Порчи оказалось так много, что она теперь захватила мой разум и так пытается вывести секреты алхимии?

С другой стороны, зачем? Если она победила, то вся эта иллюзия теряет смысл. Другое имя, другое тело, эта рыжая девица...

— Опять ты странно смотришь... Голова не кружится? — вновь наклонилась девушка надо мной и потрогала мой лоб. Ее ладонь была мягкой и теплой. — Жара нет. — Вгляделась в мои глаза. — Зрачки на свет реагируют. Хорошие новости: сотрясения мозга ты избежал. Но похоже, что удар головой о столешницу вызвал потерю кратковременной памяти. Так и быть, спасу тебя и в этом. Мы вместе задержались в лаборатории. Ты намывал мензурки, как и велел Бойлеров, а я... — Она замялась, скосив глаза в сторону. — Я своими делами занималась. А потом ты захотел продемонстрировать какое-то свое зелье...

— Зелье? — удивился я.

— Я тоже удивилась! В наше-то время, когда всякие зелья под запретом... — Она зябко повела плечами. — И не зря, как выяснилось. Я не успела тебя остановить, как ты выпил его. А потом... Вдруг начал резко задыхаться и тут же упал, ударившись головой. Вот и все.

М-да, довольно скудная информация, но хоть что-то.

— Благодарю, что пыталась меня спасти... — Я прищурился, глядя девушке в глаза.

Сперва она не поняла мой молчаливый намек, но через секунду до нее дошло.

— Алиса. Алиса Селезнева. Надеюсь, завтра ты мое имя не забудешь, Исаев?

— А я...

— Максим. Исаев, — закатила она глаза, будто устав от моего беспамятства.

— Ясно... — соврал я. — Еще раз спасибо. Теперь можешь убрать руку с моего лба — я бы предпочел встать. Сам.

— Ой! — Алиса покраснела, как спелый помидор, и отдернула руку, словно от горячего чайника.

Прошипела в сторону:

— И ведь молчал, гад!

Я едва скрыл улыбку. Всегда любил смущать девушек. Маленькая отдушина для трехсотлетнего старикана.

Ладно, теперь хотя бы знаю свое имя. Хотя внутри я все тот же Геллер, Верховный Магистр Алхимии. Впрочем, косвенно выяснилось еще несколько вещей. Алиса обращалась ко мне, как к равному, а это значит, что я примерно ее лет. Некий Бойлеров поручил мне мыть мензурки. Значит, я на низшей ступени развития алхимика. Правда, в своей... черт, даже не знаю, как это сказать, а?! Ладно, одно из самых важных качеств хорошего алхимика — умение быстро подстроиться под изменившиеся условия. А они явно изменились.

В своей прошлой жизни я попал в подмастерья еще ребенком семи лет. И да, целый год мыл мензурки, пока не понял, для чего это нужно. Потом еще год мыл. Мензурки, ступки,

пестики, колбы и тому подобное оборудование алхимика. Так я учился бережно относиться к инструментам. И привыкал к их весу в руках с водой и без. С ингредиентами и без.

Но здесь мне двадцать лет минимум. Поздновато, если честно, мензурки мыть. Да и слова про зелья... Что они под запретом. Что здесь происходит?

Явно ничего для меня хорошего. Но больше я узнаю сам. А для этого нужно встать.

Уперся руками в пол и согнулся, принимая вертикальное положение. Левую руку тут же пронзила боль, и я недовольно зашипел. Взглянув, увидел несколько порезов, торчащие из ран осколки стекол и быстро растущие багровые пятна. Напоролся на осколки разбитой посуды. Живое представил, как, падая, зацепил посуду рукой и разбил ее. Хорошо, что сам на осколки не упал.

— Исаев! — всплеснула руками Алиса, уже успевшая встать. Села на корточки обратно, отчего ее юбка задралась, открывая вид на нижнее белье. Я тут же отвел взгляд, сделав вид, что ничего не заметил. — Ты точно убиться сегодня намерен... Давай, помогу.

Она вытащила из кармана халата батистовый платок изумрудного цвета.

— Нет! — ответил я чуть более резко, чем сам того хотел. — Я сам.

Взял у девушки платок, вытащил осколки и зубами и одной рукой туго стянул израненную ладонь. Пришлось попотеть, потому что руки плохо меня слушались. А вот мыли бы они мензурки с семи лет...

Изумрудный батист тут же потемнел от крови. Синие глаза Алисы странно посмотрели на меня.

— Исаев? — неуверенно переспросила девушка, прищурившись. — Ты точно хорошо себя чувствуешь? Может, проводить тебя домой? Заметь, я не каждому парню это предлагаю. Если честно, вообще никому. Обычно, наоборот... Слушай... — вдруг очень подозрительно протянула она. — Если это твой хитрый план так меня соблазнить, то я...

Продолжение слушать не хотелось. Надоело, что в ее взгляде постоянно сквозит жалость, как к какому-нибудь щеночку со сломанной лапкой.

— Не нужно меня провожать, — перебил я ее.

Снова резче, чем хотел. Все никак не привыкну к чужому голосу из собственной глотки.

— Ладно, — смутилась девушка, потупив взгляд. — Как хочешь.

Она поднялась, я тоже встал. Здесь было еще несколько лабораторных столов с круглыми, крутящимися стульями. Куча чистого, но старого оборудования вроде центрифуг. Хотя... это для меня оно старое.

Нет, все-таки в окружающем меня что-то определенно смущало. Словно не хватало чего-то. Как ветра на горной вершине или шелеста листвы в лесу, или пения птиц в саду. Это если не считать нового имени, нового тела... Кстати, ростом я был примерно метр восемьдесят. Всего на пару сантиметров выше Алисы. Но она была на небольших каблуках, так что ее рост метр семьдесят пять или около того.

Но вот что с моими ощущениями... Я не чувствовал... магии?

Давно привычным взмахом ресниц попытался взглянуть на мир глазами алхимика. В тот же миг мою голову пронзила такая боль, что я едва устоял на ногах! Словно опять умер и снова родился.

Краем глаза сквозь слезы видел, как дернулась Алиса, чтобы подхватить меня. Здоровой рукой оперся о стол, а другой заслонился от рыжей девушки.

— Я в порядке... — процедил, сдерживая стон.

Боль ушла так же быстро, как и появилась.

— В порядке он... — сверкнула глазами Алиса. — Знаешь, в няньки я тебе не нанималась. Если вздумаешь опять собственным зельем отравиться, и на пушечный выстрел не подойду. Все, доброй ночи, Исаев. Одежда там, если не помнишь, — и ткнула рукой в сторону шкафчиков в дальнем конце помещения.

Она пошла к двери на выход, злобно цокая каблучками по кафелю. На миг я задержал взгляд на ее ягодицах, так же злобно тершихся друг о друга под тканью юбки. Приятное зрелище. Как ни странно, такие женские эмоции мне понятнее и приятнее, чем жалость, как к больному котенку. Я жив, вроде как здоров — значит, ни в чьей жалости не нуждаюсь.

Куда больше беспокоит кто я, где я, что я, с чем я и все остальное. А еще очень волнует то, что я все же успел заметить, сумев лишь на мгновение применить зрение алхимика.

В этом мире не было Нитей. Не было магии. Или я их просто не видел? В этом предстоит разобраться.

И первым пунктом я осмотрю маленькую склянку, так удачно блеснувшую под столом, когда поворачивал голову вслед за Алисой.

Присев, взял ее в руки. По стенке на донышко скатилась пара фиолетовых капель.

Что ж, начну с того, что выясню, какое такое зелье чуть не убило Исаева. Вряд ли это Пурпурная смерть, один из моих любимых ядов... От него человек покрывается пурпурными бубонами. Если их лопать, то жертва испытывает небывалую эйфорию и совсем не замечает, как кровь покидает тело через уродливые язвы.

Вдруг цокот каблучков прекратился, а в коридоре послышался чей-то смех. Скрипнув, открылась дверь, кто-то вошел. Я прислушался.

— О! Селезнева, а ты чего? Еще здесь? — прозвучал нагловатый мужской голос с напускной хрипотцой.

— Да, здесь. Чего тебе надо, Коршунов? — ответила Алиса.

— Я думал, ты уже давно одумалась и подала заявление на перевод в «ирку». У нас в отделе исследований и разработки как раз полно красивых парней и ни одной красивой девушки. Что ты забыла во рту? — тот же голос загоготал, а два других его поддержали.

— Не во рту, а в отделе разработки и тестирования... — вздох Алисы, — удобрений. Я тебе уже говорила, Коршунов, это мой выбор. И твои дурацкие шутки вовсе не смешные. Лучше просто отвали уже от меня. Если непонятно, я могу повторить медленнее. ОТ-ВА-ЛИ. Так лучше?

Шорох одежды и ойканье Алисы.

— А ты не смей говорить со мной в таком тоне! Ты хоть знаешь, кто я такой? Одно мое слово, и весь ваш отдел расформируют! Ясно тебе? Так что будь поговорчивее, когда я говорю с тобой.

— Отпусти, мне больно!

Похоже, дело быстро принимает дурной оборот...

Глава 2

Я выпрямился. С удивлением отметил, с какой легкостью далось это движение. Не то чтобы я себя запускал в... прошлой жизни, но с годами мышцы и связки деревенеют, если их не изнурять тренировками. И даже с постоянными тренировками невозможно добиться той легкости, которую дает молодое, двадцатилетнее тело.

С удовольствием похрустев шеей, я вышел из-за стола в проход, ведущий к выходу. Увидел напряженную спину Алисы, ее поднятые к лицу в защитной позе сжатые кулаки и слегка наклоненную вперед голову. Да она никак драться собралась?

Напротив нее, перегораживая выход из кабинета, стояли трое. Один — высокий брюнет с зализанными назад волосами, острым, как у коршуна, носом и идеально симметричным лицом. В осанке, мимике и мелких движениях тела сразу считывалось его высокое происхождение. Я бы сказал, что он аристократ. И этот аристократ крепко держал Алису за запястье.

Позади него — еще двое. Брюнет и шатен. Оба чуть ниже ростом, но так же, как и первый, одетые в дорогие, с иголки, пиджаки, на которые сверху небрежно наброшены белые лабораторные халаты. У них были аккуратные прически с голыми висками, слегка одутловатые, не обремененные интеллектом лица и глубоко посаженные, свиные глазки, которые хищно блестели.

Первый, по-видимому тот, что и говорил с Алисой, заметил меня. Сначала в его взгляде мелькнул страх от неожиданности, но он сменился удивлением и затем стал насмешливым.

Ох, Исаев, Исаев, похоже, уважением ты здесь не пользовался. Но я это исправлю.

— Кто это у нас здесь? — Брюнет отпустил Алису и сделал шаг в мою сторону, но теперь Алиса преградила ему путь.

— Оставь его, Коршунов! — тревожным колокольчиком прозвенел голос Селезневой. — Он не в ответе за дела его предков!

Женщины... Когда у них врывается материнский инстинкт, то голова вырубается. Не люблю, когда такое происходит: обычно это чревато печальными последствиями для самой женщины. Ну или для девушки, если говорить об Алисе. Почему-то женщиной назвать ее язык не поворачивался. Слишком уж легкая, воздушная, как листок клена на осеннем ветру.

Хуже только, если материнский инстинкт у женщины включается по отношению к самостоятельному взрослому мужику. Меня такое положение... только раздражает.

— Отвали, Селезнева, — огрызнулся тот самый брюнет с напускной хрипотцой в голосе. — Я сам решу, кто и за что в ответе. Алхимик, он и в гробу алхимик.

Коршунов протянул руку к плечу девушки, намереваясь убрать ее со своего пути. Но я уже подошел к Алисе и перехватил руку парня, крепко схватив за запястье. Оно было слегка влажным и оттого неприятным на ощупь.

— Я прошу тебя отойти, Алиса, — повернул голову к рыжей и холодно взглянул на нее. Она с неподдельным удивлением в глазах судорожно сглотнула, но подчинилась и отступила. Встретился с карими глазами Коршунова. — Только простолюдины позволяют себе так обращаться с дамами.

— Что? — закаркал Коршунов и попытался вырвать из моей хватки свою руку, но я держал крепко. Хотя давалось мне это с трудом. Тело, хоть и молодое, было плохо тренировано. — Я потомок графского рода и буду говорить так, как сам того хочу! А ну! Отпусти...

Я ослабил хватку, и парень вырвался, качнувшись назад и чуть не оступившись. Повезло, что сзади стояли верные подхалимы.

— Что ты себе позволяешь, Исаев?! — тут же вскричал Коршунов, будто дополнительно осмелев. — Забыл свое место?! Да мне после тебя теперь придется руку с мылом мыть! Чертов алхимик. Твой удел — травки заваривать и суеверным бабкам продавать, а не здесь работать.

Знаешь, если честно... — он провел рукой по волосам, приглаживая их и немного успокаиваясь, — мне было интересно, на что способен потомок из рода алхимиков... И что я вижу здесь? Даже в отделе для неудачников, выполняя работу для неудачников, ты умудрился напортачить... — он с ухмылкой кивнул на кровавую повязку из зеленого батиста. — Вопрос времени, когда тебя вышвырнут на улицу. — Коршунов сделал шаг ко мне и зашептал, наклонившись вперед: — Там, где тебе самое место... С твоей стороны была высочайшей наглостью даже попытка устроиться в эту компанию. Но ничего... теперь я сделаю все, чтобы тебя уволили. — Он отстранился и скривил губы. — Чего ты ухмыляешься?

А я правда улыбался. Мне было весело! Так давно никто не разговаривал со мной в подобном тоне, что я даже обрадовался. А если дело еще до драки дойдет... Ох, я развлекусь! Но это вряд ли. Такие люди, как этот Коршунов, много говорят, пускают пыль в глаза своими деньгами, происхождением или связями, но сами из себя ничего не представляют. И прекрасно об этом знают, вот и твякают на каждого встречного, чтобы, не дай бог, о них не подумали как-то не так. Боятся.

В Коршунове тоже жил этот страх. Я видел его в глазах и в мелких подергиваниях лицевых мышц.

— Вспомнил, где мое место, — ответил я, наклонился к нему (он был чуть ниже меня) и прошептал: — Ты как раз его занял. Но это ненадолго, скоро ты его освободишь.

Коршунов отстранился, обескураженный неожиданным напором. Быстро взял себя в руки и недобро сверкнул карими глазами.

— Букашка смеет мне дерзить, парни! — наигранно хохотнул он, полуобернувшись через плечо к подхалимам. Те тут же гиенисто заржали. — Осторожнее, Исаев, не то мне придется достать свой тапок, чтобы прихлопнуть тебя.

— Доставай, — пожал я плечами. — Давай сразимся на дуэли. Твое зелье против моего. Или боишься, что зелье какого-то неудачника окажется лучше твоего?

Вот так. Повысим ставки. Теперь это уже вопрос чести.

— Ха. Ха-ха! Ха-ха-ха! — каркающим смехом разродился Коршунов, двое других тут же его поддержали. — Чтобы что? Чтобы ты вызвал полицию, и они арестовали меня? Или мое начальство? Нет уж, Исаев, ты птица слишком мелкого полета, чтобы я снизошел до дуэли с тобой. Еще и с такими рисками. Да и с твоими травяными сборами я даже рядом стоять не намерен. Но я обязательно устрою так, чтобы тебя, как раковую клетку, вырезали отсюда.

— Ха, алхимик — это диагноз, точно! — поддакнул второй брюнет.

Шатен хмуро улыбнулся и смерил меня глазами, погладив свои кулаки.

— Так и думал, что ты откажешься, — хмыкнул я в ответ.

Коршунов окрысился и развернулся.

— Пошли отсюда. Даже воздухом одним дышать с ним не хочу! — Брюнет толчком распахнул дверь и вышел вон. Двое подпевал — за ним.

Некоторое время я смотрел на дверь, которая медленно закрывалась доводчиком. Слова Коршунова меня нисколько не задели. За три сотни лет привыкаешь не размениваться по мелочам и порой, задав вектор, пускаешь ситуацию на самотек. Я не испугался Коршунова, он это заметил. Так же, как заметили и его дружки. Молва об этом пойдет дальше, а вскоре начнет жить своей жизнью, играя мне на руку. А Коршунов будет ломать голову, какой туз припрятал я в рукаве, раз вел себя так смело. Он был из тех людей, которые считают, что смелость придает только оружие в руках или козырная карта.

Заставило меня задуматься другое. То, как он отказался от алхимической дуэли. Он точно знал, что это такое. Это во-первых. А во-вторых... причем здесь полиция? Алхимия здесь что, под запретом? Значит, Исаев нарушил закон, приготовив какое-то зелье, но не нашел, на ком его опробовать, и сделал самого себя подопытным. Алиса пыталась его остановить, но не успела.

Интересно. Очень интересно. Нужно как можно скорее осмотреть склянку, которую я спрятал в кармане халата. Зрение алхимика бы мне помогло, но к новому раунду головной боли я пока не готов. К тому же лучше делать это без свидетелей.

— Исаев, ты совсем сдурел?! — всплеснула руками Алиса, до этого молча глядевшая на меня. — У тебя помутнение рассудка? Ты, пока падал, головой еще пару раз не ударился? Или, когда я отошла от тебя, еще приложился? Да что с тобой такое?

Без вот таких свидетелей.

— О чем ты? — не понял я причину ее реакции. — Нужно было позволить ему обращаться с тобой, как с вещью?

— Черт, да! — топнула ножкой Алиса, сжав кулаки. Но через секунду остыла так же быстро, как воспламенилась. Снова хотела пощупать мой лоб, но я мягко отстранил ее руку. — Я бы сама разобралась с ним, а тебе не стоило вмешиваться.

— Это тебе не стоило, — отрезал я. — Я не нуждаюсь в няньках.

Рыжая бровь девушки полезла вверх.

— Я... просто... из лучших побуждений... — Она зажмурилась и потрясла головой, лоб ее пересекли морщины, но быстро разгладились. Она протяжно выдохнула. — Фух, Исаев, ты начинаешь меня пугать. Ты как-то... изменился. Мне это не нравится.

«Еще бы», — подумал я про себя, но вслух решил ничего не говорить. Уже понял, что отвязаться от девушки не выйдет, так хоть информацию от нее получу.

— Так кто это был, и почему он так с тобой разговаривал? — спросил я, помолчав.

Алиса снова удивленно посмотрела на меня, похлопала глазами и устало опустила на стоявший рядом стул.

— Один из сыновей графа Коршунова, — пояснила она, глядя в сторону. Я облокотился рядом о стол. — Двоюродного брата герцога Воронова, владельца... да всего здесь. Граф — глава нижегородского отделения компании. Константин в этом году начал стажировку в отделе Исследований и Разработок, все прочат его на место отца через несколько лет. Так что, по сути, ты только что поссорился со своим будущим работодателем. Если, конечно, планируешь в ближайшем будущем тут еще работать.

— Этого я пока не решил...

— Реши поскорее, — качнула гривой огненных волос Алиса. — А лучше пусть к тебе память вернется, пока ты еще с кем-нибудь не поссорился.

Как будто с этим графским сыночком не было ссоры. Она возникла еще до нашей встречи. По пока неясной мне причине к алхимикам этот Константин дышал слишком неровно.

— Лучше беспокойся о себе, Алиса, — отвечал ей, оттолкнувшись от стола. — Он пришел не ко мне, а к тебе. Наверняка захочет получить силой то, чего не смог получить обычным путем. Я провожу тебя.

Я уже направился к шкафчику с одеждой и даже увидел бирку с надписью «Исаев» и кодовый замок (к счастью, с приоткрытой дверцей, потому что код я не знал), как девушка фыркнула мне в спину:

— Решил сам мне нянькой побыть? Не нуждаюсь. В крайнем случае, у меня есть перцовый баллончик.

— Это взаимовыгодное сотрудничество, Алиса. Я провожаю тебя, а ты... помогаешь мне вспомнить, где я живу. Идет?

Все равно здесь мне, похоже, покоя не найти. Не удивлюсь, если Коршунов пошлет ко мне команду силового воздействия из своих подпевал. Сам руки он марать не станет. Но раз этот Исаев, то есть я, потомственный алхимик, то у него дома просто обязана быть алхимическая лаборатория. Хоть какая-то... Возможно, даже какие-то записи или дневники, которые помогут прояснить, что за зелье он выпил и как я здесь оказался.

— Идет, Исаев, — услышал я смешок Алисы. — Но чур по пути зайдем в кофейню. Кофе мне сегодня явно не повредит.

Что ж, в этом мире есть кофе! Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день.

Рядом со шкафчиками для одежды нашел небольшой настенный ящик с красным крестом на дверце. Ожидаемо обнаружил внутри предметы для оказания первой помощи. Из батистового платка повязка так себе, так что наспех перебинтовал руку, не забыв ее обработать. Платок положил себе в карман. Не возвращать же его окровавленным рыжей хозяйке.

Только после этого мы с Алисой покинули лабораторию и пошли к выходу. Слабо освещенный коридор уперся в стеклянную стену. За ней — вечерний город с высоты в двадцать — двадцать пять этажей. Улицы освещались фонарями, в окнах других домов горел уютный свет, по дорогам ползли ручейки автомобильных фар, поднимавшие за собой хвосты из опавших листьев. На улице стояла осень. Слева, на фоне заката, золотилось место слияния двух рек.

— Красивый вид, — тихо сказала Алиса, замершая рядом. — Один из плюсов работы в самой крупной фармацевтической компании Империи. Хорошие здания с хорошим видом.

— Империи? — переспросил я.

— Ну да, Российской. Что, настолько память отшибло?

В моем мире тоже была Империя, только называлась по-другому — Готская Империя.

На первом этаже попали в просторный холл, который занимал весь этаж. В высокий потолок упирались многочисленные колонны-сваи. Прошли через турникеты, приложив пропуска. Мой нашелся в кармане светло-коричневой куртки. С него на меня смотрел парень в белой рубашке и черном галстуке. У него были короткие темные волосы, зеленые глаза, легкая небритость на щеках, высокие скулы и прямой подбородок. В целом, Исаев, а значит и я, выглядел обычным парнем. Не красавец, но и не урод. Возраст — двадцать два года.

Оказавшись на улице, обернулся. Здание компании тянулось вверх на тридцать с лишним этажей. Стены, сплошь стеклянные, горели отраженным бордовым закатом. Крупные буквы на фасаде гласили «Воронов Фармацевтика. Нижегородский филиал». Этих Вороновых в низкой самооценке явно не обвинить.

Здесь же было еще несколько зданий поменьше. А вокруг, объединяя их все в один комплекс, тянулся забор из острых металлических пик. На его территорию вели ворота с причудливой вязью, в центре которой стояли буквы «В». По одной на каждой створке. Рядом калитка поменьше — через нее мы и вышли к широкому проспекту, по которому неслись машины.

Я все еще не чувствовал магии, хотя мой старый мир она пронизывала повсюду. И все работало с помощью магии. Но в этом мире прогресс, по всей видимости, пошел в другом направлении. Потому что машины здесь ездили по каким-то другим принципам. И в воздухе из-за этого висел неприятный, тяжелый запах. Даже прохладный ветер не мог унести его.

— Срежем через парк? — предложила Алиса, когда мы шли мимо светофора.

Я кивнул, шупая в кармане прохладный пластик телефона. Обнаружил его, когда вытаскивал пропуск. Если он работает по схожим принципам, что и в моем мире, то с его помощью узнаю больше о том, в чьем теле оказался. Но сначала нужно оказаться в тихом и спокойном месте. Дома, например. Или в кафе.

В парке воздух стал заметно чище. Явственнее запахло осенью. Больше не было слышно гула машин. Самое время разузнать побольше о моем новом враге.

— Что имел в виду Коршунов, когда сказал, что тебе не место в нашем отделе? — спросил я. — И что у нас за отдел, кстати, что к нему такое отношение?

Алиса повернула ко мне лицо и несколько секунд раздумывала, прежде чем ответить. Солнце, светившее сбоку, мягко падало своими лучами на ее кожу; синел один глаз, а второй скрывался в тени; рыжие волны горели огнем.

— ОРТУ. Отдел разработки и тестирования... — она вздохнула, снова поворачивая голову вперед, — удобрений. Не самая престижная работа. В этот отдел редко кто идет по своей воле. Обычно люди из него пытаются выбраться любыми способами. Вплоть до увольнения.

— И как же мы там оказались? — спросил, частично уже догадываясь об ответе.

— Ну... — пожала плечами девушка. Вместо халата на них теперь была накинута короткая кожаная куртка. — В твоём случае все просто. Дело в твоей родословной. А в моем... упрямство.

— То есть, если бы ты захотела, то легко попала бы сразу в «ирку»? Или как там сказал Коршунов? — Я поддел носком черного ботинка охапку ржавых листьев. — Так ведь кличут отдел исследования и разработки?

— Говорю же, упрямство...

Я хмыкнул. Алиса явно была не так проста, как хотела показаться. Но и раскрывать мне сразу все свои карты она не спешила. Значит, не так уж мы с ней и близки.

— Нам сюда, — свернула Селезнева на неприметную и темную тропинку. — Выйдем прямо к кофейне, а от нее рукой подать до твоего дома.

— А до твоего? — Я пригнулся, уворачиваясь от разлапистых веток разросшейся гор-тензии.

— А до моего я доберусь на трамвае.

В ответ на ее реплику сквозь парк долетел приглушенный характерный звонок.

Хотелось задать еще кучу вопросов. Например, что за дела с алхимиками у того же Коршунова и при чем тут мои предки? Точнее, Исаева, но теперь и мои тоже. Однако, в этот момент мы вышли на узкую аллею, укрытую сумерками. Справа каждые несколько метров стояли старые лавки. Возле них — мусор, шкурки от семечек, подсохшие плевки и пустые пивные банки. А на одной сидела компания гоготавших парней.

Мне не понравилось, как один из них посмотрел сперва на Алису, а затем на меня. Он был выше и крупнее, и мы оба это заметили. Он, скорее всего, подумал, что это преимущество, а я — что падать ему будет больно.

— Часто ты здесь ходишь? — спросил Алису.

Она вытянулась и смотрела строго прямо, шагая на негнущихся ногах.

— Каждый день, утром и после работы. — ее голос слегка дрожал от возбуждения. — Но сегодня мы с тобой задержались... Спасибо, блин, тебе и Коршунову.

Мы прошли мимо. Гогот мгновенно стих, слышались шепотки, смешки, а мою спину обожгло враждебным взглядом.

— Ты говорила, у тебя есть какой-то артефакт на такой случай? — спросил я девушку.

— Ага, перцовый баллончик.

— Эй, красотка! — крикнули грубым голосом сзади. — Бросай этого неудачника и айда к нам! С нами весело. Не обидим, честное слово!

— Давай сюда... — уже шепотом сказал Алисе.

Ее холодные и влажные пальцы коснулись моей ладони, отдавая цилиндрический предмет. Их дрожь выдавала волнение хозяйки, хотя вид у нее был боевой.

— Эй, я с тобой говорю! — после топота нескольких пар ног голос раздался совсем близко за нашими спинами.

Я резко развернулся. Вся компания уже спрыгнула с лавки и быстро приближалась к нам. Впереди шел тот самый громила в спортивном костюме и лакированных ботинках, стучавших каблуками по асфальту. До него было метров пять всего.

Размахнувшись, что было сил швырнул в него баллончиком.

Сейчас артефакт взорвется, и перцовое облако накроет их всех. Капсаицин начнет разъедать их глаза и слизистые оболочки, а мы в это время...

Но вместо этого баллончик глухо стукнулся о лоб громилы и отлетел в кусты.

— Блин, Исаев, нужно было подойти и распылить его! — в панике вскричала Селезнева.

— Что?! Какой артефактор собирал этот артефакт? — ругнулся я.

Громила, наклонив голову, явственно зарычал от злости:

— Кабзда вам, голубки...

— Бежим! — крикнул я, хватая Алису за руку и увлекая за собой.

Глава 3

Их было четверо, включая громилу. Неясными тенями они преследовали нас в сумерках глухой аллеи. Их топот смешивался с цоканьем каблуков Алисы.

— Исаев, я не могу так быстро! — молила она, увлекаемая мной.

А я бежал за двоих.

У моего бегства было две причины. Первая: я не идиот — драться сразу с четырьмя противниками. Максимум трое, но четвертый зайдет со спины и... все. Будут мне ребра ногами пересчитывать. К тому же это тело, хоть и молодое, еще не обладало нужными рефлексам. Я это чувствовал. Вот будь у меня родное, улучшенное всевозможной алхимией и тренировками, тогда...

Но что толку думать о невозможном? Хорошо хоть, что тело молодое и бежало сравнительно легко. Даже радостно. Сердце пело от нагрузки, как и моя старая душа.

Черт, все-таки приятно быть молодым не только душой!

Ну а вторая причина бегства — Алиса. Характер у нее боевой, точно полезла бы в драку. А получив, отвлекла меня, и я получил бы еще быстрее.

— Надо, Алиса, надо! — увещевал я ее, оглядываясь.

Пару метров форы мы выиграли, но теперь нас догоняли. Тени уже махали руками, оступаясь от спешки, пытаясь поймать за локоть Алису. Я ускорился еще, поддернул руку Алисы и перехватил ее за талию, подгоняя. Разросшиеся кусты мешали, хлестали по лицу, царапали руки и цеплялись за штанины. К счастью, преследователям было не лучше.

Приметил у дороги палку и, подтолкнув Алису, на бегу ее подхватил. Обернувшись, швырнул в ноги ближайшему преследователю. Им оказался парень в бордовом спортивном костюме. Палка влетела ему в ноги, он споткнулся и покатился кубарем, громко матерясь. Второй об него запнулся и тоже упал. Но другие двое перепрыгнули и продолжили бежать за нами.

Тропинка резко свернула влево, к небольшой калитке в заборе парка. Первой втолкнул туда Алису, затем проскочил сам. Сердце бешено колотилось в ушах от адреналина. Тело казалось легким как пушинка, но все равно ужасно медленным.

Следом за нами в калитку влетел Громила с еще одним парнем. Парень проскользил на влажной в тени листве мимо, а Громила врезался плечом в столб из желтого кирпича. Он не сводил с меня обозленного взгляда. Сзади подбегала отставшая парочка.

Впереди — арка в большом доме. В длину метров сорок. После нее — оживленная улица, по ней идут люди, но они даже не смотрят в нашу сторону. Гулким эхом отдается топот ног преследователей, и я понимаю, что мы не успеваем. На прямой нас догонят. Ни кустов, никаких других препятствий здесь нет.

Зубы скрипнули от принятого решения. Толкнул Алису в спину и крикнул так, что зазвенело в ушах:

— Беги!

Сам же резко остановился и обернулся. Бешено заорал:

— А ну, стоять! Я дурак, у меня справка есть!

— Исаев... — едва слышно шепнула в темной арке Алиса.

Я слышал, как она остановила свой бег, но тут же его продолжила.

Громила и другие трое замерли на месте от моего крика. Но главарь быстро пришел в себя и зло бросил:

— Что встали? Ату его. Никуда не денется...

Арка длинная и узкая. Со спины ко мне подойти не получится, а одновременно напасть могут максимум двое. В такой ситуации еще можно повоевать.

В груди горячо, шея мокрая, лоб вспотел, а щеки пульсировали жаром. В воздухе висел запах старых испражнений.

— Ну, поехали! — довольно оскалился я, чем вызвал приступ неуверенности у первых двоих. Они переглянулись на миг, но продолжили подходить ко мне.

Я не стал ждать, когда они подойдут на расстояние удара, и сам пошел в атаку. Шагнул вперед и нанес два неуклюжих прямых удара в того, что был слева. Медленно. Слишком медленно. Он легко их отбил, а потом мое лицо обожгло болью. Правый зарядил мне сбоку в нос. По подбородку потекла горячая влага.

Что-то много крови я сегодня теряю...

Ладно, будем действовать по-другому.

Отступил и тряхнул головой. Продолжил осторожно пятиться по проходу, оттягивая их следующую атаку, выигрывая больше времени.

Вдруг парень слева бросился на меня. Я, скользя в сторону, пропустил его мимо, согнул ногу и, резко разогнув ее, ударил ему в колено сбоку. Нога, на которую он как раз опирался, чтобы удержать равновесие, подогнулась. Крича от боли, враг упал, но и мне тут же прилетело под дых.

Сосредоточился на одном противнике, а второй в это время не дремал.

От подлого удара в живот мир в глазах на мгновение потух, а потом взорвался новым приступом боли. Вдохнуть я не мог. Легкие горели огнем, требуя кислорода, адреналин сжигал его остатки, заставляя сердце бешено колотиться.

Чья-то пятерня схватила меня за волосы и с силой потянула к себе, заставляя потерять равновесие, а в лицо полетело колено. Я успел выставить одну руку, смягчая удар, но он все равно вышел что надо. Вражеское бедро с силой вдавило мою собственную руку мне в лоб, а колено, оказавшееся чуть ниже, врезало по носу.

Из глаз брызнули слезы. Из горла вырвался глухой стон. После удара я оказался на земле. Зато смог наконец вдохнуть. Глоток кислорода ненадолго придал сил, и я успел схватить противника за ногу, одновременно с этим встал и боднул его плечом в живот. На миг почувствовал сладковатый запах его одеколона, смешанный с кислинкой пота.

Уронил врага, но и сам снова потерял равновесие, упав на четвереньки. Твердое покрытие асфальта больно врезалось в ладони.

— Вставай, мразь! — крикнули спереди.

Шестым чувством понял, что мне сейчас прилетит ботинок в лицо. По крайней мере, будь я на месте врага, так бы и сделал.

Успел закрыться руками, и сильный пинок откинул меня назад. Я приземлился на задницу, не удержав равновесия. Бил Громила с перекошенным от злобы лицом. Его спутники явно были выключены из боя. Первый жался к стене, сжимая руками поврежденное колено, второй после толчка, видимо, ударился головой и сейчас приходил в себя. Третий парень мельтешил за спиной Громилы, не решаясь вступить в бой.

— На ремни порежу, сука... — прошипел Громила, доставая из кармана нож.

Щелчок, и в темноте блестит короткое, но явно острое лезвие. Я отполз от него подальше, уперся спиной в стену и встал, помогая себе руками.

— Да что с тобой такое? — удивился примитивной злобе Громилы. — Тебя женщины, что ли, не ласкают, что ты на каждую встречную бросаешься? Или отец поколачивает?

— Да что ты несешь! — взревел он, а его голос резанул по ушам в узком пространстве арки.

— Вот они! — крикнула Алиса, появляясь в проходе.

За ней спешили двое мужчин в темной форме, кепи и с дубинками. По виду — местные стражи порядка.

— Еще свидимся, козел, — напоследок полоснул по мне серыми глазами Громила и рявкнул своим прихвостням: — Менты! Валим!

Парни побежали, подхватив хромящего друга. Тот, что терял сознание, всё же пришел в себя и тоже спешно отступал, отталкиваясь от стен и постепенно набирая скорость. Стражи с дубинками кинулись следом с криком:

— Эй, а ну, стоять!

Вскоре звук бегущих ног в ботинках и форменных берцах затих за пределами арки.

— Ты в порядке? — оказалась возле меня Алиса.

— В полном, — немного в нос ответил ей, глядя на испачканную кровью темную рубашку. Вытер лицо как смог, стараясь не прикасаться к носу. Воспользовался бутылкой воды, поданной Алисой. — Пошли отсюда.

— А как же... заявление написать?

— Зачем? — удивился я. — Обычная драка. Да и не поймают их. Разделятся, а потом ищи ветра в поле.

— Ну... как скажешь.

Мы вышли из арки. Люди шли мимо, словно ничего не заметили. Впрочем, так оно и было. Арка отсюда казалась темным безликим пятном на стене дома. Шагая, даже не посмотришь в его сторону. Только некоторые удивленно озирались, заметив на мне кровь. Мимо, звякнув на повороте, проехал трамвай.

— Повезло, что патруль был неподалеку, — будто извиняясь, заговорила Алиса. Она хмурилась, отчего на лбу залегли борозды. — Я уж хотела вернуться и...

— И что? — перебил я ее немного зло. — И сделала бы так, что я зря остался в арке? Так себе перспектива.

В ушах все еще колотилось сердце, а нос неприятно пульсировал.

— Извини, — буркнула девушка. — Просто меня бесит, что меня постоянно опекают и спасают.

— Такова жизнь, — дернул я плечом и зашипел от боли. Растянул, похоже. Или синяк где-то получил. Хотя как сказать «где»... — Их четверо, они сильные. И при любом раскладе они будут сильнее тебя. Даже если ты двадцать лет будешь заниматься единоборствами, велик шанс проиграть в драке против четырех противников. Особенно хрупкой девушке. Природой заложено, что вы слабее. Вот если бы у тебя был отравленный клинок... Или парализующий яд на губах, тогда ты могла бы поцеловать их главаря, а потом и остальных. И делай с ними что хочешь.

— Чего-о-о? — Лицо Алисы вытянулось, и она даже споткнулась о бордюр, когда мы перебежали дорогу к кофейне. А потом засмеялась: — Блин, Исаев, двадцать лет тебя не знала, еще бы столько же не знала!

Напряжение схватки начало отпускать, нервы натянутые, как струны, с облегчением лопнули, и я тоже засмеялся. А перед глазами все еще стоял отрезвляющий блеск ножа. Давненько я не чувствовал освежающее дыхание смерти у себя на загривке. Даже несколько часов назад, когда Порча убивала меня.

Воспоминание о Порче резко оборвало мой смех. Не нравилось мне, что здесь нет магии. Но слова об алхимиках доказывали обратное. Что-то здесь не так. Надо скорее попасть домой.

Зайдя в кофейню, я отправился в туалет, чтобы привести себя в порядок. Алиса же занялась покупкой кофе. Причем она настояла угостить меня — мол, хоть так отблагодарит за спасение.

Умылся холодной водой и на несколько минут приложил к носу клочки мокрых бумажных полотенец. Через минуту отек носа слегка уменьшился, и я смог им хоть чуть-чуть дышать. Из зеркала на меня смотрел побитый парень с фотографии на пропуске. Только щетина длиннее, а под глазами небольшие припухлости. Да и в волосах некоторый бардак. Впрочем, на

последнее вообще плевать. Я в целом сейчас походил на какого-то забулдыгу-простолюдина в дешевой, местами рваной одежде. Так что неряшливая прическа погоды не делала.

Алиса уже ждала меня снаружи с чашкой кофе. Мимо снова проехал трамвай, который она проводила глазами.

— Следующий через десять минут, — она протянула мне бумажный стакан. — А твой дом в той стороне, — показала в противоположную сторону улицы, затопленной бордовой дымкой.

Горячка боя окончательно отпустила, и я почувствовал, как на улице стало свежо. Приложился губами к пластиковой крышке, ожидая, что вот-вот во рту окажется терпкий и горячий напиток, и... жестоко обманулся. Сладкая бурда скользким комком прокатилась по небу и ухнула в горло.

— Что это? — спросил я, скривившись.

— Латте с яйцом! Нравится? — Довольная своим выбором, Селезнева даже не заметила моего выражения лица.

— Когда речь шла о кофе, я ожидал выпить кофе.

— Но это кофе!

— Ага, а я чемпион по боксу.

— Не похоже, — наморщила носик рыжая.

— Вот именно.

— Ладно, — все еще морщась, сказала Алиса. — Все равно спасибо, что спас. Я пойду — скоро трамвай. И не опаздывай завтра на работу! Там с утра такие очереди на лифт...

Алиса перебежала дорогу и оказалась на остановке возле трамвайных путей. На миг обернулась ко мне и помахала рукой. Я махнул в ответ, а затем, когда она устремила взгляд вперед, на заходящее солнце, выкинул незаметно стаканчик со сладкой бурдой. Селезнева улыбалась солнцу, а ее волосы, ласкаемые ветром, горели ярким огнем. Она словно старательно забыла о том, что только что произошло в парке. Зато мой нос болел, а голова гудела в подтверждение того, что это теперь моя новая реальность.

Складывалось такое впечатление, что Алиса все еще живет в каком-то своем мире, но местами он уже трещит по швам. Откуда я это знаю? Опыт. Со мной остался прежний опыт. Может быть, ошибаюсь, но время покажет. В любом случае сейчас мне до этого нет дела. Куда важнее — наконец попасть домой к Исаеву. И ко мне.

Я шел вдоль улицы со средней скоростью, позволяя себе осмотреться и привыкнуть к этому миру. Дома здесь выглядели по-другому: хотя те же окна и двери, но архитектура другая. Старинные здания соседствовали с новостройками, высокими и цветастыми. Лица людей тоже несколько отличались от привычных мне. Разум Исаева подсказал, что они славянские.

Вообще, потихоньку мне приходили его знания. Пока обрывочные и неясные. Думаю, чем дольше буду в этом теле, тем лучше будет ситуация с воспоминаниями. В целом, тело мне нравилось, а назад не хотелось. Порчу там я победил, в этом уверен. И в том мире во мне больше нет нужды, а вот в этом...

Что же убило тебя, Исаев?

Вскоре память подсказала нужный дом в глубине спального района, подъезд и дверь на пятом этаже. Ключ нашелся в кармане, замок шелкнул, и дверь открылась. Пахнуло тем непередаваемым запахом, каким всегда пахнет съемное жилье.

Представляло оно собой трехкомнатную квартиру со старым ремонтом и такой же старой мебелью. Прихожая, короткий коридор, от которого налево отходил еще один на кухню, затем дверь в небольшую комнату, в конце — зал, направо еще одна дверь в другую комнату.

Первым делом прошел в ванную и еще раз тщательно умылся, снял рубашку и закинул ее в стирку. Благо в этом мире все было практически таким же, как и в моем прошлом. Ну

если не считать отсутствия магии. Затем, приложив холодное полотенце к носу, на миг глянул в зеркало. Под глазами уже темнели синяки.

Да уж, ну и видок у меня. Сейчас бы зелье от синяков и регенерирующий отвар... Ладно, посмотрим, что есть у этого Исаева.

Кстати, телосложением он обладал не самым плохим, но есть над чем поработать. Над выносливостью, например.

Обе комнаты запирались на простенькие замки, к первой, что была меньше, мой ключ не подошел. Подошел ко второй. Достаточно большая. Кровать, тумбочка, небольшой диван и старинный письменный стол с кучей ящичков. Вроде аптекарского. И шкаф, закрытый на висячий замок.

Я хмыкнул. Все-таки этот Исаев втихую алхимичил. На столе заметил характерные въевшиеся пятна и ожоги от слабой кислоты. В шкафу, как я и думал, нашлось кое-какое оборудование на полках в правой части. Слева висело немного одежды.

Первым делом я провел ревизию. Вытащил все оборудование, вскрыл все ящики стола и проверил их содержимое. И здесь нашелся неплохой арсенал! Ну, для начинающего алхимика.

Все оборудование было старым. Очень старым. Им явно пользовалось не одно поколение алхимиков. Выдавшая виды ступка со стертым на бок пестиком, простейший микроскоп, мутные колбы и реторты, котелок на специальной подставке с блестящим медным боком. Куча разного по мелочи: реагенты, штативы, кое-какие травы.

— Ха! — громко выдал, взяв в руки настоящий раритет.

Старинная ручная центрифуга! У которой надо ручку крутить!

Тут же в голове всплыли приятные воспоминания из детства. Именно на такой я получил первые кровавые мозоли в восемь лет. Нужно было крутить ручку целые сутки, без перерыва и с одной скоростью, но я был чертовски счастлив! Первая настоящая алхимическая работа от наставника. Правда, он неусыпно бдил, чтобы я не сбивался с ритма. Когда это все же происходило, мне прилетала неплохая такая затрещина.

Да, хорошие были времена.

Переписав на листок бумаги все, что нашел, сел за стол и внимательно перечитал список.

— Что же ты пытался сделать, Исаев? — пробормотал задумчиво, касаясь головой зеленого абажура настольной лампы. — И почему ты делал зелье в лаборатории, а не здесь?

Я оглянулся на кровать, на которой все разложил, и мысленно сопоставил свою первую лабораторию с тем, что видел, одновременно сверяя обе со списком.

Точно!

Здесь не хватало хорошего эксикатора для поглощения влаги и кристаллизатора. Но не в этом дело, по правде говоря. Перегонный куб. Его тоже не было. А без него не смешать большинство ингредиентов, доведя их до состояния пара, и не сконденсировать в жидкость.

Что ж, с этим разобрался. Тогда есть несколько вариантов, как можно выяснить, что за зелье готовил Исаев.

Самый простой — взглянуть на него с помощью дара алхимика. Тогда я увижу, как зелье переплетает магические Нити, какие они, какого цвета и толщины, и смогу понять, что за ингредиенты использовал парень и чего хотел достичь. Одна проблема — использование дара так мучительно, словно он у меня едва пробудился. Да и по голове мне сегодня надавали, так что для нее это будет смертельное испытание. Так что тут утро вечера мудренее.

Ладно, была еще вторая проблема — отсутствие магии и Нитей. По крайней мере, видимой.

Но так легко сдаваться я не собирался.

Ведь есть еще два варианта. Сложный и очень сложный. Сложный — взять остатки зелья, развести его в дистиллированной воде и попробовать. Сложность в том, что так и умереть

можно. Во второй раз. А очень сложный путь — попробовать разложить остатки зелья на составляющие и попытаться понять, что именно послужило причиной смерти.

Второй вариант мне нравился больше, потому что в случае неудачи я просто терпел неудачу, а не умирал. С него я и начал.

К счастью, все зелья готовятся по схожим принципам — отличаются ингредиенты и различные нюансы. Например, скорость помешивания в котелке, направление помешиваний, время кипячения, очередность смешиваний и тому подобное.

Часть оборудования я разместил на столе, а другую — на полу вокруг. Превратил комнату в кустарную лабораторию алхимика. Раскопал несколько спиртовок для подогрева и расставил необходимые ингредиенты.

Главное в алхимии — личная безопасность. Так что я надел старый респиратор со сменными фильтрами и приступил к работе.

Для первого этапа развел остатки зелья из склянки в дистиллированной воде. Пурпурные волокна растянулись паутиной в прозрачной жидкости, но не смешались с ней. Разделил на три равные части. В одну добавил несколько капель разделяющего агента, который ослабит связи между компонентами. Нашел какой-то средненький, на основе окиси этилена, но другого у меня не было. Залил смесь в жаростойкую колбу и поставил на огонь. Сверху накрыл перевернутым очищенным котелком, слегка наклоненным набок.

Замысел в том, что разделенные компоненты смешаются с водой под воздействием жара, а затем начнут испаряться с различной скоростью. Затем пар будет конденсироваться на стенках котелка и стекать вниз. А там уже буду поджидать я с несколькими чашками Петри, на которые и буду ловить выпадающий конденсат.

Да, способ так себе, но лучшего сейчас не имелось. Будь у меня моя лаборатория, я бы... Ну да ладно. Новую лабораторию я соберу, а пока использую что есть.

Не скажу, что все прошло как по маслу. Хотя бы руки Исаева в плане алхимии оказались тренированными и действовали четко и уверенно. Удалось выделить лишь несколько компонентов. Еще два я смог получить с помощью... да, с помощью ручной центрифуги! Залил вторую часть раствора и два часа ее крутил, пока настенные часы в зале не пробили полночь. Правая рука гудела от усталости, но выдержала. Похоже, Исаев часто ею пользовался. В смысле, центрифугой.

Осмотрев компоненты в микроскоп и проведя пару тестов с индикаторами, выяснил большую часть ингредиентов зелья. Не все, но с девяностопроцентной уверенностью я теперь мог сказать, что это было за зелье.

Обычное укрепляющее зелье. В моем мире его широко использовали во время сезонов простуд. Оно воздействует на организм, улучшая обмен веществ и укрепляя иммунитет.

И черт возьми, не убивает людей!

— Зараза... — сняв старенький респиратор, простонал я, чувствуя, как гудит голова, и вдыхая кисловатые ароматы реагентов и прочих осадков. Я уже знал, что они не опасны.

Встал и открыл форточку, чтобы проветрить помещение.

Ладно, если в оставшихся ингредиентах был какой-то яд, я пойму это по вкусу. В столь малой концентрации, которая будет в одном небольшом глотке, они меня не убьют. Максимум — пару дней поболею. К тому же я всю прошлую жизнь готовил свое тело к возможному отравлению, перепробовал кучу ядов, постепенно повышая их концентрацию. Все мои знания по-прежнему со мной, так что знаю, с какой дозы можно начать.

И что может быть лучше небольшой порции яда в пятницу вечером, а?

Отринув все сомнения, потому что они ведут к хаосу, а хаос ведет к гибели, вытащил из небольшой склянки с раствором пробку и сделал небольшой торопливый глоток. Погонял между щеками, ощущая слегка кисло-сладкий вкус, и проглотил.

Долгую минуту ничего не происходило. Во вторую тоже, зато в коридоре повернулся ключ в замке входной двери, и она открылась. По крашеным фанерным листам простучали тяжелые ботинки, и в пятне света появился хмурый человек в форме местных стражей порядка. На поясе у него висели дубинка, кобура с оружием и прочие приبلуды. Правая рука человека легла на кобуру.

— Ты же знаешь, что алхимия под запретом! — недовольно сказал он.

Одновременно с этим произошла еще одна вещь. Тело пронзила дикая боль, и меня согнуло пополам. По жилам стремительно растеклась Порча.

Глава 4

— Макс! — закричал страж порядка, отбрасывая снятую кобуру в сторону. — Что с тобой, Макс?!

Я осел на пол и ударился головой о подоконник, тело затрясла крупная дрожь. А я захотел от чувства огромного облегчения.

— Блин, Макс! Держись, я вызову скорую!

— Не надо... — хрипло посмеиваясь, попросил я. — Нет нужды.

Боль постепенно начала проходить. Я направил все силы организма на борьбу с Порчей. Точно так же, как несколько часов назад, когда Диметрий отравил ею Клубок. Удивительно, но вместе с сознанием перенеслась и способность перерабатывать Порчу!

Впрочем, обрадовало меня вовсе не это...

В этом мире была магия! И сейчас капелька ее, очищенная от Порчи, растеклась по венам. Словно тонкая Нить мимолетно прикоснулась ко мне.

— Боже, да что с тобой такое? Выглядишь, как мертвец! — Незнакомец легко подхватил меня, просунув ладони в подмышки, и куда-то потащил. — Хотя бы желудок тебе прочистим.

В глазах слегка двоилось, стены и потолок качались, как в шторм. Постепенно этот эффект ослабевал, только ноги слушались плохо.

Вскоре страж, или кем он там был, подтащил меня к унитазу, сияющему чистотой. Но от одного его вида желудок подкатил к горлу. Я вырвался из рук парня и припал к холодному белому трону. Из меня извергалась мерзкая на вид зеленоватая жижа с черными прожилками. Пахла она тоже не очень.

Да... Порчу фильтровать не просто.

— Твою ж мать... — ругнулся парень и прижал тыльную сторону ладони ко рту, давя собственный рвотный позыв. — Что это?

— Хе-хе-хе... — улыбнулся я, привалившись к прохладному кафелю стены. Развел дрожащими руками в стороны. — Магия! Только плохая.

— Магия? Какая еще магия? Магия у аристократов, и то не у всех, а только патриархов рода. А это... черт, даже не знаю. Больше похоже на какую-то отраву. Что ты... что сделал? Хотя ладно, все вопросы потом. Давай-ка приведем тебя в порядок, а то больше похож на наркомана со стажем, который жуткий отходняк словил.

С этими словами он вновь помог мне встать и повел в ванную комнату по соседству. К концу короткого пути я уже мог стоять сам и отказался от его помощи. Умылся, прополоскал рот, чтобы избавиться от мерзкого привкуса, и почистил зубы.

В голове лихорадочно билось всего одно слово — магия! В этом мире она была! Это многое объясняло, но оставляло еще больше вопросов.

Во-первых, почему ее так мало? В моем мире магия была повсюду. Конечно, не все могли ею пользоваться на уровне дворянских родов, но артефакты были доступны всем, благодаря огромному количеству артефакторов. А здесь... Магия только у глав, а не у всего рода? Интересно.

Во-вторых, откуда Порча? Зелье самое обыкновенное. Неужели один из ингредиентов был отравлен ею? Один из тех, которые я не смог выделить, например. Ладно, с этим еще разберемся. Попробую с утра использовать дар. Должно получиться лучше, чем вечером, — спасибо капельке магии.

Закончив приводить себя в порядок, вышел на кухню. Роман уже заварил свежего чая, пока я умывался.

Да, я вспомнил, кто это такой. Роман Копылов, друг детства Исаева, они вместе из глубинки приехали в этот город и сняли квартиру. Каждый шел своей дорогой, но в целях эко-

номии снимали жилье на двоих. Копылов — простолюдин, Исаев, то есть я, — последний из рода алхимиков. Опального рода. Такое положение дел мне даже нравилось. Никому не будет до меня дела, пока выясняю, откуда здесь Порча. А когда обо мне узнают, будет поздно, ведь я уже развернусь во всю мощь.

Роман был высоким и мускулистым, от постоянных тренировок, парнем. Темные короткие волосы, карие глаза, волевой подбородок, среднего размера нос и родинка на правой скуле. Работал он в полиции (это название я тоже вспомнил), а точнее, в уличной службе. Зарплата маленькая, но стабильная. Пошел по стопам своего отца.

— Слушай, Макс, ты ставишь меня в неудобное положение, — говорил он, разливая по кружкам горячий чай. Я сидел на угловом диване у кухонного стола. — Я и так сильно рискнул, когда разрешил держать все твои алхимические штуки у нас дома. А ты, кстати, обещал ими не пользоваться. И что я вижу, придя домой после смены? В квартире воняет, на полу целая лаборатория со всеми этими мензурками... — Он со стуком поставил передо мной кружку, плеснув себе на пальцы кипятком. Раздраженно смахнул горячие капли. — А ты загибаешься от какого-то яда! И неизвестно, что я должен сделать сперва: вызвать скорую, чтобы спасти тебе жизнь, или арестовать? У нас был уговор, Исаев...

Роман сел напротив и исподлобья уставился на меня, покусывая нижнюю губу.

— Я знаю, — не стал отпираться. Не в моих правилах искать себе оправдания. — Просто поверь, что так было нужно.

— Алхимия не зря под запретом. Ты чуть не отравился.

Строго говоря, все-таки отравился.

— Если ты от своих экспериментов все-таки умрешь, то мне придется нарушить целую кучу законов, чтобы замести следы, — продолжал Роман. — А хуже всего, что я друга потеряю. Мне как-то не хочется руки в мозоли стирать, закапывая тело человека, с которым и в огонь, и в воду готов пойти.

А вообще, действительно. Как бы цинично это ни звучало, но мне придется свой человек в структурах власти.

— Не переживай, Рома, — улыбнулся я своей самой чарующей улыбкой. — Все будет в порядке. А скоро станет еще лучше.

Когда избавлю мир от Порчи.

— Кстати, я сегодня головой сильно ударился...

— Оно заметно, поверь, — сказал Роман, пальцем очертив свое лицо, и шумно хлебнул чая.

— Память немного подводит. Не напомним, с магией всегда так было?

— Как так?

— Ну... — Я тоже отпил чая. Он оказался вкусным, травяным. Сразу захотелось спать. — Ее мало, почти нет, можно сказать.

Роман, сузив глаза, несколько долгих мгновений смотрел на меня, затем выдохнул, словно отмахнувшись от какой-то мысли, и заговорил:

— Нет конечно. Двести лет назад была Мировая Магическая Война. Все три слова с большой буквы. Старые Империи схлестнулись и воевали несколько лет, пока магия чуть не расколола мир. После этого она резко пошла на убыль, и людям пришлось приспосабливаться жить без нее. Остались только старые магические артефакты, да дворянские роды, в которых Реликт переходит по наследству.

— Ясно... А алхимия здесь при чем?

— Так она и чуть не уничтожила мир. По сути, если честно, она остановила войну. Точнее, ее запрет. От зелий алхимиков люди вдруг начали умирать, как от чумы какой-то. Самые могущественные роды алхимиков пытались разобраться, в чем дело и что происходит с зельями по всему миру, но и их это тоже коснулось. Мерли, как мухи от отравы. Или будто на

них открыли охоту высшие силы, не знаю. Да никто не знает. А может, война что-то изменила или оружие какое-то применили. Но с тех пор алхимия и любые зелья под строжайшим запретом. Причем не только из-за того, что от случайного зелья может погибнуть кто-то невинный, но может умереть и сам алхимик. Просто потому, что решил воспользоваться своим даром.

— Оружие, говоришь, применили... — потер я подбородок, зацепившись за любопытную мысль. — Интересно...

— У тебя лицо, будто в голове шахматную партию играешь, — хмыкнул Роман. — Только сперва тебе доской по лицу съездили. Кто тебя так отделал?

— Так, шпана одна. Не бери в голову.

— В голову ты уже взял! — вдруг захохотал, хлопнув рукой по столу, Роман. — Ладно, прости, это нервное. Тяжелая смена была, вскрывали квартиру одной старой семейной пары. Как в сказке: умерли в один день, а от чего — непонятно. Пойду спать. Завтра с утра еще учебники штудировать. Скоро экзамен по криминалистике. Постарайся не экспериментировать сегодня с алхимией больше. А то сплю я крепко, стонами умирающего и хрипами не добудишься. Доброй ночи!

— Доброй, — отсалютовал я ему в спину кружкой с остывшим чаем.

— И кстати, — бросил он через плечо, на ходу расстегивая темно-серую рубашку, — подумай записаться куда-нибудь на тренировки, а то район у нас сам знаешь какой. Шпаны на всех хватает.

— Подумаю.

Я и в самом деле уже об этом думал. Но решил отложить более основательные думы и тренировки на завтра. Глаза уже слипались, а время далеко за полночь. Выставив будильник на телефоне, лег спать, так и не прибрав лабораторию.

Прибравшись только с утра, успев немного укорить самого себя за бардак. На рабочем месте алхимика всегда должен быть идеальный порядок. Порядок на столе — порядок в голове. А это первейшее и необходимейшее качество для алхимика.

Чистый разум.

Поэтому завтракал по пути на работу. Я уже знал, что мой рабочий день начинается в восемь утра.

Утром, когда уходил, Рома вовсю зубрил. Интересно, он хоть вообще спал? Бесполезно учить материал, если не высыпаться. Он просто хуже усваивается.

Впрочем, я и сам сегодня не выспался, а голова после вчерашних приключений была несколько чугунной, но в целом во вполне рабочем состоянии. Однако небольшая порция бодрости мне не помешает. Да и бутерброд, съеденный на бегу и всухомятку, мне уже поперек горла встал. Поэтому забежал в кофейню, в которой Алиса вчера покупала сладкую бурду.

Отстояв небольшую очередь, оказался лицом к лицу с кассиром.

— Что вам угодно? — спросила миловидная девушка с приклеенной улыбкой.

— Кофе, — ответил ей.

— Конечно! — Она улыбнулась еще шире. — У нас есть капучино, тыквенный латте, латте с яйцом, мокачино, лавандовый раф...

— Кофе, — повторил я, не понимая.

— А еще у нас широкий выбор молока! — кассир меня словно не слышала. — Безлактозное, миндальное, овсяное, кокосовое...

— Кофе! — начиная сходить с ума, вскипел я. — Просто черный кофе.

— Но у нас не подают... — приклеенная улыбка слетела с лица девушки.

— Это кофейня, так? — перебил я ее. — И в основе всех этих ваших напитков лежит один и тот же ингредиент. Черный такой, горький и горячий, как лава. Понимаете, о чем я?

— Д-да, кажется...

— Подайте мне большую чашку черного, как душа вашего маркетолога, кофе. И горячего. Без сахара. Без сливок.

— Д-да, господин, хорошо...

— Благодарю... — я взглянул на бейджик, — Анастасия.

Я заплатил наличкой из старого кожаного кошелька и вскоре получил, наконец, свой кофе. Отходя от кассы услышал от парня с холеным лицом и субтильной фигурой:

— Будьте добры, лавандовый раф на миндальном молоке с банановым сиропом...

Меня аж передернуло, стоило только представить насколько будет приторный вкус у этого кофейного компота. Спустя несколько секунд мне полегчало, потому что сделал первый глоток горького, обжигающего и крепкого кофе.

То, что надо с утра.

Без четверти восемь я уже входил в здание «Воронов-Фармацевтика». Почти вся одежда на мне была вчерашней: джинсы, светлая застиранная рубашка и старая куртка. Гардероб Исаева не страдал избытком и широтой ассортимента. Но я это дело поправлю. Такой гардероб меня, конечно же, не устраивал. У мужчины должны быть костюмы на все случаи жизни.

В холле было несколько лифтов, и к каждому вела своя очередь. Длинная. В конце одной из них стоял вчерашний Коршунов. А заметив меня, злобно оскалился.

— Начинать считать часы до увольнения, Исаев! — шепнул он, когда я поравнялся с ним.

— Смотри, не умри от ожидания, Коршунов, — тут же парировал его выпад. — Или в этой очереди.

И шмыгнул дальше. Легкой рысцой пробежал всю очередь и ужом проскользнул в двери, которые начали закрываться.

— Эй, тут вообще-то очередь! — успел выкрикнуть какой-то брюнет лет сорока в дорогом сером костюме.

— Господа, поля пшеницы сгинут без хорошего удобрения! Спешить на работу — мой долг! — бросил ему в красное от гнева лицо.

А еще мой долг первым оказаться в лаборатории, чтобы проверить кое-что.

Кто-то внутри лифта хихикнул. А седовласый мужчина в черном официальном костюме улыбнулся одной стороной рта.

— Хоть кто-то в этой компании любит свою работу, а не только деньги от нее, — хмыкнул он. — Какой вам этаж, юноша?

— Двадцатый.

Мужчина, стоявший рядом с пультом лифта, нажал кнопку двадцатого этажа, а затем еще одну. Последнего, тридцатого. Моя левая бровь сама собой поползла вверх. Обычно на самом верху сидят всякие шишки.

— А лицо вам за такую же выходку подправили?

— В прошлый раз не успели закрыться дверцы лифта.

Мужчина хмыкнул в короткие седые усы и замолчал.

Постепенно толпа в лифте поредела, а на двадцатом, когда я вышел, следом за мной выскочила Алиса. Она была одета в легкое бежевое пальто, модные брюки и туфли на каблуках. А на шее был намотан сине-рыжий платок с интересным узором. В руках рыжая держала сразу два стакана кофе из той же самой кофейни. Странно. Видимо, мы разминулись. И плакали мои планы побыть немного одному в лаборатории.

— А ловко ты его! — почти выпрыгнула она передо мной, сделав пару шагов спиной вперед. — Только Бойлерову не говори, а то поймет, кто виноват, что очередной его пестицид никак сертификацию не пройдет.

— Ты о чем? — искренне не понял.

— Про мужика, перед которым ты в лифт заскочил. Это же был племянник барона Яковлева — начальник отдела по контролю качества. Злопамятный, и с Бойлеровым и без того на ножах. Может легко заставить сертификацию хоть десять раз проходить. Ты что, не знал?

— Забыл, — пожал я плечами.

— Ну, он тебе это припомнит, можешь не сомневаться! — подмигнула она с довольной улыбкой и открыла дверь лаборатории, нажав локтем ручку и пихнув створку ягодицами. — Но тебя заметил глава филиала, так что даже не знаю, радоваться за тебя или плакать...

Кабинет пустовал. Разве что полы сияли чистотой. Не осталось ни капель крови, ни осколков. Хорошо, что склянку прихватил, не то валяться бы ей на дне мусорного ведра.

Алиса скинула пальто, оставшись в белой водолазке, и накинула такой же белый халат. Я тоже переоделся, когда она отошла от шкафчиков, а из внутреннего кармана достал склянку с раствором и чашки Петри с отделенными ингредиентами в виде разноцветных капель.

Пока Алиса наводила марафет, свернув свои пышные волосы в узел на голове и проткнув его карандашом, я сел к ней спиной и воспользовался даром алхимика.

На свежую голову дело пошло куда лучше. К тому же наверняка сказалось вчерашнее поглощение капельки магии, несколько оживившей мой организм.

Перед глазами плавали полупрозрачные круги. Я смотрел на склянку, на чашки перед собой на столе и ничего не видел. Пришлось напрячься до звона в ушах, чтобы разглядеть то, что я и так уже знал.

Порча. И едва заметные мертвые Нити.

Через три секунды снова затрещала голова. Сквозь стиснутые зубы против воли вырвался тихий стон, громом прозвучавший в тишине кабинета.

— Исаев? — тут же откликнулась Селезнева. — Что с тобой?

— Все в порядке, — сипло ответил ей, обернувшись через плечо. — Просто головная боль после вчерашнего.

— Может, стоило взять отгул?

После того, что я сейчас увидел? Ни за что.

— Все в порядке, Алиса, — железом в голосе скрипнул в ответ. — Просто легкий приступ мигрени. Я могу работать. Ты же слышала в лифте — поля без посевов останутся.

А мир без магии.

Алиса молча цокнула языком и вернулась к рисованию стрелок, а я — к своим мыслям.

Порча. Здесь. В своем мире я жизнь отдал, чтобы ее победить! А здесь мой предшественник, похоже, не справился. Не знаю, что за сила зашвырнула меня сюда, но ей явно тоже не по душе Порча. А значит, пока что мы союзники.

Вокруг склянки с раствором едва заметно парили в воздухе мертвые, невесомые и почти прозрачные Нити. Настолько испорченные, что даже нельзя было определить их цвет. О нем мог только догадываться по известным ингредиентам. Раз Нити парили, значит, в них еще была магия. Точнее, ее замена в виде Порчи.

Также я успел оценить то, как Нити были сплетены. Да, алхимики с помощью своего дара прикасаются к нитям и плетут узоры во времяготовки зелий или артефактов. Те самые нюансы в помешивании и прочем. Только самые сильные алхимики могут себя не утруждать такими мелочами, сплетая Нити напрямую, а при готовке выполняя лишь самый минимум действий. Артефакторы, чья специализация артефакты, работают так же, но у них свои нюансы. У магов все работает немного по-другому, но об этом позже.

Главное, что Исаев создал сплетение Нитей. Грубоватое, лишенное тонкости и изысканности, в общем, грубая работа... Но! Оно было рабочим. Все испортила Порча.

Я успел мельком и ингредиенты осмотреть. Мертвые Нити, ни следа магии. Либо она в них была, но ушла, либо... Зелье сработало благодаря Порче, которая была в одном из неизвестных мне ингредиентов.

Солнечный луч упал на склянку, пройдя сквозь нее, обрел маленькую радугу по краям, упавшую на поверхность стола.

Порча это очень плохо. Особенно, если ее кто-то использует в качестве оружия. В памяти всплыли слова Романа, что люди начали умирать резко, словно применили какое-то оружие, после которого все изменилось. Может, это и была Порча? Если так, то никто не может обладать таким оружием...

Ладно, это дела минувших дней этого мира, надо разобраться с днями текущими.

Пока что надо понять, откуда она взялась в зелье. Какой ингредиент нес на себе ее заряд? Исаев добавил в зелье что-то еще. Ладно, в этой лаборатории куча современного оборудования. Дело пары часов, если никто не будет мне мешать.

Вдруг громко хлопнула входная дверь, и в кабинет, как вихрь, ворвался мужчина в белом халате. Его ясные голубые глаза бешено рыскали по кабинету, а у меня появилось ощущение, что примерно так же свирепый бульдог ищет, в кого вцепиться.

Глаза вцепились в меня сквозь ряды колб, мензурок и бутылок с реагентами на полках над столом.

— Исаев! — рявкнул этот человек и ткнул большим пальцем себе за спину. — В отдел кадров. Живо!

Глава 5

Человек в халате, отправивший меня в отдел кадров, тот самый Бойлеров, в таком же бешеном темпе пролетел до своего рабочего стола в углу кабинета. Он стоял напротив входа. Я же пока не сдвинулся с места.

— Чертов Яковлев с утра решил изображать из себя работника месяца, — злился Бойлеров. — Теперь будет мурыжить с сертификацией нового калийного удобрения месяц или два. Знать бы, кто ему на большую мозоль наступил!..

Алиса, быстро смекнув, что дело пахнет жареным, услужливо, почти вприпрыжку, подошла к столу начальника.

— Иван Степанович, а я вам кофе купила! — поставила она перед ним бумажный стаканчик с логотипом кофейни в виде русалки-мутанта с двумя хвостами.

Бойлеров все еще злился. Ростом он был чуть ниже меня, метр семьдесят пять, имел рыжевато-русую шевелюру, которая вилась небольшими колечками. Несколько из них падали на лоб. Прямой нос и будто вечно натянутая тонкая верхняя губа делали его оскал похожим на звериный.

Начальник отдела машинально взял стаканчик и сделал солидный глоток. Спустя миг его лицо покраснело от гнева, а сам Бойлеров бросился к ближайшей раковине и остервенело сплюнул светло-коричневую жижу.

— Что это, Селезнева?

— Яичный латте... — проблеяла напуганная девушка, а я, признаться, чуть не засмеялся в голос.

— Девочка моя! Если таким способом ты хотела загладить свою вину за то, что разозлила идиота Яковлева, то идея была хорошая, но реализация, как обычно у тебя бывает, подкачала, — на одном дыхании выдал Бойлеров. — Когда люди говорят «кофе», они подразумевают такой напиток почти черного цвета, горячий, как лава, и на вкус, как смесь пыли с черноземом, но ужасно бодрящий. Вот что такое кофе! А не эта сладкая бурда, больше похожая на жидкую карамель.

— Да вы с Исаевым сговорились, что ли... — обескураженно выдала Алиса. — Он на всю кофейню про этот черный кофе орал...

Ладно, пора это заканчивать, а то рыжая того и гляди в слезы ударится.

— Это я, Иван Степанович, — произнес вслух, вставая со стула.

— Что ты — это ты, Исаев, говори с утра перед зеркалом, а мне об этом напоминать не нужно, — тут же огрызнулся Бойлеров. — Ты уже две минуты как должен быть в отделе кадров... Ох е!.. Тебя что, трамвай на повороте сбил?

— Это я разозлил Яковлева, — пропустил я его речь мимо ушей. Похоже, у Бойлерова такая манера общения. Либо он просто никого не уважает. Если последнее, то уважать себя я заставляю. Со временем. — Заскочил перед ним в лифт.

— Знаю, — еще больше натянул верхнюю губу Иван Степанович. — Хотел посмотреть, подставишь вместо себя эту мягкую зефирку или все-таки нащупаешь через карман собственные яички. Молодец, что нашел. Надеюсь, не раздавил всмятку с непривычки. Так... что с твоим лицом?

— Я... — начал говорить, даже еще не зная, что отвечу, но Бойлеров меня перебил.

— А-а-а! — отрывисто протянул он, щуря глаза, скаля зубы и качая головой. — Мне плевать. Подробности твоей личной жизни и постельных пристрастий меня не волнуют. Но в отдел кадров в таком виде я тебя пустить не могу. Еще решат, что опять избиваю подчиненных...

— В смысле, опять?! — хором удивились мы с Алисой, переглянувшись.

Девушка выглядела слегка напуганной.

— Да, опять. А что не так, детки? Уже перепугались? Значит так, Исаев, лучше тебе сегодня побыть вдали от этого офиса. А в отдел кадров сходишь завтра, ничего не случится. Все равно у этих мегер по расписанию весь день поедание тортиков и человеческих душ. Отправишься с человеком из отдела качества к одному из наших подопытных кроликов. И придумай что-нибудь с лицом. Синяки замажь, сделай его поумнее. Или попытайся.

— Нет, — мотнул я головой.

— Действительно, глупая затея. Но синяки все равно замажь.

— Нет, я не поеду, — возразил я. — У меня есть работа здесь.

— Позволь же узнать, какая? — ядовито процедил Бойлеров, встав с кресла и уперевшись руками в стол.

— Мне нужно выяснить состав одного... удобрения.

— Господи, Исаев! — дернул руками Бойлеров, словно бросив перед собой мяч. — Просто сунь его в хроматограф, и маленькие гномики внутри к вечеру разделят раствор, посчитают молекулы и выдадут тебе результат на бумажке. Сами. Стоять у них над душой не нужно! И над моей тоже. И без твоих фонарей здесь света хватает.

— Хорошо, — пожал я плечами, мягко улыбаясь и не сводя глаз с Бойлерова. Ему моя улыбка не пришлась по душе. — Только с одним условием. Вы перестанете так с нами разговаривать.

— Что? — рявкнул Бойлеров.

— Что? — пискнула Алиса, на всякий случай отходя от меня на пару шагов.

— А то что? — скрестил руки на груди Иван Степанович.

— А то, что бы вы ни пили или ни ели, у вас на языке всегда будет вкус этой яичной бурды.

— Да не бурда это, а латте... — закатила глаза Алиса.

— Удиви меня, — принял вызов Бойлеров. — А пока машина уже ждет. Хотел послать Алису, но теперь подопытные кролики — твоя забота. И только твоя. Все. С глаз моих. Пошел.

Хмыкнув, я начал собираться. Только перед выходом познакомился с хроматографом. Это был прибор с большой камерой и несколькими экранами и пультами над ним. С таким я сталкивался впервые. Подобные дела в моем мире решались с помощью магии и специальных раскладывающих аналитических растворов. Здесь у меня такого, конечно же, не было.

Алиса, помогая загрузить раствор в хроматограф, шептала:

— Ты не переживай, Исаев. Говорят, он со всеми такой.

— Я не переживаю, — пожал я плечами. — Уверен, тут дело не только в его характере.

— Пожалуй. Я слышала, что он не всегда таким был. Когда-то его прочили на место главы филиала. А потом что-то вдруг изменилось.

— Одна просьба, Алиса, — сказал ей, повернувшись.

Наши лица вдруг оказались в паре сантиметров друг от друга. Моих губ мягко коснулось ее теплое дыхание с ароматом печеных яблок. Синие глаза в обрамлении длинных ресниц широко распахнулись, и девушка смущенно отстранилась. Я же не придал никакого значения случившемуся.

— Да? — зарделась она.

— Когда выйдет результат, положи мне его на стол. Никому не показывай. И сама не смотри.

— Да-да, конечно, — согласилась она поспешно.

Наверняка подсмотрит, но вряд ли поймет, что видит перед собой. Хотя... пусть это будет проверкой ее ума и дедукции.

Затем я покинул кабинет, прихватив рабочий несессер с оборудованием для сбора и полевого анализа проб, и спустился на подземный уровень, где уже ждала машина.

На одну из ферм барона Листницкого нас вез сияющий воском черный внедорожник. Нас — это меня и девушку из отдела по контролю качества. Ее звали Марина Хлебникова, и она совсем не соответствовала своей фамилии. Высокая, статная, черноволосая и неприступная. Ее волосы были стянуты в тугий конский хвост, слегка заостренный подбородок высокомерно вздернут, как и аккуратный, средних размеров нос, на нем круглые стильные очки в тонкой золотой оправе. Кожа Марины даже на вид дышала холодком мрамора, как и ее стальные глаза, равнодушно скользнувшие по мне, когда я сел в машину рядом с ней на заднее сиденье. Одета она была во все черное. Черные обтягивающие брюки, высокие кожаные сапоги, черное полупальто и шелковые перчатки на руках, в которых она держала черную же папку.

Если бы не нежно-розовая помада на строгих губах, она бы производила даже жутковатое впечатление. Но помада самую малость разрушала этот образ, как трещина на дамбе.

Машина тронулась, и вскоре за окном замелькала городская застройка.

— Мы ожидали госпожу Селезневу, — холодно, не отворачивая головы от окна, произнесла Хлебникова.

— Все вопросы к господину Бойлерову, — отвечал ей так же недружелюбно.

— Что ж, в любом случае личность представителя вашего отдела не играет роли. Барон Листницкий пошел нам навстречу и при возникших проблемах с нашими новыми удобрениями сперва позвонил нам, а не в свою страховую компанию. Он весьма сложный человек, но и мы, и он ценим наше сотрудничество. Общение с бароном Листницким требует особого подхода. — При этих словах Хлебникова смерила меня взглядом. — Наша цель — если проблемы с удобрениями подтвердятся, — договориться и обойтись малой кровью. Поэтому говорить буду я, а вы постарайтесь не путаться под ногами. Потому что, если какой-то избитый...

«Ага, конечно, не путайся под ногами, — с веселой злобой подумал я про себя. — Еще посмотрим, кто у кого будет путаться под ногами». Такие королевы хладнокровия обычно сидят высоко в своих высокоморальных башнях. Их очень весело скатывать по лестнице вниз. Так они хоть оживают.

— Эй, дружище, а это что за звук такой? — Не обращая никакого внимания на речь Хлебниковой, я наклонился вперед, к нашему водителю, обхватив руками подголовники пассажирских кресел.

Краем глаза не без удовольствия отметил приподнятую в изумлении тонкую бровь девушки.

— Что? Где? Какой еще звук? — тут же всполошился и заерзал на кожаном сиденье лысеющий коренастый мужик с пузиком.

— Да вот этот! — пояснил я, еще больше вдавливаясь вперед, чтобы сполна звуком наслаждаться. — Тихий рокот, будто камни катятся.

— Тыфу ты! — Водитель стукнул ладонями по рулю. — Блин, братан, у меня чуть инсульт не случился! Двигатель это...

— Двигатель? — изумился я. — А у нас все на мана-кристаллах ездят. В смысле на... другом типе двигателей. Без понятия, как они работают. Бесшумные и дико скучные. Только хороший набор скорости и спасает от скуки.

Фуф, выкрутился. Опять проговорился. Стараюсь следить за своей речью, но иногда проскакивает, когда слишком сильно расслабляюсь.

— Братан, — водитель искоса глянул на меня, — ты, наверно, про электрички ботаешь? Они, конечно, и быстрые, и хорошие, но без зарядки далеко не уедешь. А соляру везде достать можно. Особенно там, куда мы едем.

— Звук волшебный.

— Это точно! Мурлыкает, как котенок... Восьмицилиндровый «вз»-восемь на три с половиной сотни безумных лошадок. Не только любую грязь проедем, но и танк оттуда вытащим, ха! А у господина Листницкого отродясь хороших дорог не было. Деньги жопит, не иначе.

Звук двигателя мне и правда пришелся по душе. Было в нем что-то чарующее, дикое, какое-то обещание свободы и драйва.

Я откинулся на сиденье и уткнулся в телефон. Читал про двигатели внутреннего сгорания. В моем родном мире их не изобрели, а нефть считалась чуть ли не грязью. Бесполезной и не особо нужной. А в этом мире она, похоже, стала, как магия в моем. Из нее делалось практически все — вплоть до одежды. И за эту черную кровь велись бесконечные войны.

Но звук двигателя... Черт! Я этот мир менять не собираюсь, моя цель — добить Порчу. Так почему бы не воспользоваться тем, что он предлагает? Например, удовольствием от вождения. Стоит приобрести автомобиль.

Вскоре наш внедорожник покинул город, проехался немного по хорошей, ровной дороге и свернул на проселочную. Полчаса еще тряслись по ухабам, но водитель, похоже, только удовольствие от этого испытывал, с наслаждением заезжал в самую грязь и, чудовищно буксуя, выезжал из нее. В стороны летели комья грязи.

Веселье испортила Хлебникова.

— Водитель, везите аккуратнее, мы — лицо компании, а не кучка охотников на грязевом сафари.

— Есть, госпожа, — разочарованно вздохнул водитель.

В поле на несколько гектар, огороженном сеткой-рабицей, стояло три коровника и пара хозяйственных помещений. На небольшой вытоптанной площадке между зданиями нас ждала делегация из самого барона Листницкого и трех его слуг.

Листницкий — высокий немолодой мужчина с хмурым лицом и поджатыми в недовольстве губами. Он был одет в хорошее пальто и ботинки из дорогой кожи — то ли змеиной, то ли крокодильей. Весь его вид кричал о богатстве. Но при этом коровники выглядели хиреющими, да и слуги тоже не светились от счастья работать на Листницкого, одетые в простую и дешевую одежду.

Плохие дороги, экономия на всем, кроме себя... У меня уже сложился определенный образ барона. Посмотрим, оправдает ли он мои ожидания.

Бойлеров назвал барона подопытным кроликом. Но, как я понял, подопытными кроликами он называл вообще всех клиентов компании. Не только тех, кто покупал удобрения, разработанные нашим отделом. Взгляд Бойлерова на мир казался мне все более циничным.

Автомобиль сделал крюк и остановился моей дверцей к Листницкому. Я тут же выскочил и ступил на подмерзшую в тени коровника грязь. Здесь, в паре десятков километров за городом, утренняя прохлада еще не испарилась, пахло морозной свежестью вперемешку с навозом.

Лично меня запах нисколько не смутил. И не в таких условиях приходилось работать. В конце концов, всегда главное — результат, а некоторые вещи ты изменить все равно не в силах. Так к чему тратить силы на недовольство дождем, если он тебе не подвластен? А вот Марина эту простую мудрость еще не познала и сморщила нос, едва в салон проник воздух снаружи. Видел краем глаза, когда выходил.

Пока Хлебникова мешкала, я уже шел к Листницкому.

— Господин Листницкий, рад познакомиться лично с нашим лучшим клиентом! Максим Максимович Исаев, отдел по разработке и тестированию удобрений.

— А ты еще откуда? В «Воронов-Фармацевтика» проблемы с кадрами, и они теперь берут на работу всякий сброд? — скривился он.

— Я, господин Листницкий, — произнес, скосив глаза на подоспевшую, зеленую от злости Марину, — лицо компании. — Марина аж поперхнулась чем-то. — Компании, которая насмерть стоит за свои интересы. И за своих партнеров, если интересы совпадают, конечно же.

— Марина, он уполномочен вести переговоры от лица компании? Или я чего-то не понимаю? — сверкнул темными глазами в сторону Хлебниковой барон, поведя плечами и пошевелив пальцами в кожаных перчатках.

Девушка покрепче обхватила папку, прижатую к груди, и глубоко вздохнула.

Да, своей выходкой я, во-первых, сломал ее план, а во-вторых, поставил в такое положение, когда ей будет неудобно признать, что я не имею права разговаривать с Листницким. Это, хоть и немного, подорвет репутацию компании и ее отдела качества. Марине придется действовать со мной заодно.

— Господин Исаев, — выдохнула девушка, встретив взгляд Листницкого, — уполномочен вести переговоры. Он наш лучший эксперт по удобрениям, несмотря на его... лицо.

— Оно и видно, что эксперт! — тут же зацепился за это Листницкий со злой усмешкой. — Такой же, как тот, что разработал эти ваши новейшие азотно-фосфорные удобрения. Вы обещали повысить скорость роста травы на пастбищах и ее питательность. Но она не должна была убивать моих коров!

Да с таким подходом к делам, они у него сами дохнут от простуды. Судя по щелям в деревянных коровниках.

— Господин Листницкий, мы очень ценим, что в свете возникших обстоятельств, вы... — начала было Марина, но я ее перебил:

— Где мертвые коровы?

— Вы ветеринар или патологоанатом? — окрысился Листницкий. — Зачем они вам?

— Ну... вы же хотите получить компенсацию за мертвых коров, верно? — Я потер друг о друга руки, чтобы согреть их, глядя на него с приподнятой бровью. Листницкий нехотя кивнул, и я продолжил: — Мы можем обойтись без обращения в страховую и всей этой бумажной волокиты. Но придется пойти нам навстречу и помочь как можно скорее разобраться. Поверьте, это не только в интересах компании, но и в ваших. Для отчета мне нужно сосчитать количество тел и провести поверхностный осмотр, чтобы убедиться, что их не убили дикие звери.

— Какие в этих местах дикие звери? Но ладно... ступайте. Петр, покажи господину Исаеву коров.

От троицы слуг отделился один, простоватого и зашуганного вида мужичок в грязных сапогах, замызганных штанах и застиранной камуфляжной куртке.

— Пойдемте, — «окая» пригласил слуга.

— Секунду. — Я повернулся к Марине, открывая сумку с колбочками для проб. — Госпожа Хлебникова, не считите за труд... Возьмите пробы почвы. В шести разных местах.

— По-твоему, я должна своими руками в земле рыться, Исаев? — подошла она ко мне вплотную, хлюпнув грязью под сапогами. — Моя работа — это проверить, правильно ли используют удобрения люди барона, проверить условия хранения, соблюдение всех норм и техники безопасности, а не в земле копаться! Это твоя работа!

— Я осмотрю коров, — так же шепотом отвечал я, — А ты, между делом, должна собрать пробы грунта для нашей лаборатории. В шести. Разных. Местах. И нет, не нужно делать это своими руками. Используй лопаточку. Или тебе больше по душе раздутые и смердящие трупы бедных животных? Можем поменяться, только скажи.

Хлебникова сжала губы в тонкую розовую полоску и вздернула подбородок, вырвав из моих рук пробирки с маленькой лопаточкой. Ядовито улыбнулась мне, затем сменила улыбку на более радушную и повернулась к Листницкому.

— Господин барон, не одолжите еще одного из ваших слуг? Если позволите, начнем осмотр с хранилища.

А я, радостно улыбаясь, пошел следом за Петром, хромящим на одну ногу. Подмерзшая грязь сменилась мокрой от подтаявшей росы травой, и ее шуршание под ногами ласкало слух.

Мне бы, конечно, поскорее вернуться в лабораторию, чтобы узнать результаты... как ее там... хроматографии! Любопытный прибор. Но таков уж я. Если берусь за какую-то работу, всегда выполняю ее по максимуму. Сколько бы за нее ни платили. Нытье про то, что как платят, так и работаю, — удел неудачников. Себя я к оным не причисляю. Мир падает к ногам сильных и уверенных.

А этот мир падет к моим.

К тому же я уже приметил несколько интересных полевых трав на этих пастбищах, пока мы ехали. Если удобрения их не испортили, то они мне очень скоро пригодятся.

И помимо всего этого, я очень хотел посмотреть на коров. Меня не отпускало чувство, что и там найдутся следы Порчи.

Глава 6

Поле, по которому вел меня Петр, шло лишайными пятнами выеденной коровами травы. Где-то они срезали все подчистую, до самой земли, где-то из вытоптанной коровами, унавоженной почвы уже пробивались новые травинки. Некоторые же места остались нетронутыми и пестрели луговым разнотравьем. Если бы не легкий морозец, то они выглядели бы, как весенние лужайки.

Однако причина цветения крылась в новейшем удобрении. Душица, клевер, василек и другие травы сочно зеленели. Собрать бы самые свежие цветы и стебли...

Но сначала работа!

— Петр, — позвал я провожатого, — вкратце, что случилось с коровами?

Хромой мужик на секунду замер на месте, и порыв ветра пошевелил его в беспорядке лежащие пряди темных с проседью волос. Помолчав, он бросил:

— Хозяин не велел с вами разговаривать. Да я и сам не большой охотник с городскими гутарить.

— Хозяин? — хмыкнул я, поравнявшись с Петром. Прозвучало, будто они тут рабы у Листницкого. — Если твой хозяин хочет получить компенсацию, то лучше оказать нам содействие. Чем более полный отчет мы предоставим в компании, тем меньше останется вопросов, и тем быстрее он получит деньги. «Воронов-Фармацевтика» заботится о своей репутации.

Последнее я упомянул не случайно. Компания действительно пеклась о репутации. Во всемирной сети, которая здесь называется Интернет (а в моем родном мире называлась Квазинет из-за того, что была невидима и работала на инфокристаллах, объединённых в сеть), «Воронов-Фармацевтика» имела образ идеальной компании. Благотворительность, забота о животных и тому подобное. Ни одного плохого слова я о ней найти не смог. А это значит, что либо «Воронов-Фармацевтика» одно из чудес света, либо тщательно вычищает любой негатив о себе. С помощью денег, связей и угроз.

— Уж поверьте, знаем мы о вашей репутации поболее других, — глянул на меня искоса из-под кустистых тяжелых бровей Петр. Подтвердил мою догадку. И тут же понял, что ляпнул лишнего, и закусил губу. — Ладно уж, скажу, коли надо для дела. Чуть свет вывели коров на подножный корм, пока траву снегом не укрыло. Пока ходили за остальными, дюжина тут же и полегла, так что других мы обратно и загнали. Дали припасенного на зиму сена. Вот и весь сказ.

— Спасибо, Петр! — Я с улыбкой похлопал работягу по плечу.

Да, неприятно быть лицом компании, но пока что это нужно для дела. Все-таки имя «Воронов-Фармацевтика» открывает некоторые двери. И умы.

Посреди поля, в паре сотен метров от ближайшего коровника, рос раскидистый дуб. Подле него, среди отросшей по голень травы лежали пятнистые, черно-белые тела. Сквозь кожу просвечивали ребра, мослы, как мачты затонувших кораблей, торчали в небо.

Я тяжело вздохнул. Печальное зрелище.

Двенадцать мертвых буренок лежали в траве, часть из них — в тени дуба, где еще остался иней на травинках. Все они были тощими, хилыми и больными на вид. Я подошел к ближайшей и первым делом опустил веко на остекленевшем глазу с расширенным зрачком, в котором застыло голубое небо. Затем тщательно осмотрел мертвое животное.

На губах остатки желтой пены с вкраплениями жеваной травы. На первый взгляд все действительно выглядело так, что коровы наелись травы, отравленной плохими удобрениями, и отравились сами. Но это не было похоже на Порчу.

Раскрыв сумку, приступил к сбору проб. Ватной палочкой собрал остатки пены с губ коровы, постарался зацепить и травинку. То же самое повторил и с остальными. Так же срезал несколько травинок, оттаявших под солнцем, и еще три контейнера заполнил травой, что

была в тенишке и до сих пор покрыта инеем. Тщательно завернул пробки и забил пазы в сумке собранными пробами. Остались только пробы земли, которую соберет Хлебникова.

По уму еще бы взять пробы из желудков коров, но без специального оборудования этого не сделать. Не вскрывать же их посреди поля. Буду довольствоваться тем, что желудки коров извергли из себя, и пеной.

После этого я встал и огляделся. Ровный, как стол, пятнистый луг тянулся до леса на горизонте. Перед стеной деревьев стальными бисеринками поблескивала сетка ограждения. Справа от ближайшего коровника стоял приземистый склад — из него как раз выходили несколько человек во главе с Листницким и Хлебниковой. Слева виднелись края других коровников. Я двинулся по примятой коровами траве к деревянному зданию.

— Куда вы? — тут же окликнул меня Петр, не поспевая за мной из-за хромой ноги.

— Там же остались коровы? Хочу проверить сено, которое вы им дали. Вдруг и оно отравлено?

— Окститесь, господин Исаев! — «окал», тяжело дыша, Петр. — Покупным кормим сегодня! Мы ж не идиоты!

Ага, вот и проверим...

Не дожидаясь Петра, толкнул большую деревянную дверь, впустив внутрь сноп света, и вошел внутрь. В нос сразу же ударил ни с чем не сравнимый запах старого коровника. Внутри было лишь чуть теплее, шуршал сквозняк в щелях. Видно было, что их конопатили паклей, но та много где выпала.

Глаза привыкли к полумраку. Даже на освещении здесь сэкономили! Помещение делилось на две большие части металлическими ограждениями. Краска на них облупилась. Посередине пролегал широкий проход, по которому я дошел до коров.

Всего десяток толпились и держались друг к другу поближе, толкаясь возле одной кучи сена. От меня не укрылось, что эти коровы выглядели на порядок лучше тех, что умерли возле дуба, но все равно были довольно хилыми.

— Вам нельзя сюда! — хрипнул Петр, устало привалившись к закрытой створке входа.

— Уже ухожу! — заверил я, заходя в стойло.

Животинки, хлопая ресницами больших добрых глаз, отступили от кучи сена и выжидающе встали, фыркая и звеня бубенчиками на шеях. От них тянуло теплом и влагой.

Для проформы взяв клочок сена, сунул его в карман сумки (все контейнеры для проб кончились), после чего покинул коровник.

— Спасибо за сотрудничество, Петр! — на выходе снова похлопал мужика по плечу.

— И вам не хворать... — сплюнул он сквозь зубы, закрывая деревянную створку после меня.

Работа сделана, теперь черед той части, где я сижу в лаборатории, делаю анализы проб и пишу отчеты. Не такая интересная, как сбор трав, грибов, поиск других ценных ингредиентов или сам алхимический процесс, но тоже нужная.

— Исаев! — донесся до меня крик Хлебниковой.

— Да! — отозвался, не видя ее из-за здания.

— Мы здесь закончили!

— Сейчас!

Но пока мы еще здесь... я могу пособирать цветочки!

— Что он делает, госпожа Хлебникова? — спросил водитель, свешиваясь из окна автомобиля. — Букетик вам собирает, что ли?

— Боже, надеюсь, нет, — покачала головой Марина и прочистила горло.

Но от предположения водителя щеки ее слегка зарумянились. Она тряхнула головой, будто прогоняя непрошенные мысли, и торопливым движением поправила очки, без того сидевшие идеально.

Исаев тем временем перемещался по большому полю, переходил с одного места на другое, наклоняясь и собирая из трав пушистый пучок. На грани слышимости до людей возле машины доносилось, как он что-то весело напевает себе под нос, то и дело прерываясь, чтобы понюхать очередной цветок или травинку.

— А мне кажется, что букет, — все равно стоял на своем водитель. — Интересный, однако, фраер.

— Заводите машину, господин Пантелеев, если не хотите стоять в обеденных пробках, — холодно отрезала Хлебникова.

Водитель повиновался, повернул ключ, и двигатель глухо зарокотал.

Вскоре вернулся Исаев. Его джинсы потемнели от влаги ниже колен, а на ботинки при- стали зеленые букашки семян, но он этого будто не замечал.

— Господин Листницкий! — обратилась Марина к хмурому барону, молча ожидавшему рядом со своей машиной. Холодный ветер слегка трепал полы его пальто. — У меня нет замечаний по моей части, а как только наш... эксперт проведет все необходимые тесты проб и выдаст свое экспертное заключение, мы сообщим вам о результатах.

— Уж извольте поспешить, пока еще кто-нибудь не умер! — зло бросил Листницкий и сел в свою машину. — Или завтра в обед я звоню в страховую компанию, и пусть она с вами разбирается.

Серебристый седан, буксуя и разбрасывая комья грязи, сорвался с места и уехал, а слуги барона вернулись к своим работам на ферме.

— Сама вежливость, — покачал головой подошедший Исаев.

Тихий рокот восьмицилиндрового мотора заполнял салон. Я размышлял, глядя в окно на пробегающие мимо леса и поля, залитые осенним солнцем.

Картина складывалась не в пользу Листницкого. В ней даже не было никаких противоречий, а самые обыкновенные причинно-следственные связи...

— Может, уже заберете свои пробы земли, господин Исаев? — прервала мои думы Хлебникова.

В протянутой руке она держала шесть длинных узких контейнеров с черной влажной землей.

— Да, конечно, — пожал плечами и раскрыл сумку. — Ого! Вы даже подписали место и время проб, госпожа Хлебникова. Очень предусмотрительно с вашей стороны.

— Оставьте лесть, Исаев. Просто работа в отделе качества учит уделять внимание любым, — она смерила меня холодным взглядом и криво усмехнулась, — даже самым мелким деталям.

— Уверен, ваш начальник очень ценит вашу скрупулезность.

Бледная щека Хлебниковой отчего-то дернулась и залилась румянцем. Девушка поджала рукой лежащую на коленях папку, а локтем другой уперлась в ручку на двери и отвернулась к окну.

Хм... А что я такого сказал? Ох, за триста лет так и не привык, что женщины вечно себе что-то выдумывают.

Помолчав какое-то время, она вновь заговорила:

— Что думаете по поводу Листницкого, господин Исаев?

— Думаю, что Листницкий хочет получить солидную компенсацию от нас за свое молчание, — ответил ей, закрывая сумку. — «Воронов-Фармацевтика» ведь не нужны лишние скандалы. А если дело и правда в новом удобрении, то лучше максимально незаметно и дру-

желюбно изъять бракованную партию, чем разбираться с сотней-другой судебных исков. Это просто финансово выгоднее.

— Что ж, вы мыслите в верном направлении. Но чтобы понять это, не нужно быть семи пядей во лбу. Листницкий не первый и не последний такой человек. Многие пытаются таким образом нажиться за счет компании. «Воронов-Фармацевтика» печется о своей репутации. Малейшее пятно на ней, — кривя красивые губы, Хлебникова смахнула кусочек земли, представший к пальто, — приведет к падению акций и финансовым потерям. Основная задача отдела качества — отделить зерна от плевел и не допустить этого. Не исключено, что дело действительно в новом удобрении.

— Но ведь все формулы проходят сертификацию в вашем отделе качества, верно?

— Верно, — кивнула девушка, разгладив складку пальто на груди. — Но от человеческого фактора никуда не деться. Ваш отдел мог, в погоне за премией, протолкнуть сырую формулу, а один из наших специалистов мог отнестись к этому халатно.

— Ясно, — хмыкнул я. — Значит, ваша задача еще и в том, чтобы найти виноватого. Так себе работенка.

— Я защищаю интересы компании, господин Исаев. И вам советую отбросить вредные моральные установки. Нам иногда приходится принимать трудные решения, но оно того стоит. Компания никогда не забывает о лояльных сотрудниках.

Конечно, компании, корпорации никогда не забывают о тех, кто приносит им или защищает их деньги. Вот только без капли сожаления выбрасывает на мороз тех, кто стал бесполезен. Знаем, проходили.

— Так что, господин Исаев? Кто, по-вашему, совершил ошибку? — спросила Хлебникова, блеснув стеклами очков, как льдинками на солнце.

— Честно? — переспросил я. — Листницкий, когда решил сперва позвонить в «Воронов-Фармацевтика».

— Правильный ответ, — улыбнулась Марина так, что, будь между нами стекло, оно бы инеем покрылось. — Отчет нужен мне к вечеру. Конечно, ваше рвение не загладит вину перед господином Яковлевым, но вы сделаете первые шаги.

— О да, — кивнул ей с улыбкой. — И сделаю их перед его лицом прямо в лифт.

— Фраер... — тихонько хмыкнул водитель.

Хлебникова отвернулась, не сказав ни слова. Весь ее вид говорил о том, как она вдруг разочаровалась во мне. А вот мне самому от ее поползновений в мою сторону было ни тепло, ни холодно. Даже работая на низшей ступени в компании, не собираюсь прогибаться перед каждым, кто себя возомнил большим боссом.

Просто буду делать свою работу, пока разбираюсь, откуда в этом мире Порча.

А насчет Листницкого... Барон явно хочет просто легко подзаработать. Плохие дороги в имении, плачевное состояние коровников, больные коровы... У него явные проблемы с финансовым благосостоянием. Больше всего в этой ситуации жалко животных. Они явно недоедают, содержатся в плохих условиях, а доильные аппараты их выжимают досуха. А теперь еще хозяин выбрал из них самых слабых и никчемных и отравил, чтобы получить компенсацию от «Воронов-Фармацевтика».

Конечно, яд я еще не нашел, но уверен, что найду.

Барон не дурак, использовал что-то хитрое, поэтому так легко допустил меня к коровам. А к страховой обращаться он не решился. Та назначила бы более тщательное расследование, зато компания, которую торопят, угрожая скандалом, может и не обратить внимания на какие-то детали. Думаю, расчет Листницкого был в этом.

Одно немного смущало. Слуги. Вроде живут на положении рабов, ходят в каких-то обносках, не то что их господин, но верны ему. По крайней мере Петр. Плохого господина

обычно и слуги не особо жалуют, а здесь все наоборот. Впрочем, это мелочь. Люди и не на такие глупости горазды.

Зато поля у барона что надо! Видимо, благодаря тому самому удобрению. Каких только трав я не насобираю. Вербена лекарственная, душица, одуванчики, василек остролистный, голубой клевер, тысячелистник. Из всего этого можно сделать неплохой укрепляющий отвар. А если из Нитей сплести простенький узор, то целый год никакая простуда не возьмет. Вот только с Нитями здесь проблемы.

Но есть у меня одна идея, как эту проблему решить. Попробую, как только пойму, откуда взялась Порча в зелье старого Исаева.

В офис компании мы вернулись только во второй половине дня. Попали в самое пекло обеденных пробок и потеряли кучу времени, пробираясь через весь город. Чтобы не скучать, рассортировал травы. Пару раз замечал странный взгляд Хлебниковой, но каждый раз, когда я пытался его поймать, она отворачивалась.

Водитель на выходе из машины сунул мне свою визитку. Сделал он это так, чтобы Хлебникова не увидела.

— Слушай, Исаев, ты парень прикольный. Макс, да? А я Гриша Пантелеев. Слушай, у меня так-то свой бизнес, а людей я вожу для души. Но ты, если куда надо подскочить, набери мои цифры. Подскочу в любое время, а о цене договоримся, братан!

Видимо, его бизнес и есть перевозка людей. Но визитку я взял. На всякий случай.

К счастью, в этой большой компании был свой кафетерий, где я смог перекусить. После этого вернулся в лабораторию. Хроматограф еще работал над моим раствором, так что я углубился в анализ собранных проб.

Начал с того, в чем меньше всего сомневался найти отраву. С проб земли, собранных Хлебниковой. Или одним из слуг Листницкого под ее чутким и внимательным к мелким деталям руководством. Все пробы были подписаны аккуратным, ровным, как забор, почерком Марины.

Пробы отобраны из шести мест. У стены восточного коровника, у входа в юго-западный, между хранилищем удобрений и складом, на восточном пастбище, за административным зданием и на северном пастбище. В промежуток времени между полдесятого и пол-одиннадцатого до полудня.

Все эти данные я первым делом внес в отчет на рабочем ноутбуке Исаева, благо его память подсказала все пароли. Туда же внес и пробы, которые собрал сам. Только после этого приступил к анализу.

Начал с почвы. Как и ожидалось, ничего, кроме соединений азота и фосфора, да обычной почвенной флоры и фауны в виде бактерий и всякой живности. Трава, собранная с поля, тоже ничего не дала. Хорошая, чистая, омытая утренней росой. Пыли почти не было. Сама трава питательная, богатая микроэлементами. Клетки целые, стенки просматривались в окуляры микроскопа четко, как и неповрежденные ядра, целые вакуоли и зеленые столбики хлоропластов. Никаких посторонних соединений или нарушений строения.

Ладно. Уже интереснее.

Я вдруг почувствовал хорошо знакомый азарт, который испытывал каждый раз, когда разрабатывал новое зелье и разбирал старые рецепты, не имея на руках ничего, кроме полуистлевших манускриптов и каких-то высохших остатков зелья на стенках склянок. Азарт охотника.

Пробы из полости рта коров тоже ничего не дали. Желтая пена оказалась слюной, перемешанной с желудочным и травяным соками.

Совершенно точно, что удобрения не были причиной смерти коров. Но и сами они умереть тоже не могли. По крайней мере, не двенадцать штук одновременно.

Но я должен выяснить истинную причину. Если не смогу, у компании не будет доказательств своей невиновности, и Листницкий со своей страховой раздуют скандал. В этом я уверен. И уже никто не будет разбираться с истинной причиной смерти скота.

Глава 7

Листницкий использовал что-то достаточно хитрое, что нельзя отследить. Возможно, какое-то летучее соединение, вызывающее симптомы отравления с остановкой сердца? Не знаю. Даже если бы мне дали вскрыть коров на месте, у меня на это нет лицензии. То есть есть, но не у Исаева. В родном мире я имел кучу дипломов, сертификатов и лицензий. Работа Верховного Магистра Алхимии весьма разноплановая. Точнее, работа на пути к этому титулу.

Остались всего три пробы, которые я собрал совершенно не случайно.

— Где вы, крошки мои? — слегка напел я, охваченный хорошим предчувствием, и достал из сумки пробы с... тоже травой.

Но! Я собрал ее там, где солнце этих зеленых стебельков еще не коснулось, и на них остался утренняя иней. Особенно внутри пушистого клевера.

Стенки внутри пробных колбочек были покрыты испариной. Все верно: иней испарился и осел на стенках.

Я покачал первой пробиркой, чтобы испарина слилась в несколько крупных капель. Они имели едва заметный молочный оттенок. Шприцом проткнул пробку и с помощью иглы собрал жидкость. Просто нельзя было взять и открыть контейнер. Яд, который я предполагал найти, при комнатной температуре становился аэрозолем.

Действовать нужно было аккуратно, ведь у меня всего три попытки. Хроматограф занят раствором Исаева, а время поджимает. Поэтому воспользуюсь тем, что есть. Хорошо, что эта лаборатория была оснащена как следует. Да и названия некоторых химических элементов, реагентов и трав в этом мире совпадали с названиями в моем. Кое-где еще подсказывала память Исаева. Здесь люди ушли дальше по пути чистой химии, без магии. А алхимия — мать химии.

Так что справлюсь.

Все опыты я проводил в специальном стеклянном ящике-боксе с резиновыми перчатками, в которые вставлялись руки. Он находился за отдельным столом в дальней части кабинета. Там я и расположился с кучей бутылочек с жидкостями и порошками. Будем выделять, разделять и выпадать в осадок!

Уйдя в работу, совершенно потерял счет времени. Перед моим взором мелькали бесчисленные реагенты и происходили реакции. Вещества было так мало, что первая проба истощилась очень быстро и в ход пошла вторая. Но затем кончилась и она. Осталась последняя, а это не очень хорошо. Всего одна попытка...

Я испробовал уже почти все известные мне реакции, ожидая получить какое-то сложное вещество, суперлетучий яд, который убивает даже с крохотной порции. Но тщетно.

В висках ломило, глаза горели от усталости. Ладно, последняя попытка. Вряд ли что-то выйдет.

Я намешал простейший раствор из кислот, которому у нас учат еще подмастерий. Императорская водка. То же самое, что царская, но лучше реагирует с органическими соединениями и хуже с благородными металлами. Вряд ли Листницкий травил коров золотым аэрозолем.

Вот только, чтобы она сработала как следует, необходимо связать из серебряной Нити простой узелок. Как это сделать, если почти все Нити здесь мертвы? Можно оживить с помощью магии, но где ее взять сейчас? Пойти к главе компании и попросить? Не одолжите мне немного магии? Можно уличной.

Нет, вряд ли это так сработает. Хотя постой, Исаев-Геллер, у тебя же есть магия! Совсем капелька, которую ты впитал в себя, поглотив Порчу. Что, если... А, нечего думать — попробовать надо!

К черту сомнения. Они ведут к хаосу, а хаос — к гибели.

Сразу применил дар алхимика и отыскал рядом серый, мертвый пучок Нитей. Высохший, почти прозрачный, он проходил сквозь окно слева, делал петлю под потолком и нырял в стол около подставки с мензурками. В них была Императорская водка. Хоть бы угадать, хоть бы хватило сил выделить нужную Нить!

Нет. У этого тела навык, которым я в прошлом владел, словно собственной рукой, был в зачаточном состоянии. Я не мог коснуться пучка, не мог выделить нужную Нить. А перед глазами уже все плыло от дикой боли.

Ладно, была не была. Рефлекторно я должен был своими действиями по приготовлению Императорской водки сплести этот узел. Да с ним и обезьяна справится! Если три года в подмастерьях проходит...

Собрав капельку магии и сделав простой пасс рукой, отправил ее в одну из мертвых Нитей. Я видел, как пучок золотистой энергии коснулся Нити и устремился по ней в обе стороны, оживляя ее. Но цвет определить уже не успел. Дар отказался мне служить, и я перестал видеть пучок.

Поместил одну из мензурок в защитный бокс, ввел в раствор шприц и выпустил туда последнюю каплю растаявшего инея. Сначала ничего не произошло, а потом... я громко захотал.

Странно, что Бойлеров и Алиса мне ничего не сказали. Оглянулся и понял, что остался в кабинете один. На соседнем столе стоял стакан с остывшим кофе из кафетерия и контейнер с каким-то салатом. Что ж, я и правда голоден. А еще весь в крови, которая сочилась из носа.

— Черт... — прошептал, вытирая юшку тыльной стороной ладони. — Перетрудился.

Ладно, главное, что в мензурке выпал серебристый осадок: мелкие, колющие кристаллы, по форме напоминавшие спирали.

Вихретоксин. Знакомая штука, часто выделяется при алхимических реакциях в виде аэрозоля, поэтому все алхимики первым делом защищают свои легкие специальным зельем. В моем мире он по-другому назывался, но на этом отличия заканчивались. Вихретоксин при температуре ниже десяти градусов тепла превращается в кристаллы, внешне напоминающие снег или иней.

В памяти всплыли слова Петра, что они вывели коров на пастбище рано утром. Ночью выпал иней, который осел на траве и смешался с каким-то летучим соединением, не дав ему испариться до подхода бедных буренок.

Хитро, очень хитро. Тут надо отдать Листниக்கு должное. Он предусмотрел все. Даже наш приезд после начала рабочего дня, когда вихретоксин уже испарился бы вместе с инеем.

Этот токсин вызывает симптомы, похожие на отравление. Но если здесь алхимия запрещена, откуда Листницкий смог его получить?

Ладно, это уже не моя забота. Время около полуночи. Закончу отчет, за которым Хлебникова, по всей видимости, зайдет уже с утра, и заночую прямо тут. Мне еще хроматограф результат не выдал.

Голова гудела и слегка кружилась, руки дрожали от нервного перенапряжения, поэтому сперва я умылся холодной водой. Кровь больше не шла из носа, но видок у меня был... Еще хуже, чем с утра. Лучше бы даже не смотрелся в зеркало. Бледный, глаза красные, синяки под глазами, как у панды. Посплю и приготовлю мазь из трав, что сегодня собрал, и тех, которые лежали дома.

Еще час ушел на отчет. Едва я отправил его на печать, как голова упала на стол, а глаза закрылись. Я забылся коротким сном.

Коротким, потому что меня разбудил мерзкий писк хроматографа. Как хорошо, что в моем мире его не было! Я бы обязательно нашел того садиста, который придумал ему такой сигнал, напоил парализующим зельем и заставил сутками слушать чертов писк!

— Убейте меня... — простонал пересохшим горлом, разлепляя саднящие веки.

В глаза тут же ударил рассвет, но в кабинете пока еще никого не было. Снова умывшись холодной водой и опустошив чашку с холодным, но, к счастью, нормальным кофе, я немного пришел в себя. Тело ныло после сна в неудобной позе, шею ломило, а щеку кололо, потому что отлежал.

Ладно, не время страдать жалостью к себе — надо узнать результаты. Я подошел к хроматографу, стоявшему на длинном столе, который тянулся вдоль ряда окон и заканчивался металлическим шкафом за спинкой кресла Бойлерова.

Из аппарата выехала лента из гладкой термобумаги с цифрами и буквами. Я вчитался. Там перечислялись химические элементы, соединения и их процентное содержание. Большинство я знал. Они из тех трав, что вошли в зелье Исаева.

— А это что такое? — Мои глаза запнулись о незнакомый термин. — Что за «синтопиозин»?

— А это, Исаев, вещество, благодаря которому у тебя есть работа! — снова как вихрь влетел в кабинет Бойлеров в желтом резиновом дождевике. — Но очень скоро глагол «есть» поменяет свою форму на прошедшее время и станет «была». Если, конечно, ты оставался здесь на ночь, чтобы написать отчет по Листницкому, а не потому, что тебя выгнали с лавки в парке.

Какие же у него всегда длинные тирады... Я точно сделаю то, что обещал. Найду нужные ингредиенты, приготовлю артефакт и подсуну ему, чтобы любая пища у него во рту имела вкус яичного латте. Даже если мне придется для этого поглотить тонну Порчи.

— Отчет готов, — холодно ответил ему и указал рукой на принтер, стоявший на тумбе между столом Бойлерова и входной дверью справа. Рука замерла на полпути.

Принтер был пуст.

— Я точно помню, как распечатал его, — задумчиво произнес вслух.

— Слушай, Исаев, — Бойлеров, слегка прищутив глаза, дернул за веревочки на мокром капюшоне и скукожил его вокруг своей головы, — я слышал о невидимых чернилах и даже знаю парочку рецептов, но невидимая бумага... Это что-то новенькое! Дай я пожму руку настоящему светилу науки! — Он подошел и сжал мою руку в своих ладонях. — Ты получаешь все международные премии за изобретение невидимой бумаги.

Все. Артефакт под кодовым названием «Яичный латте» теперь в моем списке дел под номером один. А пока просто поиграем с ним в эту игру.

— Отлично, — вырвал я у него свою руку. — Значит, будем стоять рядом, когда вам будут вручать премию «Самая занудная шутка года».

— Исаев? — вылутился Бойлеров из своего капюшона. — Это у меня слуховые галлюцинации, или ты огрызаешься?

— Не знаю, насколько частое для вас явление эти слуховые галлюцинации, но сейчас ваш слух вас не обманывает.

Чпоньк! С таким звуком верхняя губа Бойлерова отлепилась от нижней и поползла вверх, обнажая идеально белые зубы. Глаза начальника отдела в бешенстве открылись на максимальную ширину.

Но прежде чем Бойлеров вытащил из запасов очередную едкую тираду, я развернулся и пошел к ноутбуку, проговорив:

— Неважно, куда делся отчет с принтера. Я просто распечатаю новый.

— Если там не будет написано на всю страницу «Иван Степанович, я дико извиняюсь», то можешь сразу сворачивать его в трубочку.

— Зачем? Сделаете вид, что это подозрная труба, и будете так искать мой отчет? — с невинным видом спросил я.

А смешной человек! Мне даже начинает нравиться пикировка с ним. Особенно когда он краснеет от бешенства.

— Ы-ы-ы! — промычал сквозь сжатые зубы Бойлеров, а спиралька из волос упала ему на лоб. Под ней забились венки.

Черт, ему фамилию надо бы другую взять. Бульдогин, например.

Я подошел к ноутбуку и открыл папку с отчетом. И... его там не было. Уже интереснее.

— А вот это уже странно... — обронил я. — Файла нет на компьютере. Интересно, а пробирка с токсином, которым Листницкий отравил коров, на месте? Или тоже пропала?

Я отошел от рабочего стола и, выйдя в проход, двинулся к стеклянному боксу, где оставил пробирку. Бойлеров, как ищейка, следовал по пятам.

Стеклянный бокс тоже оказался пуст.

— Исаев, если ты потерял в этом здании пробирку с токсином, я тебя уволю, — пообещал Бойлеров.

Я глубоко вдохнул и выдохнул. На моем лице не было и тени беспокойства. Все-таки жизненный опыт никуда не делся и, похоже, не подвел и в этот раз. Всего несколько человек знали, что я буду делать этот отчет.

Бойлеров и Алиса прекрасно видели, как я корпел вчера весь день. Водитель слышал наш разговор с Хлебниковой. И, собственно, сама Хлебникова. Только одному человеку есть смысл стащить отчет, пробирку и удалить с моего ноутбука файл. Чтобы сделать вид, что до всего она дошла своим умом, и выслужиться.

Хлебникова.

Нет, я, конечно предполагал, что подобное может случиться, но не так же скоро. Хорошо, что я предусмотрел это. В отчет добавил кое-что: скажем так, свою подпись, а копию сохранил на флешку. Я и так планировал распечатанный вариант отдать Яковлеву потехи ради, а себе распечатать другой. Но Хлебникова решила все сделать сама. Что ж... сама виновата. Не надо красть чужие отчеты.

Резко развернувшись к Бойлерову, я лучезарно, почти искренне ему улыбнулся.

— Иван Степанович, спорим, что скоро сюда заявится Яковлев собственной персоной и скажет, что он мудака?

— А? — опешил начальник отдела и даже отступил от меня на пару шагов. Бешенство ушло, а на смену ему пришло любопытство. Сощутив глаза, Бойлеров сказал: — А вот это уже интересно... На что спорим?

— Если случится, как я говорю, то вы больше не будете оскорблять ни меня, ни Алису.

— А если не случится?

— Хм-м-м... Буду приносить вам каждое утро черный кофе и подавать его, встав на одно колено.

— У-у-у... — протянул Бойлеров, скорчив такое лицо, будто ему по яйцам заехали. — А вот это интересная ставка. Но все равно слабовато за вас двоих. Выбери кого-то одного.

— Хорошо, Алису, — тут же сказал я.

В конце концов, даже не думал, что он так легко оставит меня в покое. А я все еще хотел сделать тот артефакт для Бойлерова, так что хорошо, что он решил поторговаться. Не отделаюсь малой кровью.

— Так и знал, — качнул головой Иван Степанович. — Джентльмен. На таких женщины ездят, свесив ножки.

— Женщины ездят на неудачниках и мямлях. Это другое.

Вскоре случилось то, что я и предсказывал. В кабинет заявился Яковлев собственной персоной. На этот раз в синем костюме. Он был ростом с Бойлерова, и они вроде были тоже были ровесниками. Только в темных волосах Яковлева серебрилась седина. У него было красивое лицо с ровной линией носа и темными глазами. Разве что выражение крайнего самодовольства его портило.

Следом за Яковлевым вошла Хлебникова. В мою сторону она даже не посмотрела.

Ай-яй-яй. Неужели совесть не позволяет взглянуть в глаза того, кого пытаешься подставить? Интересно, сама догадалась или по указке начальника? Впрочем, без разницы.

Зато, раз есть совесть, то есть и надежда. А так я еще вчера в машине раскусил в ней карьеристку.

— Слушай, Бойлеров, — тут же начал Яковлев, держа в руке свернутые трубочкой бумаги, — может, стоит расформировать твой отдел? Вы давно не изобретали что-то принципиально новое, только улучшаете устаревшие формулы, а твой протез так и вовсе бесполезен!

Начальники двух отделов встали напротив друг друга. Бойлеров, не мигая, впился взглядом в лицо Яковлева, затем медленно снял желтый дождевик и встряхнул его, обдав соседа брызгами. Яковлев почти зарычал.

— Игорь, когда я захочу, чтобы мне полизали задницу, я просто стану начальником твоего отдела вместо тебя. Ведь на большее твои «протезы», — Бойлеров кавычками в воздухе и голосом выделил это слово, — не способны, в отличие от моих. Мои меня ненавидят. Поэтому работают ночами напролет. Не так ли, Исаев?

— Я бы с удовольствием переехал вас на асфальтоукладчике. Несколько раз, — честно ответил я.

— Хватит паясничать! А ты, Исаев, — ткнул в меня пальцем Яковлев, — у меня вообще на особом счету. Мало того что моя сотрудница сама собирала пробы почвы на ферме Листницкого, так она же всю ночь делала твою работу. Вот отчет, Иван. Я из вежливости занес тебе копию, чтобы ты был в курсе, когда у начальства появятся вопросы к твоему отделу. Например, не желаешь ли ты его закрыть?

Яковлев протянул листки бумаги Ивану Степановичу. Тот резким движением их выхватил и стал читать, отрывистыми движениями переворачивая страницы. Вдруг его лицо изменилось. Бойлеров мгновенно стал спокойным, покивал головой, будто признавая правоту всех слов Яковлева, и вернул ему копию отчета.

— Что ж, твоя взяла, Игорь. Этот отчет — точно заслуга вашего отдела, и главе филиала определенно стоит его увидеть. И как можно скорее.

— Вот так бы сразу, Ваня, — выдохнул Яковлев с улыбкой и развернулся к двери. Хлебникова пошла за ним, но в проеме Яковлев вдруг застыл и оттолкнулся от косяка обеими руками. — Подожди-ка... За двадцать лет работы вместе я впервые слышу, как ты признаешь мою правоту. Здесь что-то не так. Ну-ка...

Яковлев быстро начал перечитывать отчет, шевеля губами. Хлебникова испуганно следила за ним, заподозрив неладное, переводила глаза с начальника на меня, а я улыбался во все тридцать два зуба. Знал, знал, что она мне не простит унижение перед Листницким и устроит какую-нибудь подляну. Поэтому и спрятал маленькую шифровку в текст отчета.

— Замеры состава проб почвы выполнил лаборант Кадум Велвока... — медленно прочитал Яковлев. — Кто это? У нас в отделе такого нет. Это какой-то грузин?

— А вы наоборот попробуйте прочитать, господин Яковлев, — посоветовал я, не сводя глаз с позеленевшей Марины. — Очень похоже на шифр.

— Яковлев... — повел пальцем по строке справа налево босс Хлебниковой и тут же взревел: — МУДАК???

— Ха-ха-ха! — прямо ему в лицо засмеялся Бойлеров. — Наконец-то!

— И это ты положила на стол главе филиала?! — ревел Яковлев, не обращая внимания на смех. — Быстро! За мной, кадум Хлебниковой!

Взгляд Марины пообещал мне все кары небесные, но мне было все равно. Сама виновата. Не стоило быть такой предсказуемой.

— Ладно, Макс, это того стоило, — хлопнул меня по плечу счастливый донельзя Бойлеров. — Жаль, он меня раскусил и не успокоился. Так бы носить тебе кофе на коленях. Но так и

быть. Напиши новый отчет, и я отнесу его главе, пусть сами думают, что делать с Листницким. Сможешь?

— Смогу. Но сперва ответьте мне на вопрос. Что такое синтопиозин?

Вещество из зелья Исаева, которое, скорее всего...

Бойлеров пожал плечами и двинулся к шкафчикам с одеждой, сказав на ходу:

— Лекарство.

И источник Порчи.

Глава 8

Нижегородская частная клиническая больница

Палата первого класса

Этой же ночью

Немолодой мужчина сидел у кровати девочки лет десяти. Ее волосы цвета мокрого асфальта мягко лежали, рассыпавшись, на подушке. На лицо девочки падал свет небольшого ночника, установленного над кроватью. Желтый, слабый, он придавал ей болезненный цвет. Все тело девочки было утыкано датчиками и иглами. Первые следили за ее показателями, а последние впрыскивали стимуляторы, поддерживающие их на нужном уровне. Ребристая трубка сквозь приоткрытые губы и два ряда мелких молодых зубов проникала в глотку и в легкие девочки.

За окном шумел дождь и скорбно, как костяшками пальцев, постукивал по жестяному подоконнику. Шум прерывало мерное пиликанье приборов и пыхтение резиновых мехов аппарата искусственного дыхания. В палате было темно, и время словно замерло.

Мужчина сжимал в своих сухих ладонях мягкую, безвольную руку девочки. Сам того не желая, он с замиранием сердца слушал, как пищит прибор, каждую секунду ожидая, что короткие сигналы вот-вот сменятся непрерывным пищанием.

— Потерпи... потерпи, моя хорошая, — хрипло шептал мужчина, капая солеными слезами на шелковистую бледную кожу. — Скоро у нас будет лекарство. Совсем скоро. Надо только потерпеть, слышишь? Потерпи. Потерпи, моя хорошая...

На лице девочки не дрогнул ни один мускул. Она спала уже очень давно.

***Нижегородский филиал «Воронов-Фармацевтика»

— Лекарство? — переспросил я у Бойлерова. — Синтопиозин — лекарство?

— Флагман продукции нашей компании последние тридцать лет. Стоит бешеных денег, так что позволить его себе могут только аристократы или богачи из простолюдинов. Последних еще меньше, чем дворянства, — говорил Бойлеров, убирая желтый дождевик в шкаф и надевая халат на голубую рубашку. — А скоро станет еще меньше.

— В смысле?

— Синтопиозин по своей сути — просто-напросто опиат нового поколения. Он не лечит болезни, он позволяет о них забыть. — Бойлеров прошел мимо меня, обдав ароматами прачечной и дождя, и сел в свое кресло.

— Тогда почему он стоит бешеных денег?

— Я же сказал, что это опиат нового поколения. — Он снова начал краснеть, раздражаясь. Встал и уперся руками в стол, нависнув над ним. — Да, сам по себе он не лечит, но в связке с другими препаратами усиливает их лечашие свойства. При этом обезболивает и позволяет увидеть небо в алмазах.

Я стоял чуть в стороне, опираясь ягодицами на край ближайшего стола и скрестив руки.

— Каким образом? — спросил Бойлерова.

— Не знаю, Исаев. Как по мне, на подобное синтопиозин не способен. И не был способен, пока я работал в исследованиях. Однако что-то изменилось, и он вдруг начал лечить людей. А когда я стал задавать вопросы, как ты, меня выперли из отдела исследований. Так что секрет синтопиозина знают теперь только в головном филиале. — Бойлеров выпрямился и скрестил на груди руки. — А теперь, Исаев, садись за отчет, пока эти кадумы пытаются поменять свою версию. Потом положишь его на стол главе филиала. И зайдешь в отдел кадров. Эти гарпии ждут тебя со вчерашнего дня. Хотя постой... Не в таком виде. — Он наклонился, открыл ящик стола и кинул мне оттуда какой-то тюбик. — Уберет твои синяки. Продается только по рецепту, но сегодня ты заслужил небольшую награду. Кадум Велвока...

Бойлеров улыбнулся, но его улыбка больше смахивала на оскал бешеного животного.

В руки мне попала мазь от синяков и ушибов. Я бы и сам мог такую сделать, но не под надзором Ивана Степановича. Лучше дома. Только нужно кое-какое оборудование Исаева заметить. Но, учитывая, что алхимия под запретом, придется сильно постараться, чтобы его найти. В этом плане идея у меня была всего одна — антикварные лавки. Поискать там древние приборы, о назначении которых уже никто и не догадывается.

Но это потом, а пока... Займусь новым отчетом.

К счастью, от недосыпа память моя еще не пострадала, а холодный черный кофе хорошо взбодрил. Вот она молодость. На третьем веку я уже не мог спать без ортопедического матраса и такой же подушки, и чтоб не менее семи часов. А тут пять просто на столе! Чуть размялся, выпил кофе и как огурчик.

Вставил флешку, скопировал с нее отчет и отыскал все свои «подписи». Затем спокойно углубился в свои мысли, а подумать было над чем.

Теперь стало ясно, откуда взялась Порча в зелье Исаева. Видимо, он решил добавить в старый рецепт новый ингредиент, чтобы усилить эффективность зелья, а в итоге усилил Порчу и убил себя. Да, незнание и самонадеянность — главные враги алхимиков.

Но почему Порчу называют здесь лекарством? Что это за больной мир такой? А главы компании вообще знают, что убивают людей своими лекарствами? Медленно, по чуть-чуть, но убивают. Как и магию в мире. Хотя последние две мысли — просто домыслы. Этот вопрос еще нужно изучить. Хотя о чем это я? Это Порча! Она убивает. Точка. Медленно или быстро, но убивает. Как именно это происходит здесь, в мире Исаева, еще предстоит разобраться. И работа внутри компании, производящей синтопиозин, мне в этом поможет. Секрет в головном офисе? Значит, я пробьюсь в него. Нет, войду с парадного входа! Сколько бы времени это ни заняло.

— Исаев, у тебя такое лицо, будто судьбу мира вершишь прямо сейчас, — хихикнула Селезнева, падая на стул за моей спиной.

— А ты меня от этого отвлекаешь, — ответил ей, отправляя отчет на печать и затем разворачиваясь на стуле. — Ты чего опоздала?

— Кофе черный пыталась получить в той кофейне, — надула алые сегодня губки Алиса, укладывая пышный огонь волос в култышку, проткнутую карандашом. — Пока не наорала на кассира, как ты, не смогла его получить. Кодовая фраза прям какая-то про «кофе горячий, как лава»...

— Кофе для Бойлерова? — усмехнулся я.

— Угу.

— Спорим, ему опять не понравится твой кофе?

— С чего это? Черный кофе, горячий, горький и крепкий. Я себе такой же взяла. От одного глотка чуть сердце из груди не выскочило. Как вы его вообще пьете... Но это точно тот кофе, который вы двое любите. Ивану Степановичу понравится.

Ох, Алиса, Алиса... В своей наивной попытке подлизаться к начальству таким незатейливым способом она выглядела даже мило. Но до Хлебниковой ей, конечно, далеко.

— Вот увидишь, — покачал я головой, вставая.

Подошел к принтеру, взял бумаги с новым отчетом, расписался сперва сам. Спихватился, что нужна подпись Исаева, а не Геллера, но мышечная память тела не дала совершить ошибку. Затем дал на подпись Бойлерову. Начальник, не отрывая глаз от экрана компьютера, чиркнул подпись и протянул руку к стакану с кофе. Сделал большой, смачный глоток. От меня не укрылось, что на миг по его лицу скользнуло выражение удовлетворения. Но всего на миг, и очень короткий. Бойлеров после этого скорчился, словно отведал жидкую коровью лепешку, вскочил и бросился к раковине, вылив все, как в прошлый раз.

— Алиса, девочка моя, когда я говорю... — начал было заводится он, но тут я покашлял, как бы прочищая горло, а на самом деле напоминая о его проигранном споре. — Ры-ы-ы... — покрутил он шеей с таким усилием, что жилы натянулись, а затем наклеил на лицо улыбку, полную внутренней боли. — Алиса, замечательная ты моя, твой кофе, конечно... вкусный..., но там... его делают из зерен... то есть... он не такой вкусный, каким...

Бойлеров замолчал, краснея. Как будто у него слова буквально застряли в горле и не давали ему дышать. Аж вены на шее и лбу вздулись.

Я кивнул ему и даже сделал вид, что собираюсь похлопать: мол, хорошая попытка побыть хорошим парнем.

— Да черт меня дери! — рывкнул Иван Степанович, уронил кольчатую прядку на лоб и выбежал вон из кабинета, хлопнув дверью.

Через секунду пару раз кто-то ударил в стену. Возможно, головой. Возможно, даже своей.

— Он заболел? — тихонько пискнула Алиса.

— Кофе, видимо, все-таки не понравился, — пожал я плечами и тоже вышел.

Бойлерова, пускающего пар из ушей, в коридоре уже не было. Я первым делом направился в туалет. Там большое зеркало, где смогу воспользоваться мазью. В кабинете тоже было над раковиной, но уж больно маленькое.

Санузел светлел затертым, но чистым кафелем. Справа — пустые кабинки, пара писсуаров. Слева — большие зеркала во всю длину стены, а под ними умывальники. Здесь я был один, так что спокойно положил отчет сверху на сушку для рук, работавшую от странного провода. Хотя нет. Провод обычный. Как и везде. Просто иногда не могу привыкнуть, что источник энергии находится где-то не здесь. В моем мире все держится на мана-кристаллах, которые производят целые гильдии артефакторов. Они закладывают в них определенные свойства и направляют в них магию из Нитей. То есть создают узлы.

Что-то я опять отвлекся. Иногда этот мир начинает казаться уже почти родным, хоть я здесь всего третий день, но вдруг происходит что-то подобное и выбивает меня из колеи. Хотя уже пора признать, что в свой мир я не вернусь. Порча там побеждена, это точно, а я мертв. Но мои потомки справятся, я их хорошо подготовил, и не потеряют все нажитое и разработанное моим трудом.

На тюбике с мазью было только название. Полустертое, какой-то там «профен». Вместо остальных букв блестела жесть из-под ободранной краски. Состава тоже не было. Открутил крышку и в нос ударил легкий аромат лекарств. Я бы глянул на препарат с помощью дара, но сил на это не было. Все потратил на Императорскую водку.

Быстрыми движениями втер мазь в синяки. Действовать она начала почти мгновенно. Сперва зашипало, потом обдало холодком, а уже через пару секунд случилось сразу две вещи: синяки начали таять и меня бросило в холодный пот.

Мне быстро становилось очень плохо. От мешков под глазами потек жуткий холод по всему телу, быстро сменившийся обжигающей болью. К счастью, не такой невыносимой, как от зелья. Но голова закружилась, а меня будто толкнули в грудь. Я быстро попятился назад, пытаясь нащупать опору. Влетел в кабинку, под колени что-то ткнулось, и я чуть не упал. Мир на мгновение померк.

Это была Порча. Снова. Лучше бы я свою мазь сделал...

Но вскоре зрение восстановилось. Тело уже само фильтровало Порчу, отделяя ее от магии. Небольшое количество последней заструилось по телу, принося облегчение.

Кажется, все... Неужели в этот раз без?.. А, нет! С-с-с!

Желудок резко оказался в районе глотки, и я еле успел развернуться и поднять крышку. Из меня опять вышла зеленая жижа, но хотя бы в меньшем количестве. Похоже, в составе мази тоже был этот синтопиозин...

Фух, вот теперь все. Надо срочно приготовить укрепляющее зелье. И вообще заняться своим физическим состоянием. А то все-таки Исаев какой-то рохля. Хотя потенциал есть.

К счастью, в туалет никто не вошел. В зеркало увидел небольшую капельку крови, выступившую под носом. Умылся и привел себя в порядок. Так хоть выглядел прилично, пусть и бледновато, и изумрудные глаза горели подозрительным лихорадочным огнем.

Только после этого, на слегка подкашивающихся ногах, пошел к лифту.

Тридцатый этаж, где сидел большой босс, встретил исключительным богатством. Короткий коридор, стены, обшитые панелями из красного дерева, дорогущая мебель, стойка секретарши с золотым (именно золотой! Мы, алхимики, настоящее золото на глаз можем определить) молдингом посередине темного мрамора. Сама секретарша — как с обложки. Высокая, почти белокурая и голубоглазая. Светлые кудри иногда красиво переплетались с шоколадными. Ослепительная улыбка и белая блузка с игриво расстегнутой пуговицей на груди.

В приемной никого, кроме секретарши, не было. Золотистый бейджик на ее груди гласил «Наталья». Мне кажется, или это самое распространенное имя среди секретарш и помощниц руководителей? Мою в прошлом мире тоже звали Натальей.

— Господин Исаев, — поприветствовала она меня. — Господин Воронов вас уже ждет.

— Даже так? — удивился я.

— Господин Яковлев с госпожой Хлебниковой уже наделали много шума, — скромно посмеялась девушка, прикрыв улыбку ладошкой с аккуратным красным маникюром. — Господин Воронов сразу понял, кто тому причиной.

Ой.

Что ж, тем лучше. Бойлеров дал мне четкое указание положить отчет на стол главы филиала.

Хотя есть и другая причина. Бойлеров, возможно, в некой опале у руководства компании, поэтому и послал меня.

Наталья вышла из-за стойки и пошла к большой двери, а я не смог удержать взгляд на месте. Сам собой он скользнул вдоль ее спины и ниже. Длинные, стройные ноги в колготках с темной стрелкой, юбка-карандаш, хорошая, явно спортивная попка и точеная талия. Да, кадры себе местный босс подбирает что надо.

— Прощу, — открыла она передо мной одну лакированную створку.

Я вошел в большой и светлый кабинет из трех стен. Четвертую занимало огромное окно с видом на центр города. Над городом стояла сизая дымка испарений после утреннего дождя.

Кабинет производил впечатление. Большой, просторный. Рабочий стол слева, справа зона отдыха с парой диванов и журнальным столиком в окружении книжных шкафов. Даже немного уютно выглядело.

— Господин Исаев! — поприветствовал меня мужчина, с которым я недавно ехал в лифте. Это был граф Воронов Михаил Александрович. Я успел прочитать табличку на двери. Он сидел за большим столом, спиной к окну, поэтому его лицо скрывалось в тени. — Прощу, проходите. Вы принесли отчет по Листницкому?

Кстати, главой всей компании был граф Александр Дмитриевич. А это его сын. И для сына он выглядел немного старовато. На вид лет шестьдесят. Сколько лет было отцу? Девяносто?

— Да, это отчет по Листницкому, — я быстро подошел к столу и отдал бумаги. Садиться не стал, так как не планировал задерживаться. — Если вкратце, он сам отравил своих коров. Прямых доказательств, что он сделал это сам, нет, но зато есть доказательства, что продукция компании ни при чем.

— Ясно, — пробежался глазами по отчету граф. — Это то, что нам требовалось, — защитить честь компании. А Листницкий... Когда-то мы были друзьями, но затем наши дороги разошлись. Я слышал, что его дела находятся в упадке, но не думал, что он решит исправить

их за счет нашей компании. Благодарю за работу, господин Исаев. Не зря вы так на нее спешите каждое утро, — в конце он улыбнулся. — Я передам дело в юридический отдел. У них выработан эффективный алгоритм работы с такими клиентами. Как говорится, зуб за зуб.

Затем граф Воронов кивнул, обозначив конец разговора. Да и мне было нечего добавить. Интересно, конечно, как будут разбираться с Листницким и что означает «зуб за зуб» в контексте этого случая. Но это уже не мое дело. Барон хотел обманом нажиться на компании, пусть и не на самой безупречной, так что сам виноват. Пусть пожинает плоды своих усилий.

На выходе из кабинета я столкнулся с Яковлевым и Хлебниковой.

— О, снова стоите в очереди? Хорошая привычка. Наверно, — лучезарно улыбнулся я, проходя мимо.

Яковлев чуть не лопнул от злости.

«Любопытно, — думал я, спускаясь на лифте. — Глава филиала пригласил какого-то лаборанта к себе в кабинет ради рядового отчета... Странно. Может, просто хотел на меня посмотреть? Или я пока чего-то еще не знаю? Все равно странно. Надо держать с ним ухо востро».

*****Кабинет графа Воронова Михаила Александровича**

Граф Воронов держал в руках отчет Исаева. Молодой и напористый, он чем-то напоминал самого Воронова в молодости. Или его отца, который находился в Москве. Проглядывало в его взгляде что-то, не характерное для парня двадцати двух лет.

Граф Воронов-младший запомнил его еще при приеме на работу. Сам он собеседование не проводил, поручил это отделу кадров и Бойлерову. Но наблюдал со стороны через камеры видеонаблюдения. Он увидел потенциал в Исаеве и его отчаянную жажду этот потенциал показать и пустить на пользу компании. Таких людей Воронов ценил.

Поэтому Исаева приняли на работу — на самую низшую из возможных должностей. Чтобы он там, на самом дне, показал, чего стоит его рвение.

Взяли, даже несмотря на прошлое его опального рода. Исаевы были когда-то родом алхимиков, верных Императору и России. Но двести лет назад началась настоящая охота на алхимиков, ведь их зелья внезапно начали убивать людей. Исаевы смогли ее пережить, как и некоторые другие рода, отказавшись от своего прошлого, от того, что делало их алхимиками. Их оставили в покое.

Месяц ничего не происходило: Исаев не показывал каких-то особых успехов. Но сегодня все изменилось, и внезапно он с лихвой оправдал все ожидания.

— Наташа, — позвонил по интеркому граф, — пригласи главу отдела исследований, господина Татищева.

— Сию минуту! — ласковым шелестом васильков прозвучал голос красавицы.

— Вызывали, ваша светлость? — вошел мужчина сорока пяти лет.

Его иссиня-черные волосы отливали радужным блеском. На дорогой костюм тройку без верха был накинут накрахмаленный белый халат. Волевое лицо выражало крайнюю заинтересованность.

— Садись. Взгляни на этот отчет.

Граф кинул листы на стол, и они веером разлетелись по столу. Татищев сел напротив, собрал их в тонкую стопку и стал читать.

— На первый взгляд ничего необычного, — хмурился Татищев.

— Не заставляй меня разочаровываться в тебе, — устало произнес граф и встал с кресла, подойдя к окну.

— Ах, вот оно что... — спустя время произнес Татищев. — Он использовал царскую водку, чтобы обнаружить вихретокин. Но это органическое соединение, а царская плохо реагирует с органикой.

— Вот именно. Он использовал другой раствор, но назвал его царской водкой. Наме- ренно или нет — неизвестно. Добудь его, только тихо, чтобы не спугнуть парня, и сделай еще. Возможно, мы на пороге открытия нового продукта, который сравняет наш филиал с осталь- ными. А если это случится, мой отец...

Граф осекся, вдруг осознав, что сказал лишнее.

— Ступайте, господин Татищев, — холодно произнес он. — Копию отчета вам пришлют.

Остаток дня пролетел незаметно. Бойлеров как будто на сегодня перестал кипеть внутри и не особо донимал поручениями ни меня, ни Алису. Поэтому я занялся уборкой бардака, который учинил ночью. Это заняло всю вторую половину дня. Плюс Бойлеров дал текучки в виде проверки и проработки новых формул.

Так что к пяти вечера я был выжат, как лимон на вечеринке у нищих студентов. Вспом- нил, что меня ждали в отделе кадров, но все равно не пошел. Если сильно нужен, пусть зовут более настойчиво.

Мы с Алисой даже молча шли после работы, чего от нее я никак не ожидал. У выхода из парка разошлись в разные стороны: она — на трамвай, я — домой.

А там — тишина. Роман снова на смене. Наскоро перекусив тем, что нашел в холо- дильнике, сделал себе пометку, что нужно пополнить запасы еды. Сосиски и яйца на исходе. Попутно прочесал телефон Исаева. Оказывается, он был довольно одиноким человеком: сооб- щения только от Романа и Алисы. От рыжей и те лишь по работе. Она пришла в отдел неделю назад, и Исаев вводил ее в курс дел.

Странно. А где родители парня? Или хоть какие-то родственники? В телефоне ни кон- тактов, ни фотографий. Возможно, на таких носителях их просто не существует. Стоит поко- паться в личных вещах, но на сегодня сил уже нет.

— Уа-а-ау! — протяжно зевнул я, укладываясь спать в восемь вечера.

Прям снова как трехсотлетний старик. Но организм, даже молодой, требовал отдыха.

Проснулся в три часа ночи от нестерпимого желания посетить туалет. Роман уже тоже спал — из-за его двери доносился посвистывающий храп. Похоже, мы так и жили в разных мирах большую часть времени, встречаясь только по утрам.

На обратном пути, проходя через зал, я замер. Чувство чужого взгляда обожгло так, что сердце гулко заколотилось.

Раздался щелчок, и в левом дальнем углу зажегся торшер. Под ним стояло кресло, а в нем сидел человек в дорогом черном костюме, сером шарфе и темном шерстяном пальто. Он держал в руке пистолет, направленный мне в грудь, а на его лице застыла горькая маска человека, решившегося на отчаянный поступок. Слово высеченная из дерева, неподвижная. Шевелились только губы.

— Господин Исаев, скажите, вас когда-нибудь загоняли в угол? — хрипло спросил Лист- ницкий.

Глава 9

Я сразу понял, что в эту ночь больше не засну. Дуло пистолета бодрит лучше самого крепкого кофе.

Листницкий, не мигая, смотрел на меня в ожидании ответа. Его глаза в свете ночника, стоявшего рядом, лихорадочно блестели в обрамлении покрасневших век. Рука с пистолетом покоилась на подлокотнике и не дрожала.

Мой мозг принялся лихорадочно искать выход из ситуации. Я бы несколько не испугался ночного визитера, если бы у меня было зелье каменной кожи. Но его не было. Да и молодое тело Исаева никогда не готовилось к подобному. Будь я в своем теле... Но об этом нет смысла даже говорить. Обстоятельства сложились так, как сложились.

Бросил взгляд влево, где в коридоре виднелась дверь в комнату Романа. За мутной стеклянной ставкой было темно, доносился приглушенный храп.

— Не нужно делать этого, — сказал Листницкий, проследивший за моим взглядом. — Иначе обречете на смерть еще одну невинную душу.

Да и пока буду будить этого соню, меня пристрелят десять раз. Ладно, в такой ситуации я не в первый раз.

— У меня встречный вопрос, господин Листницкий, — заговорил я, всем телом повернувшись к нему и распрямив плечи. — Вы когда-нибудь убивали человека в трусах? Нет? А я убивал. — Я присел на старый скрипучий диван, стоявший напротив барона у стены. — Давно дело было. Этот человек навел команду наемных убийц на мою семью. Покушение не удалось, а когда я пришел за ним, то застал врасплох. До сих пор помню его удивленное лицо, позу, в которой он умер, выражение глаз. Я не горжусь этим поступком. Но покарать предателя был обязан, чтобы уберечь семью. Но, знаете ли, я до сих пор вижу его лицо. Такое не забывается.

Листницкий нахмурился, не понимая, к чему я клоню.

— Да кто вы такой? — изумленно прошептал он.

— Для вас я Максим Исаев, парень в трусах.

— Хорошо, господин Исаев, — медленно кивнул барон. Своими словами я несколько удивил его. Ничего страшного, все равно он никому не расскажет. — Будьте добры, наденьте штаны. В самом деле, я не собираюсь убивать человека в одном исподнем. Это... ниже моего достоинства.

— Благодарю, — благосклонно кивнул ему. — В квартире довольно зябко.

Встал, прошел к шкафу напротив коридора и вытащил из него какие-то бесформенные серые штаны. Тут же надел и вернулся на старый диван. А Роман по-прежнему спал, и скрип дивана его, похоже, несколько не беспокоил.

— Что ж, — я вальяжно развалился на диване, — стреляйте. Я больше не в трусах. Вы ведь за этим пришли? По какой-то причине решили, что я виновен во всех ваших бедах, и хотели меня устранить из-за... не знаю, попранной гордости?

За время своей жизни я уяснил одну простую истину. Тебя можно оскорбить, можно ранить или изувечить, причинить любой вред и даже убить. Но тебя нельзя победить, если ты сам этого не захочешь.

Листницкий, похоже, уже побежден.

— Нет, господин Исаев, не все так просто, — покачал головой барон, не сводя с меня пистолета. Уверен, пока я ходил надевать штаны, мушка оружия следовала за мной, как при-
вязанная. — Благодаря вам и госпоже Хлебниковой ваша компания загнала меня в угол. У меня отберут последнее, если я ничего не сделаю. И вы... вы, господин Исаев! Поможете мне выбраться.

— Это каким же образом? — удивился я.

Глаза Листницкого что-то затмевало. Он не мог трезво мыслить.

— Я возьму вас в заложники, пока компания не выплатит мне положенные деньги.

— В самом деле? — хмыкнул я. — Взгляните правде в глаза. Я всего лишь мелкий клерк, компании плевать на меня и таких, как я.

Лицо барона исказила злоба.

— Раз так, то я просто убью вас. Потом Хлебникову. И буду убивать до тех пор, пока компания не выполнит мои условия! Мне нечего терять, господин Исаев.

Я глубоко вздохнул. Листницкий явно не в себе, ослеплен каким-то горем или неудачей. Возможно, он все поставил на эту аферу с коровами, она была его последним шансом, и вот, благодаря мне, он его потерял. С этой точки зрения его гнев в мою сторону, как виновника его положения, понятен.

Вот только он совершил одну ошибку.

— Тогда вы зря пришли сюда, ваше благородие. Убив меня, проблему не решите. Зато разбудите моего друга. Он страж закона. Придется убить и его, и... вы, думаю, знаете, как относится полиция к тем, кто убивает ее сотрудников. Корпоративную солидарность никто не отменял! Вы даже этот квартал покинуть не успеете, как вас схватят. «Воронов Фармацевтика» будет сотрудничать со следствием, и оно пройдет быстро, как и суд. — Я блефовал. Понятия не имею, как быстро здесь работает система наказаний. Просто надеялся что так же, как в моем прошлом мире. — Стоило сразу позвонить в страховую компанию. Это вы хорошо придумали с вихретоксином. Его следы невозможно найти в теле. Так что позвони вы в страховую, они приехали бы... когда? Только на следующий день? Тогда точно никаких следов бы не осталось. Но вы позвонили в «Воронов», и приехал я. — Я наклонился вперед, опершись локтями на колени и заглядывая Листницкому в мутные от горя глаза. Отчаяние все быстрее захватывало его. — Знаете, позвони вы чуть позже, скажем, после обеда, даже я бы не смог найти следы вихретоксина. Он просто замерз в инее и не успел оттаять в тени того дуба. Я только одного не пойму. Как вы нанесли его на траву? Распылили ночью с воздуха, верно? Я угадал?

— Верно, — кивнул Листницкий.

Я радостно оскалился. Приятно быть правым.

— Что ж, тогда действительно стоило позвонить в страховую, — пожал я плечами и, наслаждаясь произведенным эффектом, откинулся на спинку дивана снова.

— Вы идиот, Исаев, — прохрипел барон. Мускулы на его лице нервно подергивались. — Чрезвычайно талантливый, но все же идиот. Вы же были на ферме, были внутри коровника. Неужели так и не догадались?

— У вас нет страховки, — вздохнул, уложив в голове последние детальки пазла.

— У меня нет ни рубля. — Барон наклонился в кресле вперед, вытянув руку с пистолетом в мою сторону. От смерти меня отделяли какие-то пару метров. — Мне нужны были деньги и как можно быстрее. А теперь у меня отберут последнее благодаря вашей скрупулезной работе. Как я сказал, мне больше нечего терять. Прощайте, господин Исаев.

В ночной тишине оглушительно щелкнул взводимый курок. Каждая мышца в моем молодом теле напряглась и натянулась. Сердце болезненно сжалось, ожидая выстрела.

— Она бы не хотела этого, — сказал вдруг барон. — Но она об этом не узнает.

Пистолет в его руке описал дугу и уткнулся Листницкому в висок. Барон зажмурился. Палец на спусковом крючке напрягся и задрожал. Я вдруг ярко ощутил, что он пахнет несколько дней невымытым телом, а на его дорогом костюме куча потертостей, которые возникают от многократной ручной стирки.

Тело словно пронзила молния. Здесь что-то не так. Кто «она»?

Повинуясь скорее инстинкту, я прыгнул вперед, словно слетевшая с паза тугая пружина. Полет вышел коротким и неуправляемым. Я не видел Листницкого, его зажмуренных глаз и

слез, блесевших в уголках. Только курок, готовый сорваться и ударить по капсюлю патрона, воспламенить порох и выплюнуть раскаленную свинцовую пулю прямо в седеющий висок.

В последний миг мизинец моей руки скользнул между курком и затворной рамой пистолета. Боек больно впился в кожу. Выстрела не произошло, и мы оба, я и барон, кубарем покатились по полу, перевернув кресло.

За триста лет каким только оружием я ни научился пользоваться. Но пороховое любил меньше всего. Шумное, воняет и оставляет после себя кучу грязи: кровь, куски плоти или чего похуже.

Пистолет я еле выдернул у барона из сжатой в спазме руки. Он продолжил лежать на полу. Лицо исказила гримаса боли. Глаза зажмурены, зубы оскалены, пальцы другой руки скребнут пол ногтями.

— Она? — переспросил я, разрядив пистолет и дернув раму, чтобы вылетел патрон из патронника. Золотистой гильзой он укатился куда-то под диван. — Выходит, вам все же есть что терять, барон.

— Пристрели. Пристрели меня! Я больше не могу смотреть, как она медленно угасает! — стонал Листницкий.

А я думал, какого хрена Роман не просыпается? Да тут мертвый встанет от такого шума!

— Еще чего. Я труп куда потом дену? Сказал же, мой друг — страж закона. Он не поймет. — Я сел рядом с бароном. Он больше не скреб пол, но пытался разорвать жилетку на груди. От пуговицы в карман тянулась золотая цепочка. На такую обычно часы вешают. Но вот цепочка выпала из кармана и оказалась пустой. — Кто она? Кто угасает, барон?

— Моя дочь. У меня больше нет денег на лекарства для нее. А значит, она скоро умрет.

— Лекарства, значит... — вздохнул я и протянул Листницкому руку. — Вставайте, барон, взглянем на вашу дочь.

Убедить барона поехать к его дочери оказалось делом непростым. Он был сломлен глубоко внутри и уже смирился со смертью. Даже хотел, чтобы она скорее наступила. Ни о какой борьбе не было и речи. Ему повезло, что я не такой.

Почему решил помочь ему и его дочери? На этот вопрос у меня нет однозначного ответа. Этот человек пришел ко мне, рассчитывая на избавление от всех проблем. Я дам ему избавление, правда не то, на которое рассчитывал Листницкий. К тому же не мог я в беде оставить девочку (почему-то сразу понял, что это маленькая девочка, а не девушка или женщина).

Барон все же встал с моей помощью. Я усадил его обратно в кресло, сунул пистолет в один карман пальто, а обойму — в другой, и стал одеваться. Листницкий безучастно сидел и смотрел на старинный сервант, забитый пыльным хрусталем и старыми книгами.

Если бы я сразу знал, в чем дело с теми коровами, то, может, и не нашел бы никакого вихретоксина? Компания выплатила бы компенсацию, которая для нее копейки, и на этом дело бы закончилось. Хотя нет. Не закончилось. При таком раскладе я не выполню свою работу и буду уволен. А Листницкий просто отсрочит неизбежное.

Все сложилось так, как должно было.

Одевшись, повел барона в прихожую, где продолжил одевание. Он-то не утруждал себя снятием ботинок и пальто, когда пришел сюда. Из комнаты захватил старинный кожаный несессер, который нашел в шкафу Исаева. В нем были колбы и склянки в специальных отсеках, ножи и ножницы, скальпель, маленькая спиртовка, складной штатив и еще по мелочи. Все необходимое для сбора и транспортировки ингредиентов и для приготовления простеньких зелий. С собой я прихватил также травы, найденные вчера утром на поле Листницкого, взял немного старых, сушеных трав и грибов из запасов самого Исаева. В общем, все, что могло пригодиться. Несессер источал запах старой кожи и ароматы небольшой аптеки.

Вдруг, когда я уже потянулся к ручке входной двери, из своей комнаты выплыл заспанный Роман. Как привидение, он проплыл мимо нас к туалету, шумно справил свои дела и так же проплыл обратно, выдав на ходу:

— Дверь на ключ закрой, Макс. Когда вернешься, не буди, у меня двойная смена завтра. А еще учеба-а-а-а... — зевнул он в конце и исчез за дверью своей комнаты.

Счастливым человек. Его шторм не разбудит, даже если он будет в трюме тонущего корабля спать.

С возрастом крепкий молодой сон только снится, как бы каламбурно ни звучало. Но к счастью, мое молодое тело обладало этой сверхспособностью. Просто спало несколько чутче, чем Роман.

Внизу у подъезда стоял серебристый седан барона.

— Мы никуда не поедem, — вдруг сказал Листницкий. — Я водителя отпустил, а сам водить не умею.

Черт. А я ведь тоже.

Ладно, решение есть.

В кармане куртки нащупал визитку и набрал номер.

— Ало? — спросили заспанным голосом на том конце.

— Григорий? Это Максим Исаев.

— А-а-а! Фраер. Который час? Ох, ни фиги! Ты чего в такую рань?

— Нужны твои услуги. Пиши адрес.

— Понял, пишу.

Вот так просто. Люблю, когда люди не задают лишних вопросов, а просто делают, что обещали.

— Кто вы такой? — начал приходить в себя барон, пока мы ждали Григория. — И зачем вам смотреть на мою дочь? Вы врач? Или какой-то народный целитель?

— Ни тот ни другой. Просто хочу проверить одно предположение. И может быть, спасти вашу дочь.

— Не надо меня обнадеживать, юноша, — резко разозлился Листницкий. — Нет ничего хуже, чем обманывать надеждой.

Отвечать я ему ничего не стал. Только сам барон сможет себя обратно собрать. Может, увидев дочь, осознает свою ошибку. А может, примет, что всегда нужно бороться до самого конца.

Впрочем, если быть до конца откровенным, я никогда не был в такой ситуации, в которой оказался Листницкий. И даже с высоты всего своего опыта не могу и на миг представить всю ту боль, которую испытывает любящий отец, видя, как медленно умирает его ребенок. А все лекарства мира лишь продолжают агонию.

Я просто хотел помочь.

Приехал Григорий. Но совсем не на том автомобиле, на котором мы ездили вчера утром. Это была его какая-то уменьшенная копия с двумя дверями и более плавными линиями. Желтые лупоглазые фары высветили в темноте двора дорогой седан.

Григорий высунулся в окно.

— Слушай, фраер, если тыпустишь меня за руль этой малышки, то я с тебя ни копейки не возьму!

— С чего ты взял, что мне есть чем тебе заплатить? — хмыкнул в ответ, приподняв одну бровь.

Пантелеев опешил, лицо его вытянулось от удивления, а потом решил, что я так шучу, и засмеялся, погрозив пальцем. Он запарковал свою машину, и мы все уселись в седан. Я — на пассажирское спереди. Хотел посмотреть, как управлять местными автомобилями.

— Да... не машина, а корабль на колесах, — любовно промычал Григорий, когда мы тронулись.

Машина действительно шла мягко и тихо. Только едва заметная вибрация говорила о том, что работает двигатель.

— Да тут все просто! — махнул Пантелеев, заметив мой внимательный взгляд. — Рычажок сюда, на «Д», ножку сюда, ручки сюда и поехали. А кстати, куда едем?

— В больницу на Большой Покровской, — ответил барон с заднего сиденья.

— Понял, знаем такую! Домчу вмиг.

Он и правда довез нас за каких-то пятнадцать минут по пустым ночным улицам.

Частная больница оказалась одним большим корпусом с территорией, огороженной живописным парком. На входе машину Листницкого узнали и пропустили без лишних вопросов, как и в саму больницу.

Палата девочки находилась на последнем, шестом этаже. Внутри пахло лекарствами и хлоркой. Извечный больничный запах. Он везде одинаковый.

На кровати с приподнятой головной частью, утыканная иглами и датчиками, лежала девочка лет десяти-двенадцати. Темноволосая и умиротворенная. Приборы назойливо пищали. Листницкий, войдя первым, издал скорбный всхлипывающий вздох и опустился в одинокое кресло рядом с кроватью. Тут же взял девочку за руку. Нежно, как самое свое драгоценное сокровище.

Впрочем, для барона она им и была.

— Настоящий ангел, не правда ли? — спросил Листницкий, глядя на дочь.

— Да, — даже не стал с ним спорить.

— Она ведь любила этих коров. Всех до единой. Имена им давала, гуляла с ними. У меня рука не поднялась продать их, когда она заболела и понадобились дорогостоящие лекарства. А потом... потом стало поздно: они захирели и стали болеть, потому что все деньги уходили на лучших докторов страны, на дорогостоящие анализы и клиники. Никто не мог помочь моей Варе. А ее любимые буренки тем временем голодали. И я решил, что убью самых немощных из них, чтобы выиграть еще немного денег и купить еще немного времени.

Я сглотнул ком в горле. Мне стало совестно, что волей судьбы оказался между отцом и его дочерью. Теперь сделаю все, чтобы вылечить ее. В своем мире я победил не одну болезнь.

На подоконник поставил несессер, выставил ступку с пестиком, спиртовку, реторту и пару маленьких колб. Пока под нагревом происходила реакция между экстрактом вербены, настоем из корня солодки и сухими листьями *clari folium*, яснолиста (выглядели они так же, как в моем мире, что облегчало задачу), я приготовил отвар из ведоцветы (или *scientia herba*). Смешал сконденсированный ретортой раствор с очищенным отваром и оставил настаиваться. Взял ступку и пестик и измельчил маленький безоаровый камень. Согласно надписи на маленькой бутылке — из живота бегемота. То, что надо.

— Вы алхимик, верно? — спросил наблюдавший за моими действиями Листницкий.

— Нет, — спокойно ответил я, давно ожидая этого вопроса. — По крайней мере, вам следует именно так отвечать, если спросят. Вы ничего не видели и ничего не знаете.

— А если ваше зелье убьет мою дочь?

— Не убьет. К тому же это не зелье, а простая диагностика.

Я завершал последние приготовления. Три раза провернуть пестиком по часовой стрелке, три против, еще три раза провести с севера на юг, и два с востока на запад. Действия и движения, впитанные, можно сказать, с молоком матери во времена, когда я был подмастерьем. Точнее, с подзатыльниками наставника. Очень эффективное средство для укрепления памяти.

Эх, счастливая юность.

Алхимики далеко не сразу овладевают умением напрямую воздействовать на Нити, сплести их и вязать узлы. А сейчас я в похожей ситуации. Надо приберечь силы для настоящего зелья.

Нити сухи и мертвы, но они не исчезли.

Последнее — крест-накрест всыпать в раствор толченый bezoar. Две щепотки. Последовательность не важна. Так затягивается узел. И добавить капельку магии. И не забыть закрыть входную дверь.

Едва я это сделал, как из колбы пошел густой пар. Я тут же шагнул к кровати и стал водить колбой над девочкой, стремясь выпустить пар равномерно над ее телом.

Серые клубы валили густо и повисали в метре над девочкой, освещенные сверху желтой лампой ночника. Они будто заполняли изнутри некий невидимый сосуд. Вскоре форма парового тумана стала напоминать человеческое тело. Туман продолжал клубиться, принимая все более отчетливую форму.

Так работало это зелье. Или точнее — пар зелья. Он чувствовал тончайшие потоки энергии внутри человеческого тела. Присущие самому человеку и тому, что еще было внутри. Вот зеленым стала отсвечивать область, где располагались кишки. Там жили дружелюбные бактерии, составлявшие кишечную флору. В других местах наблюдались похожие эффекты.

— Это поможет ей? — неуверенно спросил Листницкий.

— Я думал, вас не нужно обнадеживать.

— Просто... скажите, — взмолился он.

Я вздохнул. Уже было решил, что пар ничего не нашел, как вдруг... Внутри призрачной фигуры в воздухе скользнула тень. Затем еще одна. Как разряд тока. Затем разрядов стало больше, они мелькали туда-сюда, выжигая в паре пустые дорожки. Бегали по всему телу, кроме головы. А самая оживленная их «трасса» была на месте позвоночника.

Я не сразу понял, что с девочкой. Давно не занимался такими делами, вот и не сообразил с первых секунд.

У нее была поражена вся нервная система. Варя медленно умирала.

Я взглянул в воспаленные бессонницей глаза Листницкого и сказал:

— Я не смогу ей помочь.

Глава 10

Мне был знаком недуг, который уложил девочку в постель. Сумеречная немота, вот как он назывался в моем мире. Я сам им болел однажды. Поражает нервную систему и отправляет в глубокий сон на пару дней. После чего нормальный организм исцеляется, как правило, сам.

Обычных людей Сумеречная немота не трогает — только тех, кто обладает магическими способностями. То есть аристократов. Для них это своего рода ветрянка. Во взрослом возрасте переносится достаточно легко. А вот в детском уже тяжелее. А если организм перед заражением был чем-нибудь ослаблен... Сумеречная немота вот так же отправляла ребенка в очень долгий сон, из которого нельзя вернуться.

Передается через слезистую.

Я до сих пор помню, как ехал в поезде и внезапно захотелось спать. Мне было лет двадцать всего. Диметрий, тогда мой друг, помог добраться до дома, где я проспал двое чудесных суток. И проснулся свежим как огурчик и чертовски голодным. Никогда так хорошо не выспался больше.

— Что вы сказали? — еще не веря моим словам, переспросил Листницкий.

Пар к этому моменту рассеялся, словно его и не было. И я поставил чашу обратно на подоконник.

— Я не смогу ей помочь, — повторил безжалостно. — По крайней мере сейчас. Но сперва ответьте мне на вопросы.

— Спрашивайте все что угодно.

— Давно она так спит?

— Три года.

— А что-нибудь необычное случилось с Варей перед тем, как она заснула?

— Да вроде бы ничего... Просто внезапно захотела спать после долгой поездки на Черное море. Мы отдыхали там, а она еще и восстанавливалась после воспаления легких, которое подхватила здесь зимой. Я уложил ее в постель, а на следующий день она не проснулась. И потом тоже... — голос Листницкого задрожал и затих от тяжелых воспоминаний.

— Что-нибудь еще? — на всякий случай спросил я.

Если девочка успела в санатории восстановиться после болезни, то не должна была заболеть вот так тяжело. Но если заразилась где-то там...

— Ах да! — вдруг воскликнул барон слишком громко.

Мы оба с опаской покосились на дверь, а я еще и на подоконник, заставленный мини-лабораторий алхимика. Но в коридоре было тихо.

Листницкий продолжил:

— К ней начал переходить мой Реликт.

Барон посмотрел на меня с надеждой во взгляде. Будто хотел услышать, что в этом корень всех зол.

— Расскажите поподробнее, как это происходит.

— А вы разве не знаете?

— Я не аристократ, Ваше Благородие. По крайней мере последние двести лет. В смысле, моя семья.

— Ах да, алхимики, — понимающе закивал барон и снова отвернулся к девочке. — Реликт в аристократической семье у кого-то одного. Затем он в какой-то момент пробуждается у другого члена семьи и начинает постепенно переходить к нему. Этот процесс невозможно остановить или замедлить, и он заканчивается в течение месяца.

Как любопытно! Хотел бы я взглянуть на это действие глазами алхимика! В моем мире магические способности аристократов проявлялись с рождения. У всех, а не у кого-то одного. Думаю, причина в том, что здесь проблемы с магией.

— Теперь мой дар у Вари, — продолжал барон с нежностью в голосе. — Но она не может им воспользоваться.

Теперь все ясно. Переход магического дара стал сильным стрессом для организма. Это наложилось на старую болезнь и еще на новую. И организм девочки просто не смог справиться с нагрузкой.

Варе просто катастрофически не повезло. Такое редко, но случается. Если честно, она должна была умереть через месяц или два после начала болезни. Что-то не дало ей это сделать. Полагаю, то самое лекарство, о котором говорил Листницкий.

— У вас осталось то лекарство? — спросил я барона.

Он кивнул:

— Каждое утро ей делают укол через капельницу. Названия не знаю. Сложное какое-то, но именно оно не дает ей заснуть уже вечным сном. Завтра будет последний укол.

Узнать бы название...

Листницкий, будто услышав мои мысли, не отпуская одной рукой руку девочки, свободной полез в карман. Вытащил записную книжку и протянул мне. Пролистав, я нашел название лекарства, множество раз обведенное жирной синей ручкой. Тут же ввел его в Интернете на телефоне, нашел состав.

Все верно... Синтопиозин. Порча.

Мне еще предстоит выяснить, как именно это вещество с Порчей внутри действует на организм, но одно я могу сказать точно. Оно не лечит.

— А в вашем... — я чуть не сказал «мире», — городе есть лекари? Вы не пробовали обращаться к ним?

Листницкий покачал головой.

— Дар целительства встречается очень редко. Всего десяток человек на всю Империю. Их услуги стоят так дорого, что никакой страховки не хватит. Государственное здравоохранение тем более не покрывает подобные расходы. Даже продай я абсолютно все до последней нитки, заройся в долги по самые уши, я бы не смог купить даже час их времени... Лекарства Вороновых — настоящее спасение для всех людей. Их много, стоят намного дешевле, чем услуги целителя, и они помогают...

Ну да... Спасение, которое ведет прямо в могилу. Радостно, с песнями и плясками.

Интересно, а лекари здесь умирали так же, как алхимики? Хотя вряд ли. Видят Нити и могут их вязать только алхимики, а лекари, как и все прочие, — просто пользователи, которым подвластны или определенные цвета Нитей или, в самом лучшем случае, сплетения цветов.

Я не лекарь, не умею лечить наложением рук. Просто алхимик, который знает о зельях и артефактах все.

— Что мне делать дальше? — спросил Листницкий.

Я же вернулся к подоконнику и быстро приготовил один простой отвар. Даже без магии: обычный сбор из нескольких полезных трав. Но я не знаю, как он сработает вместе с Порчей.

— Завтра вместо укола дайте ей это. У нее ведь работают глотательные рефлексы?

Барон медленно кивнул, хмурия брови. Я протянул ему три склянки с густо-зеленой жидкостью. На вкус она, конечно, так себе, но укрепит организм девочки лучше, чем Порча.

— Я вернусь через три дня, ваше благородие. До этого момента никого к ней не подпускайте, не делайте никаких уколов и будьте все время рядом с ней. Ваша дочь ничего не чувствует, болезнь поразила нервную систему, отключила от внешнего мира, и, по сути, заперла внутри собственного разума. Но она чувствует ваше присутствие. Связь между отцом и ребенком не разрушить никакой болезни. Вы поняли меня, барон? Доверяете мне?

Он взглянул мокрыми глазами на меня. В них я перестал быть каким-то юнцом, а стал его надеждой. Последней надеждой. Хоть он этого и не хотел.

— Я все сделаю, — глухо ответил Листницкий.

Похлопав его по плечу, последний раз взглянул на безмятежное лицо девочки и вышел вон.

Мне был известен рецепт зелья от Сумеречной немоты. Оно простое и действенное, вопрос только в ингредиентах. Часть у меня была. А вот некоторые еще предстоит найти. Проблема только в том, что девочка слишком давно болеет и сильно истощена. Я понял это, когда разглядывал пар, но Листницкому решил не говорить. Обычно он намного гуще, почти непроливаем. Это значит только одно.

Девочка очень и очень слаба.

Без лекарства она умрет, но с ним, подозреваю, станет еще слабее. Отвар, который я дал барону, лучше лекарства поддержит силы Вари три дня. Всего три дня. Потом он перестает действовать, хоть в уши заливай.

За это время я найду недостающие ингредиенты и приготовлю нужное зелье. Но сперва... я должен как следует выспаться.

Григорий отвез меня домой на машине Листницкого, затем поехал за водителем барона, который уже самого Григория подвезет до его машины. Хотя, мне кажется, Пантелеев до водителя Листницкого будет ехать всю оставшуюся ночь. Уж больно с радостным лицом он рванул со двора, оставив после себя черные следы шин и запах горелой резины.

В наступившей тишине застрекотали сверчки.

— Кто-кто у нас был?! — прыснул в меня кофе Роман, когда я вкратце пересказал ему события. — И он пытался тебя убить?

— Большое спасибо, я ведь только что умылся... — проворчал, вновь вставая из-за стола.

Прошел к старенькому, с облупившейся белой эмалью кухонному умывальнику. Вода весело зажурчала.

Да, я решил все без утайки рассказать соседу и другу. Во-первых, это такая подстраховка на случай, если со мной что-то случится. Когда друг — страж закона, это хорошее подспорье. Кстати, здесь их называют полицией. Во-вторых, к чему от Романа все утаивать? Все равно вспомнит рано или поздно, что ночью видел меня и какого-то мужчину, уходящими из дома. В-третьих, Роман — своеобразное окно в мире информации и сплетен. Я мало знаю об этом мире. Надо узнавать больше.

— Да, барон Листницкий, — подтвердил, вытираясь вафельным полотенцем. — Ты слышал о нем?

— Давно. У него было большое имение в пригороде, половину сельхозпродукции поставлял на местные прилавки. Слыл богачом, но года три назад начал продавать свои активы по кускам.

— Понятно... — протянул я, откусывая бутерброд и закидывая следом в рот кусок яичницы.

Сколько же стоят услуги какого-нибудь лекаря, что даже местный аграрный богатеи не смог их себе позволить?

— Чего тебе понятно? — не унимался экспрессивный Роман, потрясая полупустой чашкой с кофе. — Тебя тут чуть барон не пристрелил! А ты даже не подумал меня разбудить!

— Ну, во-первых, не пристрелил же. А во-вторых, очень даже пытался. Скрипел диваном, шумел по-всякому, разок даже кубарем вместе с бароном на пол упали. Тебя только нужда сходить в туалет разбудила. К тому же, в итоге ты скорее помешал бы, и барон точно кого-нибудь убил. Из-за дочери человек совсем голову потерял.

— Да... — почесал мускулистой рукой свой затылок Роман. — Это все снотворное дурацкое. После учебы и смены нервы шалют, уснуть не дают, вот и пью таблетки.

— Завязывал бы ты...

— Ага, конечно. Без толкового сна зубри не зубри — ничего не запомнишь. А мне экзамен скоро сдавать... Ладно, главное, что все обошлось. А с дочкой-то у него что?

— Слушай, а сколько стоят услуги врачей? — спросил, тут же переводя тему.

Эту часть я еще не рассказывал и пока не собирался. Упомянул вскользь и сказал, что просто проводил барона до машины. Соврал, получается, но для блага Романа. Пусть только у кого-то одного голова обо всем этом болит.

— Ну... — протянул Роман. — Открываешь благотворительный фонд, лет десять собираешь с его помощью деньги, и вот их тебе хватит, чтобы вылечить от какой-нибудь неизлечимой болезни... Вот ты кофе почему покупаешь?

— Двести рублей, — припомнил цену черного кофе в той кофейне.

— Сколько-сколько?! — опять поперхнулся Роман — Ты давно мажором стал? У тебя ж зарплата всего сорок тысяч!

А вот этого я не знал. Привык не считать деньги, ведь нужды у меня в них не было последние двести пятьдесят лет. Надо срочно увеличивать свой доход.

— Где ты его покупаешь? В той кофейне, где эту бурду с яйцом подают? — не унимался Роман, глядя на меня прищуренными глазами.

Я в ответ хохотнул, чуть не подавившись яичницей.

— Ага, там.

— Тьфу! Ладно, мне пора на работу, — сказал он, вставая. — Постарайся, чтобы тебя не пристрелили сегодня. Черт... Если бы не видел Листницкого своими глазами, ни за что бы не поверил, что работа с удобрениями может быть настолько опасной...

Честно говоря, я и сам такого не ожидал, что Листницкий вдруг заявится ночью. Еще и дверь как-то взломал. Или домушник, или артефакт использовал. Я только сейчас об этом подумал, так что уточнить уже не смогу.

В этот раз до работы дошел, не заходя в кофейню. Решил попробовать кофе из кафетерия, так как двести рублей каждый день... за месяц набегает приличная сумма.

По дороге думал, где достать ингредиенты для зелья. Всего недоставало двух: *Lumifungus cerebri* и *Argentivena mystica*. В простонародье: мозговой гриб-светляк и серебряная жилка. По крайней мере, в моем мире их так называли. А в этом... В том и сложность, что здесь их может и не существовать. Буду искать похожие ингредиенты, если не найду нужного.

Серебряная жилка — серебристая травка. Но с виду обычная, а серебристой становится только при близком магическом излучении. Растет где угодно, почти сорняк, но без специального артефакта ее не найти.

С грибом проще. Он растет в глубоких пещерах с высокой влажностью, повышенной кислотностью почвы и светится в темноте.

И все было бы хорошо, иди речь о моем родном мире, где добыча подобных ингредиентов — легкая задача. Потому и зелье считается простым. Но я здесь, в мире, где почти нет магии. Где искать гриб и жилку? Ох, ума не приложу...

Ладно, отчаиваться я всегда успею. Сейчас доберусь до работы, займусь мытьем пробирок, или какое там идиотское задание даст Бойлеров, и буду думать, что делать.

Кстати, о Бойлерове! Я же хотел сделать артефакт для него, но совсем нет на это времени... И в ближайшие три дня не появится. Придется еще какое-то время терпеть его выходки.

В холле снова стояли очереди к лифтам. И снова я прошмыгнул мимо одной из них. Естественно, мимо той, в которой стоял Яковлев. Но в этот раз он даже не пикнул, а только прожег взглядом стоявшую рядом Хлебникову. По его губам я прочитал «кадум».

Да-а-а... Марине он это еще долго будет припоминать.

Шум и гам холла стихли, когда двери лифта закрылись, и вот я на двадцатом этаже, а еще через минуту захожу в уже привычную лабораторию.

На миг у меня перехватило дыхание. Воплощение чистой красоты в виде Натальи, севшей на уголок стола начальника лаборатории, мило ворковало с Бойлеровым. Секретарша Воронова-младшего сегодня была одета в строгий синий костюм с брюками, подчеркивающими плавные изгибы ее аппетитной фигурки. На ногах синие туфельки на небольшом каблучке, под жакетом бежевая блузка с соблазнительным вырезом на груди, на шее жемчужное ожерелье. Наталья помахивала бумажным кофейным стаканчиком и заливисто смеялась словам Ивана Степановича.

Бойлеров лил устами сладкий мед, то и дело отхлебывая из еще одного бумажного стаканчика.

— Боже мой, Наташенька... — хлюп, — если вы каждый раз, когда решите спуститься с небес к нам в наш неблагополучный отдел... — хлюп, — будете брать с собой этот чудесный напиток богов... — хлюп. — Как вы сказали, он называется?

— Просто кофе, — смущаясь, отвечала Наталья.

— Ах, кофе! — Хлюп. — Великолечно... — хлюп, — потрясающе... просто нектар. Так вот, вы всегда желанный гость в этом кабинете. В любое время, Наташенька... Ваш напиток — новое чудо света. Я готов персонально для вас раскатывать ковровую дорожку каждое утро в слепой надежде... — хлюп, — что вы снова придете и принесете кофе.

— Да ну вас, Иван Степанович. Я просто нажимаю кнопку на аппарате и досыпаю зерна, когда они заканчиваются.

Прищурившись, я смотрел на цветущего Бойлерова. Он светился так, что если рядом с ним поставить подсолнух, тот отвернется от окна и повернется к начальнику лаборатории. Ну или, проще говоря, Бойлеров светился так, как у котика яйца. Так говаривал мой наставник, когда отправлял начищать старые перегонные кубы из меди. Так что, как сияют яйца котика, я знал не понаслышке.

Что-то тут было нечисто...

— О, Исаев! — заметил меня Бойлеров. — Наконец-то! Почему опа... — он глянул на часы и разочарованно протянул: — А нет. Ты вовремя.

— Это я пришла заранее, Иван Степанович, — изящно пожала плечиками Наталья. — Отдел кадров уже несколько дней ждет Исаева, но он все никак не приходит.

— Каков негодяй! — Хлюп...

— Пойдем, Максим? — элегантно привстала со стола Наташа, а потом ее взгляд остановился за моим плечом. — О, привет, Алиса! Как твои дела?

Я не заметил, как вошла Селезнева и встала рядом со мной. В руках она держала два стаканчика с кофе — с логотипом все той же кофейни, — а глаза не сводила с того стаканчика, что держал Бойлеров.

Иван Степанович с нарочитым удовольствием сделал глоток кофе, растянул губы в улыбке и издал стон, полный наслаждения, как путник в пустыне, который припал к благословенному оазису.

— О-о-о!..

Алиса мигом покраснела до кончиков своих рыжих волос, злобно рыкнула, стрельнув синими глазами в Наталью, и вылила оба стаканчика в раковину, тут же с яростью кинув их в мусорное ведро. Чуть не изрыгая огонь, она выскочила из кабинета.

Я с укоризной посмотрел на Бойлерова, но он лишь развел руками и закатил глаза, не переставая самодовольно улыбаться. Мол, а я ничего и не сказал ей.

Вот ведь эго-маньяк чертов.

— Ой, кажется, я ее обидела? — наивно похлопала большими голубыми глазами Наталья.

— Ни в коем случае! — тут же встрял Бойлеров. — Она всегда такая, Наташенька.

— По крайней мере, ее обидела не ты, — сказал я, открывая перед девушкой дверь. — Где, говоришь, меня ждут? В отделе кадров?

— Ой, да, — покачала бело-шоколадными кудрями девушка, проходя мимо меня. От нее сладко и ненавязчиво пахло какао. — Уже сама начальница, Эвелина Семеновна, позвонила мне, чтобы я тебя проводила. Вдруг ты никак дорогу найти не можешь?

— И это входит в твои обязанности? — спросил, выходя следом за ней.

Мы пошли рядом под размеренный цокот ее каблуков. Алисы в коридоре и след простыл. Даже немного жаль рыжую бедняжку, но она сама подставилась: я ведь честно ее предупредил, что дело вовсе не в кофе.

— Поверь, Максим, когда Эвелина Семеновна звонит тебе с мягкой, ненавязчивой просьбой, лучше включить эту ее просьбу себе в обязанности. Потому что, будь уверен, если ты ее не выполнишь, то быстро узнаешь, что она, оказывается, всегда была вписана в твою должностную инструкцию, а тебе пора искать новую работу, — весело прощепетала Наталья, будто рассказывала милую сказочку про добрых фей и ласковых щенят. — Ой! — опомнилась она, повернувшись ко мне и сморщив носик. — Я чересчур нагнетаю, да?

— Что ты! Конечно нет! — заверил я ее, отмечая слегка участившееся сердцебиение.

— Прости, я только хотела сказать, что по хорошим поводам в отдел кадров не вызывают.

Час от часу не легче. Ну ладно, волков бояться — в лес не ходить. Посмотрим, что приготовили для меня местные волчицы.

Глава 11

Отдел кадров находился на двадцать восьмом этаже. Наташа, когда двери лифта открылись, шепнула:

— Тебе прямо до упора и направо. Удачи!

— А ты разве не проводишь меня? — удивился было, но меня мягко подтолкнули в спину, и я оказался за пределами лифта.

Слышал только, как Наташа лихорадочно жмет на кнопку закрытия дверей.

А местечко и правдо казалось жутким. Длинный полутемный коридор без окон, словно пещера, ведущая в логово монстров. По бокам двери, из которых доносились жутковатый стук клавиш, словно кто-то работал отбойным молотком, и злой, надрывный женский смех.

Фух, я и правда словно в ведьминской пещере какой-то! Интересно, это они специально так над акустикой на этаже поработали или случайно получилось? Еще и из открытых дверей падает бледный свет, а на его фоне мелькают зловещие тени.

Да... науськали меня Бойлеров и Наташа. Даже сам не заметил, как проникся и впечатлился атмосферой этого места. А ведь это тоже всего лишь сотрудники компании. Хотя и обладающие большей властью, чем многие другие отделы.

Ладно, я и не с такими злодеями дела имел. Как-то раз на мой замок напала секта противников лечения болезней зельями. Они называли себя странным словом «антиваксеры». Я так и не понял, что оно означало. Но твари были жуткие. Все больные: разносчики кучи смертельных болезней, уродливые, блюющие гноем и покрытые гнойными же язвами. Да... Вот тогда, признаться, и мне было не по себе. Мои воины расстреляли пять сотен таких на подступах к замку. Потом их тела сожгли вместе с лесом в радиусе пары километров, чтобы нигде случайной заразы не осталось. Ещё и их дорогу пришлось буквально выжечь.

А тут так, просто отдел кадров.

Похрустев шеей, двинулся вперед. Из кабинетов на меня поглядывали женщины разных возрастов и внешности. В глазах — праздное любопытство и ничего более, а на столах — чай и тарелки с выпечкой и тортиками. За парой дверей видел людей явно не с этого этажа. Вот в их глазах плескалась обреченность.

Коридор кончился небольшим залом ожидания. Пара диванов, журнальный столик, несколько кадок с ухоженными зелеными растениями. Даже мило. На три стороны двери. Прямо и налево — замы, направо — начальница отдела кадров Эвелина Семеновна Кудинова.

Что бы там ни было, надеюсь, что задержат ненадолго. Мне еще ингредиенты для спасения девочки искать.

Постучал в угоду этикету, толкнул матовую стеклянную дверь и вошел. Начальница отдела кадров медленно оторвала взгляд холодных глаз от экрана монитора и подняла его на меня.

Я был впечатлен. На меня смотрела взрослая красивая женщина примерно сорока пяти лет. Ее красота всего лет десять назад сшибала бы с ног, а сейчас слегка подувала. Но Эвелина не молодилась, как многие стали бы делать на ее месте. Не использовала яркий макияж, но видно было, что она тщательно следит за своей внешностью. Из сказочной принцессы она превратилась в королеву, которая командует целыми армиями, посылая мужчин на смерть.

Даже так, когда она сидела, было понятно, что ее рост около метра восьмидесяти. Пышные светлые волосы были собраны на затылке заколкой, на лоб падала челка. На зеленых колдовских глазах блестели круглые очки. Фигура у женщины была отличная. Узкую талию подчеркивала высокая юбка кремового цвета, такой же пиджак висел на спинке стула. Ноги под стеклянной столешницей тоже были что надо. Лицо Эвелины Семеновны было острым из-за носа и беспристрастным, а взгляд обжигал холодом, как высокогорный воздух в бую.

В кабинете царил полумрак, так как обе стены, которые были окнами в этом угловом кабинете, оказались забраны жалюзи.

— Я так полагаю, вы тот самый Исаев, который никак не мог найти дорогу в наш отдел? — спросила она, одним голосом пытаясь пригвоздить меня к месту.

Не вышло. Я прошел и сел в кресло напротив.

— Прошу прощения, — сказал так, чтобы было ясно — во мне нет ни капли раскаяния. — Был занят. Спасал нашу компанию от скандала с кучей многомиллионных исков.

— Я уже слышана об этом, господин Исаев, — произнесла Кудинова и замолчала.

Я тоже молчал. Это не я к ней пришел, а она меня вызвала. Но уже догадался, что это такая проверка на вшивость. Или внутренний стержень. Если сдашься первым, покажешь свое нетерпение или неуверенность, то проиграешь, даже не начав партию. Поэтому я молчал. Молчала и Эвелина.

Я не сводил с нее глаз, используя этот момент, чтобы лучше рассмотреть. Она беззастенчиво делала то же самое, оперевшись локтями о стол и оперев голову на сцепленные ладони.

Да, она была хороша. И прекрасно знала это.

Наконец, в ее глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворенность, и она заговорила:

— Вы знакомы с ценностями нашей компании?

Я бросил быстрый взгляд на серию полутемных плакатов за ее спиной.

— Скажем так, не в лицо, — ответил честно.

Да и мне просто было скучно запоминать десять общих фраз, на которые плевать всем, кроме, может быть, тех, кто их придумал. Ну и Эвелины Семеновны.

— Десять ценностей, господин Исаев. Одна из них — честность и преданность. Как думаете, какая половина наиболее важна?

Я хмыкнул:

— Это риторический вопрос?

— Это вопрос, от которого зависит ваше будущее в «Воронов Фармацевтика», — расслабленно откинулась на спинку специального, эргономичного кресла Кудинова.

Я слегка позавидовал. У нас в отделе — круглые табуреты, которые еще и крутятся в самый неподходящий момент.

Куда интереснее, что начальница отдела кадров чувствовала себя здесь хозяйкой положения. Так оно и было, в общем-то: она имела на это полное право. Но помыкать собой я ни за что не дам. Чем бы это ни грозило.

— Нет, Эвелина Семеновна, — ответил ей, — мое будущее зависит только от меня, а не риторических вопросов. Давайте начистоту. Я ведь здесь не для того, чтобы сдавать экзамен по ценностям компании. Кое-кто — возможно, я даже знаю кто, — ратует за мое увольнение.

Кудинова снова оперлась локтями о стол, тем самым выдав свое напряжение. Или недовольство.

— Господин Исаев, если бы я хотела вас уволить, то вам бы просто пришло письменное уведомление о сокращении вашей должности. Со всеми полагающимися выплатами, разумеется. И я бы сделала это не моргнув и глазом. Но пару дней назад на меня попытались надавить, чтобы именно это я и сделала.

— Моргнули глазом? — вклинился я в ее речь.

— Нет, — скривила она губы в недовольстве. — Чтобы я уволила вас. А я не люблю, когда на меня давят. Вчера... — Она выдержала паузу и снова откинулась в кресле. Однако, поза ее осталась напряженной. — Вчера с другой стороны мне мягко дали понять, что вашего увольнения не желают.

А вот это интересно! Первый точно Коршунов. Точнее, его папочка. Потому что уже несколько дней сынок графа Коршунова грозитя меня уволить. Жаль, что он идет таким путем, я бы с удовольствием об него кулаки почесал.

— Знаете, что я не люблю больше давления извне на мою персону? — спросила Кудинова. Я уже знал ответ. Знал и то, что она в нем не нуждается. — Не люблю находиться между молотом и наковальней. Так что мне не нужен еще один источник беспокойства на двадцатом этаже, господин Исаев. Мне хватает и Бойлерова.

— Увы, — развел я руками в стороны. — Сидеть тише воды ниже травы — удел посредственностей, Эвелина Семеновна. А вы уже поняли, что я к ним не отношусь.

Кудинова нехотя кивнула и снова скривилась, буравя меня зелеными глазами.

— Честность и «преданность», Исаев, — сделала она упор на «преданности». — Вот чего от вас ждет компания. А контроль соблюдения ценностей компании ее сотрудниками — моя главная задача. Надеюсь, вы не хотите, чтобы вследствие ваших поступков я стала и молотом, и наковальней. На этом можете возвращаться к своим обязанностям.

На секунду я подумал, что она знает о ночном визите Листницкого. Но это попросту невозможно. В конце концов, это же отдел кадров, а не шпионская организация. Наверно. Однако ее посыл был мне ясен. Весь наш разговор — это не угроза, а предостережение.

— Последствий, Эвелина Семеновна, — сказал уже у самой двери, — не бывает только у тех поступков, которые не совершили.

На этом я покинул кабинет начальницы отдела кадров.

Когда дверь за Максимом Исаевым закрылась, Эвелина Семеновна выдохнула, устало положила очки на стол и постучала по холодному стеклу ногтем. Давненько она не встречала таких людей. От этого Исаева, двадцатидвухлетнего юнца, веяло стальной уверенностью в себе и самоуважением. Такими качествами не каждый аристократ мог похвастать. А тут парень из угасшего рода, который даже дворянским нельзя назвать.

Такие же ощущения у Кудиновой вызывал разве что Воронов-младший. Со старшим она не имела чести быть знакомой. Знала других его детей, но все они были плодами союза с простолудинками и не обладали той скрытой силой, что проглядывалась у чистокровного Воронова. Или вот Исаева.

Кудинова снова постучала черным ноготком по столешнице.

— Последствия... — повторила она шепотом, глядя на дверь, за которой исчез Исаев.

Да, последствия от работы с таким кадром точно будут. Особенно если учесть, что сам глава филиала просил приглядывать за ним.

Предашь — и будешь предан сам. Вот что хотела сказать Кудинова.

Я шел назад к лифту — живой, здоровый и не уволенный. Несчастные, сидевшие в кабинетах по бокам основного коридора, с завистью смотрели мне вслед.

Да, суровая у них здесь корпорация. А ведь если учесть размеры «Воронов Фармацевтика», не удивлюсь, если у нее есть своя маленькая армия. И с Листницким они могли бы решить вопрос именно с ее помощью. И кто бы тогда встал между ними? Точно не я. По крайней мере, не сейчас, когда мое тело еще не прошло никаких улучшений, вроде Дубового зелья.

Листницкому крупно повезло, что вместе с Хлебниковой приехал я. А он, дурак, этого не понимает. Да я и сам не лучше. Привык быть, скажем так, на вершине пищевой цепи, где мою позицию оберегали союзники и потомки. А здесь я в самой гуще событий. Только сейчас стало приходить понимание, что за внешним, возможно даже привлекательным, фасадом компании, прячется дикий зверь с оскаленной пастью.

Что, если бы приехала только Хлебникова? Она бы своим заключением прикрыла зад компании — мол, удобрения хранятся как-то не так и в этом все дело. Или наоборот, хранятся нормально, используются тоже, сами удобрения прошли многоуровневую сертификацию, то есть вины компании в смерти каких-то там коров нет. Листницкий повысил бы ставки, потому что время его поджигает, и пошел ва-банк. То есть начал бы скандалить в газетах, на телеви-

дении, в глобальной сети. Вороновы не дураки и вряд ли позволили бы ему это сделать. Пожилой, опустившийся барон попросту бы исчез. А его дочь умерла в больнице и там же была похоронена.

Листничному выпал счастливый лотерейный билет, когда приехал я.

По пути к лаборатории меня неожиданно поймала Алиса. В буквальном смысле. Передо мной вдруг открылась серая, неприметная дверь, вылезло плечо в обрамлении рыжих волос, и девичья рука с красным маникюром утянула меня внутрь.

Маленькая тесная комната пахла чистящими средствами, сырой тканью швабр и печеными яблоками. Подсобка. А печеные яблоки — это дыхание Алисы.

— Алиса, какого черта? — возмутился я.

— Это я хочу спросить какого черта? — прошипела она мне в самое лицо.

Над ее головой болталась тусклая лампочка, но от ярких рыжих волос Алисы будто становилось светлее. Глаза у нее были красными, со слегка потекшей тушью. Я не мог не отметить, что такой макияж ей очень идет. Он вообще всем девушкам идет при определенных условиях.

— О чем ты?

— О кофе! Что не так с моим кофе? — продолжала яростно шептать Селезнева. — Почему ему понравился кофе из обычной кофемашины на тридцатом этаже, а сваренный в турке на маковых зернах он вылил в раковину?

— Ты так и не поняла, — покачал я головой и взялся за ручку двери, чтобы выйти. — Дело вовсе не в кофе.

Но Алиса схватила меня за запястье обеими руками. Для этого ей пришлось встать ко мне еще ближе. Приятное соседство, но мне сейчас совсем не до этого.

— Я это уже слышала! — нахмурилась девушка. — А в чем тогда? Я же все делаю, чтобы ему понравиться!

— Вот! — Я назидательно поднял палец, подсказывая ей правильную мысль. — И теперь, когда мы разобрались...

— Ой, да иди ты! Сытый голодного никогда не поймет.

— В смысле? — уже в который раз не понял я.

— Все знают, что ты любимчик Бойлерова.

— Да с чего это? — Нет, правда, с чего она это взяла? — Нас же в отделе всего двое было! А с тобой — трое!

— Вот именно! — так и не отпускала меня Алиса, проникновенно шепча. — Ты уже месяц с ним работаешь. А я поспрашивала. Уже лет восемь с ним никто так долго не работал. Максимум две недели! Либо он увольнял человека, потому что тот не прошел испытательный срок, либо человек уходил сам!

О как, выходит, Исаев смог найти подход к своему начальнику? Это интересно.

— И твои две недели подходят к концу? — догадался я о причине беспокойства Алисы.

В этот момент дверь подсобки резко распахнулась, и на нас уставился Бойлеров. При виде нас он скривился так, словно увидел отряд жирных, мясистых тараканов, десантировавшихся ему в суп. Ни слова не говоря, взял с полки белую бутылку с чистящим средством и с хлопком закрыл дверь.

— О боже... — тут же застонала Алиса, попытавшись вжаться в полки. — Он нас увидел! Что он теперь обо мне подумает? Решит, что я строю карьеру через постель! Все, мне конец!

Что за бред она несет? Я, на своей должности лаборанта, явно не тот человек, через чью постель можно построить хоть карьеру. Даже самую маленькую. Если только вниз. И нет, это не проблемы с самооценкой, а объективная правда, которую, прежде чем изменить, нужно принять.

— Исаев! Ты... ты его любимчик! — вновь вцепилась в мою руку Алиса. — Я очень хочу остаться, хочу работать и развиваться, но если Бойлеров меня вышвырнет... Ты мне помо-

жешь? Ты же нашел к нему подход! Максим... — Ее тон вдруг преисполнился отчаянной нежности, а ресницы жалостливо затрепетали. У меня в груди нехорошо так заскребло. — Если поможешь, я в долгу не останусь...

— Что, прости? — переспросил ее. — Я все еще не понимаю, о чем ты, Алиса. Начинаю думать, что кто-то из нас двоих явно сходит с ума. И это точно не я.

— Просто скажи, чего ты хочешь, Исаев, — не отступала девушка, сжимая мою руку. — Хочешь, дам тебе денег?

— Еще чего.

— Или буду целый месяц твою работу делать?

— Чтобы меня потом уволили? Хитрый план, Алиса. Жаль, что я сам со своей работой справляюсь, да?

Она скривилась и отпустила мою руку.

— Знаешь что, Исаев? Раз ты такой тугой, то и желания у тебя наверняка дурацкие. Мог бы меня на ужин пригласить в обмен на помощь. Но теперь уже поздно! Сама разберись...

Так вот на что она намекала. По сути, торговала собой, своим временем, чтобы получить от меня то, что ей нужно. Мне такое не по душе.

Я аккуратно взял в ладони лицо рыжей девушки. Ее кожа была мягкой и шелковистой. Алиса дернулась, но не отпрянула, и я нежно сказал:

— Удачи...

Сразу же вышел из подсобки. А вслед мне уже неслось обидчивое:

— Да любой другой парень за эту возможность убил бы!

Ох, деточка, я уже давно вышел из того возраста, когда подобные манипуляции еще могли на меня подействовать. Правда, и раньше все равно не действовали... А Исаев, видимо, сох по ней, раз она так уверенно пыталась меня продавить своими женскими чарами.

Но Исаева больше нет, а со мной такое не прокатит.

Вернувшись в кабинет, тут же обратился к Бойлерову:

— Есть работа?

— Есть пробирки немытые, — скучающе ответил он.

— С удовольствием делегирую эту непосильную задачу Селезневой. А мне нужна другая работа. Более творческая, возможно аналитического характера. Слышали про такую?

Лишь бы я мог как можно больше узнать о мире вокруг. Точнее, о составе почвы, пещерах и всем остальном, что важно знать, когда ищешь одновременно знакомый и незнакомый ингредиент.

— Ну, девочка моя, раз ты так просишь... — довольно оскалился Бойлеров, слегка раскачиваясь на стуле. Того и гляди начнет хохотать, как какой-нибудь киношный злодей. Затем он встал, открыл один из шкафов за своей спиной и принес мне на стол стопку папок. Затем еще одну. И еще. — Это называется текучка, Исаев. Данные почвы, метеорологические сводки, архивы, доклады ветеринаров с ферм в нашей зоне ответственности и тех, которые пользуются нашими удобрениями. В общем, текучка! — обеими руками указал он на папки. — Правда, последние полгода она текла куда угодно, кроме отчетов... Как считаешь, подойдет для работы в вечер пятницы?

— Подойдет просто идеально! — обрадовался я. Причем, совершенно искренне.

Люблю иногда такой вот незатейливый труд. Он сродни отдыху для усталого мозга. Правда, не в этом случае. Лучшего способа найти идеальное место, где можно встретить *Luminfungus cerebri* просто не придумаешь!

— Ры-ы-ы... — прорычал, скорчившись, Бойлеров.

Не понравилась ему моя довольная рожа.

Но это его проблемы. Так и знал, что он не любит такую кропотливую и скучную работу, поэтому откладывает ее на максимально долгий срок. Лишь бы не делать. Поэтому и поддел его, чтобы он спихнул самую ненавистную часть своих обязанностей на меня. И оказался прав.

Развернул ноутбук, открыл карту региона во втором окне и принялся за составление отчетов. Образцы нашел на сервере. И правда: последний отчет был написан полгода назад. Но кажется, их вообще никто не смотрит. Ладно, такие мелочи меня не волнуют.

Я быстро окунулся в работу, потеряв счет времени. Отвлёкся только на миг, когда мимо прошла Селезнева, шедшая, словно на смертную казнь. И вернулся к работе. Сводил вместе отчеты, сводки погоды и данные по изменениям почвенного состава. Тут же отмечал на карте интересные места и дописывал комментарии, что там можно обнаружить. К концу первой стопки у меня уже получился приличный список. Особенно выделил одно место. Отправил на печать кусок карты с ним и еще несколькими перспективными местами. И с удивлением обнаружил две вещи: я ужасно голоден и все остальные разошлись по домам.

Наступил глубокий вечер.

Тем лучше. Меньше вопросов. А работы с папками мне хватит еще на несколько дней. Набрал на телефоне уже знакомый номер.

— Ало?

— Григорий.

— Фраер.

— Ичалковский бор знаешь?

— Ну.

— Поехали. Только прихвати фонари и веревки.

— По пещерам ползать собрался? Сейчас же ночь. Может, лучше с утра? — вяло отозвался Григорий.

— А какая разница? В пещере же и днем темно, — парировал я.

— Блин, и то правда. Ладно. Скоро буду. А с тебя двойной тариф!

Ага, пятерной сразу. Нет, думаю, эти поездки покроет Листницкий из своего кармана. Для него же стараюсь. Но и Григорию наглеть не дам.

Я собрал в кожаной несессер Исаева все необходимое для сбора грибов и спустился к выходу, где стал ждать Григория. Вскоре он приехал на своей машине, напоминавшей небольшой внедорожник. И только сейчас я заметил, что она оборудована для езды по бездорожью как следует. Фонари на крыше, большие колеса с агрессивным протектором, запасные баки и шноркель, ползущий на крышу по правой стойке.

— Только поесть заедем, — сказал, садясь на пассажирское сиденье. — Я угощаю.

— Тогда точно заедем! — радостно провел рукой по блестящей лысине Пантелеев. — Туда пилить часа три!

Как некоторым мало для счастья надо... Впрочем, я и сам не откажусь от сочной шаурмы. Да... Шаурма... Бррр! Аж живот свело.

Музыкально урча мотором, машина выехала за ворота филиала. Впереди предстояла одна из самых интересных частей работы алхимика — тихая охота.

Поиск ингредиентов. Хотя иногда охота бывает громкой. Надеюсь, не в этот раз.

Глава 12

В моем мире специалистами по шаурме считались гномы. Что-то такое они с ней делали, из-за чего хотелось есть шаурму снова и снова. Может, какие грибы подкладывали в начинку? Я не проверял. Иногда тайное должно оставаться тайным.

В этом мире виртуозами по шаурме были какие-то кавказцы.

— Я этого аксакала... — говорил Пантелеев, одной рукой держа руль, а второй запихивая сочный шаурмячный букет себе в измазанный рот, — знаю уже тысячу лет. И всю эту тысячу лет он работает в маленькой неприметной кибитке возле автовокзала. Два столика, один повар и куча кентов-клиентов. Отвечаю, это лучшая шаурма в Нижнем! Как тебе, фраер?

— Вкуфно! — ответил я, весь поглощенный едой.

Местная шаурма отличалась от той, что я ел раньше. А может, это просто молодость? Со временем чувство вкус притупляется, особенно у алхимиков. Иной раз не по одному зелью в день приходится пробовать... А тут... такая гамма разных ощущений! И хрустящая капуста, и сочная жареная курица, в меру острый соус с нотками томатов, перца и какой-то, видимо кавказской специй. М-м-м... Вкуснотища! А главное, она большая! Кто бы что ни говорил, а размер имеет значение. Особенно, когда речь идет о шаурме.

— Ага! Но ты еще завтра ее вспомнишь! — хохотнул Григорий, впихнул шаурму в рот и пошел на обгон грузовика, тошнившего перед нами.

— Почему? — спросил, когда маневр кончился.

— А потому... что на входе — сладость, а на выходе — гадость! — захохотал водитель и постучал толстыми пальцами по тонкому, ребристому рулю.

Хорошо, что мой аппетит такими шутками не проймешь.

Часа через три, уже в ночи, мы въехали в лес. Тот самый Ичалковский бор. Свернули с асфальтированной дороги на проселочную под сень деревьев, и Григорий включил фонари на крыше. Их яркое сияние озарило лес в радиусе метров пятидесяти как минимум. Стало светло почти как днем.

— Ладно, фраер, ты скажи, чего ищешь-то? — заговорил Пантелеев, осторожно ведя машину по неровной лесной дороге. — Тут пещер видимо-невидимо, тысяча, наверно, а то и две. У меня кореш, спелеолог, тут все облазил. Большие и маленькие, глубокие и не очень. Как-то он их по-умному обзывал. Карсторковые, что ли? Я в этой теме не шарю, честно.

— Карстовые? — догадался я. — Провалы и все такое?

— Да-да! — закивал Григорий, резко бросил руль влево и дал газу, объезжая яму с расхлябанной грязью. — Провалов тут хватает.

Я замолчал, припоминая условия, при которых может расти *Luminfungus cerebri*. Не знаю, как он выглядит в этом мире и как называется, но раз магия здесь устроена так же, как и в моем мире, то должен существовать и аналог *Luminfungus cerebri*. И растет он в тех же условиях.

— Мне нужна пещера с высоким уровнем влажности, высоким содержанием извести в почве или породах. Желательно, чтобы имелся приток свежего воздуха и низкий уровень ультрафиолетового излучения, — перечислил, загибая пальцы.

— Стой-стой, фраер, полегче! — потряс рукой Пантелеев, будто мух отгонял. — Я после слов «мне нужна пещера» перестал тебя понимать. Ты попроще, попроще говори, все-таки с человеком работаешь, а не лабораторным червем.

— Так я, по-твоему, червь лабораторный?

— Ты? Не, не ты, — качнул головой Григорий и покусал губу. — Мы в полночь едем по лесу в пещеры. Лабой здесь и не отсвечивает. Но я вашего брата уже три года катаю. Одна Хлебникова чего стоит. Так что ищем? Только по-русски, пожалуйста.

— Хм... — Я постучал пальцами по пластиковой дверной ручке. — Мне нужна глубокая, сырая пещера со сквозняком. И чтобы было много мела.

— Вот так понятнее! Дай-ка подумать... С мелом тут проблем нет, тут его даже добывать думали, но потом отказались от этой идеи. А вот, чтобы сырая и со сквозняком... Это прям редкость. Как она со сквозняком сырой будет?

— Необязательно вся пещера сырая, а, возможно, какая-то ее часть, где стоит вода. Несколько дней назад здесь прошла сильная гроза, так что должно быть легко отыскать такую.

— Еще и без света... — поскреб ногтями затылок Григорий, будто не слыша меня. — Вообще, подходит одна пещерка. Кореш как-то свистел про такую. Глубокая: на нижних уровнях вода стоит, а после дождей еще и уровень поднимается. Застрял он в ней однажды. Прошел сильный дождь, и лаз обратный затопило. Он оттуда двое суток выбирался... на перекладных, хех! Представляешь? — сверкнул глазами в полумраке салона Пантелеев. — В смысле, чудилось ему там что-то. Свечение видел, коней и еще всякое.

— Галлюцинации? — удивился я.

Свечение я еще мог понять. *Luminfungus cerebri* обладает способностью к биолюминесценции, одно из свойств слизи, которую этот гриб выделяет. Может, и в этом мире так умеет его аналог? А вот про коней и «еще всякое»... С галлюциногенным эффектом этого гриба я никогда не сталкивался. Это что-то другое. Если, конечно, друг Пантелеева просто не начал сходить с ума от обезвоживания или голода.

— Вроде того, — отвечал Григорий, закусив язык и влетая в очередную грязную лужу. Темные комья брызнули во все стороны и закидали лобовое стекло. — Но так не только он бакланит, но и другие. Так что пещерка-то блатная. Непростая, в смысле. Уверен, что туда полезешь?

Свечение могло указывать на нужный мне гриб. Так что я был уверен.

— Только это, — притормозил Григорий. — Деньги вперед. А то вдруг тоже тебя затопит.

— Сколько? — хмыкнул я.

Этот делец своего не упускает.

— Пять. И это как другу!

— Три пятьсот, — парировал, в уме прикидывая, сколько у меня еще осталось денег.

Не очень много. Если буду так тратить, то через неделю от бюджета Исаева останется только дыра.

— Четыре пятьсот! — с удовольствием подхватил игру водитель.

— Четыре. И вперед только половину. А то вдруг какая сова тебя испугает, что ты оставишь меня здесь. Или конь. Галлюциногенный.

— Ха! Ладно, фраер. Только потому, что ты мне по душе. Ты, конечно, мутный, но гнильцы в тебе не чую. А чуйке своей я доверяю. По рукам!

Мы сцепили руки, подтверждая наш договор. Но едва он хотел отдернуть руку, я ее удержал, говоря:

— Только у меня наличных денег с собой нет, а перевести смогу, когда сеть появится.

Григорий чуть не задохнулся от возмущения и только позже выдохнул:

— Ты зна-а-ал! Ты все знал, фраер!

— Раньше надо было об оплате думать, — пожал я плечами и отвернулся к окну, пряча довольную улыбку.

— Зараза... С тебя теперь только вперед буду брать... — бурчал Пантелеев, постепенно стихая.

Но я по глазам видел, что он доволен. Будто удовольствие получил от того, как его обыграли в последний момент.

Дорога кончилась, и Пантелеев осторожно пробирался там, где между стволами деревьев мог проехать автомобиль.

Выехали на дно оврага. Взревев мотором, небольшая юркая машина, светящаяся, как волшебный хрустальный шар, выбралась из оврага и оказалась перед торчащей из земли скалой. В высоту несколько десятков метров, а в длину... Не было видно. Но не меньше сотни. Этаким срез пирога из разных слоев почвы.

— Приехали, — остановил внедорожник Григорий.

В косом свете фар виднелся провал в темноту.

Мы выбрались наружу. Свежий воздух пах сыростью и прелой листвой, обжигал прохладой легкие. Пантелеев открыл багажник.

— Ого! — удивился я его арсеналу. — Откуда это?

Здесь было все. Крючья, моток веревки, топорик, фонари (налобный и ручной), сапоги и еще всякая мелочевка, которая может пригодиться.

— Говорил же, кореш — спелеолог. Вот и одолжил по случаю, — пожал плечами Пантелеев. — А что искать будешь? В пещере этой.

Спрашивал Григорий дружелюбно, с улыбкой, но я чувствовал, что здесь скрывался корыстный интерес.

— Много будешь знать, лысина морщинами покроется, — ответил ему.

Григорий недовольно цыкнул зубом.

— Жду три часа, потом уезжаю, — сказал он и сел в машину, хлопнув дверью.

Обиделся. Ну да не моя это забота. Моя задача — найти место, где этот спелеолог видел свечение. Наверняка там и найду искомое. И, надеюсь, не повстречаю всяких галлюцинаций. В качестве мер предосторожности повязал на шею батистовый платочек Алисы, а в карман переложил пару зелий на крайний случай. Простых, но зато эффективных. Главное — самому под их действие не попасть.

Набросав в рюкзак всякого нужного барахла, на плечи кинул моток веревки на всякий случай, на лоб нацепил фонарь, прихватил несессер и вошел в пещеру. К счастью, она была достаточно высокой, чтобы я мог идти и не пригибаться.

Пол быстро пошел под уклон. Бледный свет налобного фонаря выхватывал мокрые стены и какие-то старые корни. Быстро стало холодно.

В свое время я достаточно полазил по пещерам. А как-то раз наставник заставил целый месяц жить в одной большой пещере. Я месяц не видел света, кроме света магических осветительных кристаллов и свечей. Почти не спал, не ел и похудел килограмм на пятнадцать. Просто в той пещере рос *Radix speluncae*, корневик пещерный. Название так себе, но цветок очень красивый. Из крохотного бутона раз в тридцать лет распускаются воздушные лимонные лепестки с длинными, тонкими усиками в центре. Распускаются буквально на пять минут, чтобы выпустить пыльцу. Пыльца корневика чрезвычайно ценна. Вот ее я тогда и караулил.

Так что пещер не боялся и чувствовал себя в них достаточно комфортно. Шел вперед, помечая развилки цветными флажками, чтобы легче было отыскать путь назад. Сворачивал туда, где воздух казался мне менее затхлым.

Внизу время шло по-другому. Не знаю, сколько я так бродил. Под ногами хлопала вода, ботинки то и дело скользили на влажных камнях или комьях грязи, которые сюда приносило потоками воды с поверхности, в тишине гулко отдавалось в ушах собственное дыхание. По ощущениям, я опустил метров на сто. Но это приблизительно. Специального оборудования не было, так что мне просто так казалось на основе опыта прошлых спусков.

Я даже начал сомневаться, что тот спелеолог видел свечение. Попал в зону каких-нибудь газов или в мешок, где в воздухе мало кислорода, и просто начал видеть галлюцинации.

Но я верил. Все-таки те грибы или мох, или еще что, должны расти здесь. Больше нигде. Условия идеальные.

Наконец, спустя то ли два часа, то ли два дня, увидел слабое свечение за одним из поворотов. Стены здесь были из известняка. Чуть мимо не прошел нужного поворота, потому что луч фонаря это свечение от меня скрыл. Только краем глаза его уловил.

Выключив фонарь, оказался в почти полной темноте. Слабая зеленоватая аура просачивалась из-за скалы. Я свернул туда, пригнулся, потому что потолок стал ниже, а стены уже, и через несколько метров вышел в хорошо освещенный грот. Грязными ботинками с плеском вступил в воду. Несколько сантиметров ее покрывали пол. Гулко капала вода в нескольких местах с потолка.

Я радостно выдохнул, улыбаясь. Вот оно. Проход привел меня в провал, шириной несколько десятков метров. Повсюду здесь в лужицах, на выступах скал, стенах, даже на потолке росли, обвивая все тонкими нитями мицелия, грибы со светящимися зеленым шляпками. Десятки и сотни шляпок хорошо освещали пещеру.

Потолка здесь не было. Светящиеся грибы уползали вверх по стенкам некоего провала. Через несколько метров он изгибался. Думаю, шел до самой поверхности и оканчивался карстовой воронкой. А вода за много лет пробила себе дорогу сюда. Вот откуда высокая влажность с доступом свежего воздуха и малым количеством солнечного света.

По стенам провала сюда тянулись немногочисленные тонкие корни, с которых сочилась вода. Растения пробрались и сюда, но в самом гроте не росли — не было света.

Короче, идеальные условия для нужного мне гриба. *Luminfungus cerebri*.

Только в моем мире он светился голубым, шляпки были узкие, а ножки — тонкие. Здесь же — толстые ноги, широкие, бугристые шляпки, напоминающие поверхность головного мозга, и люминесценция зеленого цвета.

«Назову его мозговой гриб-светляк!» — с воодушевлением подумал я.

Да, с названиями у меня всегда плохо было.

Хлюпая водой под ногами, подошел к ближайшему и срезал его шляпку скальпелем. Сунул в несессер, бережно сложив в небольшой контейнер. Так же поступил со следующим. Зеленые мозговые блинчики диаметром семь-десять сантиметров с другой стороны были мягкими, пористыми и покрытыми слизью. Она тоже весьма ценная и в ней содержится треть тех самых веществ. Потом счежу.

Когда подошел к третьему грибу, неожиданно споткнулся обо что-то. Сперва подумал, что это корень. Но потом до меня дошло, что я глубоко под землей и все корни наверху. Фонарик не включал, ведь света хватало, а резкая вспышка, отраженная лужицами, могла ослепить.

На ощупь нашел продолговатый узкий предмет, поднял и тяжело вздохнул, разглядев. Выругаться бы, да нельзя! И так много шума наделал.

В руке я держал большую берцовую кость. Человеческую.

— Какого хрена? — Я чуть не выронил кость обратно.

Всмотрелся в воду, в которой стоял по щиколотки. Между небольших зеленых шляпок увидел темные предметы, в которых едва угадывались кости разных форм и размеров. Черепа, ребра животных и не только.

Что за?.. Куда я забрел? Это логово какого-то монстра? Или просто звери и случайные путники не замечали провала где-то наверху, оступались и падали сюда?

Посмотрел туда, где за изгибом природной шахты исчезали шляпки грибов.

А что? Это действительно может быть правдой. Бедняги оказывались на дне либо уже мертвые, либо переломанные и умирающие. И не могли позвать никого на помощь. Да... Коварная пещера.

Пожалуй, стоит запомнить это место. Клондайк ингредиентов, если подумать. Со своими уникальными условиями. Ее бы осмотреть получше — наверняка же найду еще что-нибудь полезное. *Luminophyllum speluncae*, например, который можно использовать для заживляющих мазей. Или *Spongicalx lapidea* — основной ингредиент для бальзама от химических ожогов.

Правда, здесь они могут выглядеть по-другому и называться тоже. Поэтому и нужен более тщательный осмотр пещеры.

Ну а пока двух шляпок *Luminifungus cerebri* мне за глаза. Пора выбираться отсюда.

Двинулся к выходу, но не прошел и половины пути, как нога, на которую я переносил вес, наступила на что-то упругое. И это что-то вдруг с громким треском сломалось.

— Зараза! — ругнулся я тихо.

Ребра. Я наступил на чьи-то ребра и застрял в них. Поднял ногу и помахал ею, стряхнув полуистлевшую грудную клетку с мокрыми кусочками меха на ней.

Вдруг в голове молнией проскочила мысль, от которой я замер на месте с поднятой ногой.

Если друг Пантелеева вместе со свечением грибов начал видеть галлюцинации, то почему я не вижу? Я, конечно, повязал на шею батистовый платок, но в азарте совсем о нем забыл.

— Фр-р-рш-ш-шу-у-ух-х-х... — раздался за моей спиной звук, словно кто-то сжал кузнечные мехи, раздувая огонь.

О нет... Я медленно, очень медленно обернулся. В дальнем от меня конце, в полумраке, среди зеленых шляпок темнела грудка метра полтора в высоту, которую я сперва не заметил.

— Фш-ш-шх-х-х-х-х... — снова издала она звук.

Вместе с ним из верхней точки груди вверх выстрелили две струи мелких блесток. Только сейчас я заметил, что ко мне быстро приближается завеса из таких же мерцающих пылинок. В темноте открылись два бледно-голубых, почти серебристых мутных глаза.

Вот ведь угораздило...

В кармане нащупал несколько пластиковых цилиндров. Григорий показал, как ими пользоваться. Сломал и бросил перед собой в воду. Под поверхностью тут же зажглась и разгорелась дорожка из оранжевых палочек. Этот свет прогнал тени с той кучи, и я увидел чрезвычайно уродливую тварь.

Адреналин прыснул в кровь, замедляя время. Я тут же натянул на нос платок. Но пару мгновений с интересом рассматривал тварь. Никогда не встречал ничего подобного. В высоту под полтора метра, морда слегка вытянутая, но оканчивается тупым обрубок пасти, из которой торчат вверх два крупных клыка. Над ними в стороны рогаткой расходятся два рога. Из них мутант и выделял струи блестящих спор. Все тело, как больное дерево, покрывали темные грибные наросты. Словно пластины брони или большая уродливая чешуя, они напозлали друг на друга, защищая тело.

Думаю, и рога вовсе не рога, а особые наросты из грибов. Пористые внутри, с железами, выделяющими споры. Уверен, они и вызывают галлюцинации.

Тварь стояла на четырех уродливых, толстых лапах. Выпустив струю спор, поводя слепыми мутными глазами, она двинулась ко мне, грузно ступая в воду. Опасность нарастала с каждым мгновением.

А я отрешенно думал, какое имя дать этому причудливому существу. Старая, прочно укоренившаяся во мне привычка.

Чудище явно раньше было обычным животным вроде волка или кабана. Скорее, кабана. Но заразилось неким грибом, который вот так изменил существо, загнал под землю, ослепил, вырастил рога, чтобы заманивать жертв галлюциногенными спорами. Грибной симбиоз сделал существо падальщиком. Отсюда все эти обглоданные кости в пещере. Но похоже, оно не прочь и свежатинкой себя побаловать.

Черт! Не могу уйти, пока название не придумаю...

— Ф-ф-ф-фш-ш-ш-ш... — выпустил монстр новую струю спор и заковылял ко мне, давя грибы и раскидывая их шляпки. Двигался он с каждым шагом все шустрее.

Так. Быстрее! Название! Грибы, рога, живет в пещерах...

Fungicornus speluncae! Гриборог пещерный!

Споры, тем временем подступая, ровным слоем ложились на влажные стены.

Шляпки грибов начали менять цвет и слегка покачиваться в воздухе, как поплавки на воде, стены стали сжиматься и расширяться, словно легкие огромного животного.

Все-таки я вдохнул этой гадости немного. Ничего, если быстро зарубить гриборога, то споры не успеют подействовать, а я разживусь двумя очень ценными рогами. А они ценные, я чувствую это!

Ну все... Название придумано. Теперь можно его зарубить. Я ведь всегда беру с собой клинок, щедро смазанный парализующим составом.

Рука потянулась к мечу и... нащупала пустоту.

Блин! Какой меч? Я же в другом мире! В другом теле! Да у меня даже потайного костяного шипа в запястье нет!

Блин!

Глава 13

Алхимиком быть опасно. Особенно когда на тебя со всех ног несется неизвестная науке тварь. И явно с недружелюбными намерениями. Ее бы по уму вскрыть, изучить, понять, как и куда можно использовать разные ее части...

Вместо этого я развернулся и бросился бежать. Хотя бегом это трудно назвать. Стены вокруг качались, шевелились, некоторые вообще проваливались, и из них лезла всякая жуть из моей прошлой жизни. К счастью, мой опыт давал о себе знать: разум оставался холодным и выверенным, и я не обращал на галлюцинации внимания. Главное — уйти подальше от источника спор.

Почти на ощупь выбрался из грота, слыша, как сзади пыхтит гриборог. Проход для него оказался узковат, и дыхание монстра за моей спиной стихло. Но вдруг под сводами пещеры разнеслось грозное рычание, а затем топот и грохот.

Гриборог просто-напросто пробил себе путь собственной тушей! Какая же у него силища?

Я ускорился. Бежал, постоянно спотыкаясь и врезаясь в стены. Поскольку вышел из зоны спор, их эффект начал ослабевать. Но пока еще он был достаточно силен, чтобы весь мир качался вокруг меня.

Машинально сделал про себя отметку, что споры этого гриба, пусть будет *Cornufungus profundus*, по какой-то причине не приживаются в теле человека. Иначе друг-спелеолог тоже превратился бы в гриборога.

Но это неважно, если гриборог меня просто на рога насадит. Так что же делать? Он по-прежнему преследовал меня, рыча и топая выгнутыми лапами так сильно, что высекались искры. Я в который раз пожалел, что у этого Исаева нет никакого оружия. Хоть того же клинка с парализующим покрытием.

Стоп! Я же алхимик! Я могу сделать это покрытие! Захватил ведь пару простых растворов для быстрого смешивания. На случай встреч с какими-нибудь подземными жителями подготавливал все для быстрого создания Жидкого огня. Вот только боюсь, что гриборогу на него будет плевать. Грибы защитят. Но если смешать ингредиенты в другой пропорции, получится чрезвычайно полезная штука — парализующий газ.

На ходу нашарил в кармане несколько склянок, но именно в этот момент меня снова качнуло, и я налетел плечом на каменный выступ. Покатился кубарем, склянки, звеня, разлетелись в разные стороны.

Конечно, гриборог не стал ждать, пока я встану, соберу склянки и смешаю их. В несколько прыжков он оказался возле меня и тут же снова прыгнул, раскрыв зубастую пасть. Я машинально выставил перед собой руку с толстым ручным фонарем. Челюсти мутанта сомкнулись и напряглись, пытаясь раздавить эту преграду. В слабом свете налобного фонарика это выглядело весьма устрашающе. Как будто жуткий волк пытался проглотить солнце.

И все это еще качалось, причудливо перетекая из одного в другое.

Тварь утробно взывала, а я, не сводя глаз с нависших надо мной зубов, отметил их необычную структуру. Зубы покрывали некие отложения, придавая им вид острых кораллов. Руками в это же время шарил по полу рядом. В опасной близости монстр ударил лапами, сходя с ума от недостигаемости близкой добычи. Гриборог затряс головой, ударопрочный пластик фонаря затрещал, свет мигнул и погас.

Наконец нащупав в темноте две склянки, поднес их к лицу. Хоть бы повезло, и я нащупал нужные!

Оно!

Выдернул зубами пробку одного зелья — выплюнул, второго — не выплюнул. Смешал два раствора и тут же закрыл оставшейся пробкой. Два зелья превратились в один газ с розовыми и фиолетовыми клубами. Пробка пыталась вылететь и выпустить бушующий внутри вихрь.

Гриборог тем временем уже наполовину смял фонарь. И собирался сделать последнее усилие, чтобы после заняться мной. Но я успел сунуть ему в пасть склянку и задержать дыхание. С треском фонарь лопнул, челюсти сомкнулись, прозвучал глухой хлопок и между брылей гриборога просочился мерцающий туман. Он тут же втянулся в ноздри монстра. Гриборог занес лапу, оскалился и... замер.

Фиолетовый дымок еще несколько секунд вился между зубами, потом исчез. Крайне неустойчивое соединение.

— Твою мать... — судорожно выдохнул я, восстанавливая дыхание, и откинулся на холодный мокрый пол пещеры.

Гриборог парализован минут на двадцать.

Придя в себя, я выполз из-под нависшей надо мной туши и осмотрел несессер. Крепкая дубленая кожа выдержала эту пробежку, только слегка поцарапалась. Зато контейнеры внутри остались целы.

Через несколько минут мир перестал качаться, и я твердо стоял на ногах. Теперь можно покончить с гриборогом. Его мутные синеватые глаза безучастно смотрели на то место, где я только что лежал.

Из оружия у меня был только скальпель. Но и его хватит, если знать, куда бить. Подозреваю, что основная часть грибного паразита — это рога. Если мое предположение верно, то именно туда сходятся множество сосудов, несущих симбионту питательные вещества. Наверняка там же и железы, производящие новые споры, находятся.

В слабом свете налобного фонарика нашел уязвимое место в основании рогов и погрузил в него лезвие скальпеля. Выступила капля темной крови. Нажав на ручку, увеличил разрез и тут же сделал шаг в сторону, вынув инструмент. На стену и потолок пещеры хлынула тугая струя крови.

Через минуту гриборог был мертв. А еще через пять я отделил рога от тела и сложил в отдельные контейнеры. Взял еще пару зубов, а точнее клыков — пригодятся. Со вздохом встал, сожалея, что нет времени провести как следует вивисекцию и все задокументировать.

Ладно, оставляю тело пока здесь и вернусь позже за остальным. Здесь холодно, так что труп не успеет разложиться за три дня.

Главное — я нашел, что хотел. Пора возвращаться.

Исаева не было уже несколько часов. Еще чуть-чуть, и три часа, которые отпустил для ффраера Григорий, истекут. Уезжать Пантелеев не хотел, хоть и слегка злился на скрытного лаборанта.

Все-таки он уже доехал сюда, потратил время и бензин. Да и четыре тысячи на дороге не валялись. Ночь выдалась холодная, и только мысль о заработке грела Пантелеева. Пусть и относительно небольшом.

В том, что Исаев ему деньги отдаст, Григорий не сомневался. В крайнем случае, просто выбьет их.

Чтобы убить время и согреться, Пантелеев собрал валежник и запалил небольшой костер. Сидя на улице у огня, он вдруг услышал шум, доносящийся из пещеры. Глухой и далекий рокот, будто случился обвал. Григорий опасливо подошел к темному входу и заглянул внутрь, прислушиваясь. Сначала из пещеры дробно стучащим эхом докатывался клацающий звук, будто камень бился о камень в каком-то ручье. Затем звук исчез и долгих десять минут стояла тишина. Вскоре появился мерный стук шагов и на свет вышел Исаев.

От неожиданности Григорий даже слегка попятился. На него смотрели безумные зеленые глаза с расширенными зрачками в окружении сетки лопнувших сосудов. Сам Исаев весь был заляпан грязью, будто и правда попал под обвал и чудом выжил. А еще от него неуловимо пахло чем-то неприятным. И возможно, опасным.

— Что это с тобой случилось? — спросил Исаева Григорий.

— Случилась пещера, — скупой ответил фраер и прошел мимо Пантелеева. Григорий попытался хоть что-то разглядеть во тьме пещеры, но Исаев его одернул: — Я нашел, что хотел, едем. Или деньги больше не нужны?

— Нужны-нужны, — зашепшил к машине Григорий, украдкой в последний раз глянув на пещеру. — Еще как нужны.

Обратно ехали молча, только радио тихо играло, едва различимое за гулом шин по асфальту. Когда появилась сеть Интернета, я тут же расплатился с Григорием. Не люблю в должниках ходить, к тому же свою работу он выполнил честно. По дороге меня укачало, и я дремал почти весь путь до города.

В него въехали, когда забрезжил рассвет.

— Бывай, фраер, — попрощался, зевая, Григорий, когда высадил меня. — Если повезет, увидимся в понедельник. Или наоборот: повезет, если не увидимся!

Хохотнул напоследок и рванул с места.

Ах да, сегодня же суббота. Значит, крайний срок, когда мне нужно приготовить зелье — понедельник. Вполне может выйти и так, что с Григорием мы все же увидимся. Хотя, возможно, будет лучше воспользоваться обычным такси, чтобы добраться до больницы Листницкого, а не превращать Пантелеева в личного водителя. Я его себе пока не могу позволить.

Ладно, подремав в дороге, я немного восстановил силы, так что первым делом, войдя в квартиру, занялся тем, что привел себя в порядок.

Принял душ и бросил всю одежду в стирку. Немного болела голова после воздействия спор и сна в трясущейся и гудящей машине. Но сразу лечь спать я не мог. Нужно обработать шляпки гриба и другую добычу.

Нашел почти пустую банку какого-то кофе, соскреб остатки и сварил себе чашку. На вкус отвратительный. Прямо как я люблю.

Ладно, главное, что взбодрился, теперь можно окунуться в следующую часть работы алхимика. Не самую любимую, но обязательную. Сортировка, обработка и консервация ингредиентов. Сцедил слизь со шляпок грибов, а сами шляпки оставил сохнуть в духовке на кухне. На малом огне, естественно. Порезанные, для ускорения процесса. Прежде чем использовать эти шляпки, нужно избавиться от лишней влаги. А слизь очистить от примесей. Да и с остальным тоже поработал. Не заметил, как пролетело два часа времени, и мне ужасно захотелось спать.

Сон — слишком большая роскошь для алхимика. По крайней мере, пока он не удовлетворяет свою жажду знаний. Ну и другой рутинной работой не занимается. Иначе добытые с таким трудом ингредиенты можно просто потерять.

Сейчас же занялся рогами гриборога и спорами этих грибов. Нужно выяснить их свойства.

Проведя несколько тестов и занеся их результаты в свою записную книгу, пришел к следующим выводам. Эти споры являлись почти полной копией *Glaucus marinus*, морского инея — особых водорослей из моего родного мира. Вызывали галлюцинации и несколько затормаживали работу мозга. Это по основному эффекту. Наверняка имелись и побочные, вроде потери кратковременной памяти или... диареи? Кто его знает? Чтобы это выяснить, нужно провести еще кучу тестов и опытов, но у меня на них нет времени.

Ладно, с самым интересным покончено, настало время рутины.

В семь утра проснулся Роман. По всей видимости, он услышал из моей комнаты шум и, прежде чем войти, постучался.

— Только не говори, что если я сейчас зайду, то стану соучастником преступления, — крикнул он из-за двери.

— Хорошо, не скажу.

— Блин, Макс, ты опять? Я же просил...

— Это для благого дела, Рома, — ответил, стараясь звучать как можно мягче. — Обещаю не умереть в процессе.

— Для благого? Это связано с дочерью Листницкого?

— Да.

— Чтоб тебя... Ладно, я ничего не видел и не слышал!

Шаги Романа стали отдаляться, и я вслед крикнул:

— Тогда в духовку тоже не заглядывай!

— Да блин, Макс! — донеслось уже с кухни.

Хмыкнув, продолжил работу.

Раз сосед проснулся, можно было и пошуметь. А то дико в сон клонило, а я не мог позволить себе уснуть, пока не рассортирую и не разложу по склянкам то, что собрал. Работа эта была для меня механической. С радостью поручил бы ее какому-нибудь голему, но в этом мире у меня его не было. Мог бы сделать, но они тратят много магии, а когда ее почти нет... Тухлая затея, в общем.

Просто мозг при такой работе почти не участвует и думает, что можно вздремнуть. Так что я включил какой-то центральный канал на маленьком и явно старом цветном телевизоре и позволил рукам и глазам делать свою работу, а сам стал слушать. В семь утра шел выпуск новостей.

Симпатичная брюнетка в строгом деловом костюме говорила:

— Сегодня министр здравоохранения Российской Империи и граф Александр Воронов провели торжественное открытие новой фабрики по производству лекарств в Дальневосточной губернии...

Изображение дернулось, и девушку сменил немолодой мужчина с рыхлым лицом, обвисшими щеками и вторым подбородком. Его густые темные волосы лоснились, будто были намазаны помадой. На носу сидели небольшие аккуратные очки, придававшие этому лицу напускной кроткий вид.

Держу пари, пиарщики этого мужика долго корпели над образом. Так и хотелось доверить ему жизнь и здоровье всей своей семьи.

Шучу, не хотелось.

Подпись внизу гласила, что это министр здравоохранения герцог Бабаевский Николай Владиславович. Он стоял на фоне серого здания с маленькими окнами.

— Очередной виток сотрудничества нашей Империи с династией Вороновых, — говорил министр, — обещает быть крайне плодотворным для нашего государства. И что самое главное, для нашего народа! Те лекарства, которые производятся на предприятиях «Воронов Фармацевтика» зарекомендовали себя как надежные средства для борьбы с огромным количеством болезней. От простуды до тяжелых форм рака. Империя не пожалеет никаких денег для того, чтобы наш народ был здоров. По нашим данным за последние десять лет значительно сократилась смертность среди всех групп населения. И все благодаря «Воронов Фармацевтика» и лично графу Александру Воронову! Поэтому открытие еще одной фабрики было лишь вопросом времени. В заключение напомним мою любимую поговорку: в здоровом государстве — здоровый народ!

— Ну да, — хмыкнул я. — Очень здоровый с лекарствами-то из Порчи.

Никогда не верил политикам. Чем громче лозунги, тем хуже обстоят дела на самом деле. Вот моя теория. Она оправдалась уже множество раз.

Хотя он прав: в здоровом государстве — здоровый народ. Но если народ на самом деле не здоров? Печальный вывод напрашивается сам собой.

Вскоре я перестал слушать, задумавшись над тем, где добыть последний ингредиент.

Как достать *Argentivena mystica*? Где ее взять, я знал. А вот как... Нужна магия, которая подсветит растение, а у меня самого нужного количества магии просто не было. И я не знаю, как растение выглядит в этом мире.

Хотя... я же могу создать артефакт из отколотого зуба гриборога.

Благодаря грибным отложениям, это по сути чистый минерал. Подходящая основа для аккумулятора магии. Или любого другого простенького артефакта. Но меня сейчас волновал лишь один его вид.

Вопрос, где взять ману. В моем мире это не было проблемой, но здесь... ума не приложу.

Все дела я закончил, телевизор выключил и лег на кровать, продолжая размышлять. Лежал, думая и глядя в белый потолок.

Магия, магия... где же взять немного магии? Даже уличная подойдет! Шучу, источник вообще не важен. Может, обмазаться мазью, впитав из нее Порчу? Тело отфильтрует вредную часть, и я смогу зарядить небольшой камушек.

Вариант неплохой, если не брать в расчет риск умереть от перегрузки организма и длительность работы такого артефакта. Минут двадцать сцедить смогу. Вот мой примерный максимум. Так себе результат.

Короче, долго и малопродуктивно. Нужно что-то более действенное.

Ладно, где в этом мире есть вообще магия? Хоть какая-то. Кроме порочных лекарств «Воронов Фармацевтика».

Ответ крутился у меня в мозгу, но ухватить эту мысль за хвост никак не получалось. Так она и крутила этим радужным многоцветьем перед моим носом, пока я не понял, что уже сплю.

Во сне я гулял по цветущему лугу. Вокруг ходили и мычали стада коров, а вместе со мной за руку ходила Варя. Ее ореховые глаза ярко сияли в солнечном свете. Она подводила меня к каждой буренке, знакомила с ней, рассказывала краткую сводку из ее биографии. Это было мило и забавно.

Совершенно внезапно раздался жуткий свист. Я поднял глаза. Прямо в нас летел жуткий зеленый шар Порчи. Свист приближался, шар тоже — он уже затмевал собой все небо, а в моих ушах стоял жуткий грохот. Ноги приросли к земле. Вот-вот шар должен был взорваться, смести нас с девчонкой, но свист резко оборвался, и я распахнул глаза.

Лежал там же, где и заснул. На кровати. Только вместо рассеянного утреннего света в комнату сочился бордовый закат. Я вскочил так, будто мной выстрелила пружина.

Я знал, где взять магию. Она у меня под носом была!

Барон Листницкий спал, положив голову на постель у ног дочери, когда я вошел в палату. Дверь едва слышно скрипнула, но он тут же поднял голову и посмотрел на меня слегка соловым глазами.

— А, это вы... — с надеждой улыбнулся он. — Весь день отгонял врачей от Вари. Устал. Все готово?

Я помотал головой.

— Еще нет. Мне нужна ваша кровь.

На миг барон поджал губы и сдвинул брови. Затем с готовностью закатал рукав, спросив только:

— Сколько?

— Не ваша, — снова мотнул я головой. — Я имел в виду вашего рода. Мне нужна кровь девочки, ведь к ней перешел Реликт.

А значит, в ее крови достаточно магии. Сложно объяснить. По своей сути магия аристократов отличалась от дара алхимиков. Если говорить научным языком, то это целая совокупность различных нейрохимических, биологических и физических реакций внутри тела человека. Можно сказать проще: аристократ сам является своего рода маленьким магическим реактором. Его тело производит определенный вид магии, который входит в резонанс с Нитями какого-либо цвета. Или нескольких цветов. Так и работают их дары. Или Реликты, как их здесь называют. Дар алхимии работает по-другому. Тело алхимика не способно производить магию.

Смысл в том, что в крови девочки есть магия. Это все, что мне сейчас нужно.

Листницкий вздохнул и ссутулился.

— Это действительно необходимо?

— Да, — я был тверд. — Всего пара унций.

— Хорошо. Делайте все, что необходимо ради ее блага.

Не говоря больше ни слова, закрыл за собой дверь, обеззаразил руки и приготовил шприц, каменную чашу и зуб гриборога в ней. Чашу наполнил кровью девочки так, чтобы она полностью скрыла камень. Взглядом алхимика проверил наличие магии.

Да, Нити рядом самую малость оживали и будто набирались внутреннего сока. Отдохнувший организм легко осилил несколько секунд использования дара. Теперь нужно действовать быстро, пока магия не рассеялась.

В кровь я добавил специально приготовленный раствор. Своего рода заготовка узла для Нити, только не прикрепленная к артефакту или зелью. Так называемый Свободный узел. Чтобы он сработал, нужна магия и Нить рядом. Этакое силки для магии. Простейшая алхимия.

Надо только использовать нужную Нить. Здесь я вновь воспользовался своим даром на несколько секунд. К источнику магии притянулись несколько Нитей. Я выделил нужную, и тело пронзила боль. Словно за оголенные провода взялся. Впрочем, так оно и было.

Тряхнуло меня знатно. Спазмом сжало челюсти до боли и скрипа, грудную клетку сдавило, и из глотки вырвался стон. Ноги дрогнули, тело повело назад, и я бы упал, но меня подхватил Листницкий.

— С вами все в порядке, господин Исаев? У вас кровь...

Тыльной стороной ладони вытер под носом. Действительно кровь. Поднялся на ноги и отстранился от барона, подошел к подоконнику, где проводил манипуляции.

Все сработало. От покрасневшего зуба чувствовалась слабая магическая аура. Правда, своим даром в ближайшие сутки пользоваться я не смогу. Но мне и не надо.

Больницу покинул тут же. Не стал ничего объяснять барону — не хотел терять времени. Только сказал, что нужно еще время, но скоро зелье будет готово.

Argentivena mystica найти теперь не составит труда. Она на магию реагирует слабым серебристым свечением. Растет при этом, где попало.

Можно было поискать в саду больницы, но не хотел вызвать подозрения у охранников. Поэтому отправился в ближайший парк. Ходил по газону в темноте подальше от уличных фонарей, водил над травой рукой, с зажатым в ней алым от впитанной крови зубом.

Долго искал. Похоже, в мире, где мало магии, эта трава стала вымирать. Но я не терял надежды, и мои поиски увенчались успехом где-то через час или полтора. Почти весь парк обошел, но все же заметил в корнях старой ивы слабое свечение.

— Нашел... — радостно выдохнул я облачко пара и полез в несессер за маленьким совочком.

Присел возле крохотного пучка травы и вонзил острое в землю, подкапывая корешки.

— И правда нашел! — раздался над ухом насмешливый бас, и в глаза ударил луч света. — Гляди, Митрич, кажись, закладчика поймали. Ну давай, показывай, что ты там нашел, дружок!

Глава 14

В первое мгновение я, честно признаюсь, вздрогнул от испуга. Настолько ушел в поиск, что не заметил, как ко мне подкрались. Затем ослепительный свет, голоса с явно угрожающими нотками... Молодой организм среагировал быстрее разума и выплеснул ведро адреналина в кровь.

Через несколько секунд, глубоко вдохнув и медленно выдохнув, совладал с собой, сунул руку с выкопанным кустиком травы за спину и на ощупь спрятал его в несессере.

— Кто вы такие и почему мешаете моей работе? — как можно спокойнее спросил я.

— Серьезный какой, а... Работе его мешаем, — вещали все тем же голосом. — Вяжем его, Митрич. В патрульной посмотрим, над чем он по ночам в парке работает.

Я не успел ничего ответить. Свет резко мигнул, а затем мне под дых прилетело чем-то продолговатым и узким, похожим на кончик дубинки. Воздух мигом вышел из легких, от резкой, тупой боли меня сложило пополам, и я рухнул на четвереньки. Несессер со спины скатился под меня. Преодолевая боль, сунул руку под мягкую кожаную крышку. Удар по ребрам руку выдернул, опрокинул меня на спину, несессер жалобно звякнул склянками внутри.

Да, не вовремя я пошел травку в парке копать.

— Митрич, я сказал вяжи его, а не превращай в котлету, — одернул первый, голос которого я слышал сквозь звон в ушах. — Хорош уже! Опять скажут, что превышаем полномочия.

— Блин, ладно... — обиженно прогундосил, видимо, тот, кто об меня ноги свои выпрямлял.

Ладно, сочтемся. Я по опыту знаю, что в такой ситуации лучше не обострять. Сделать все равно ничего не успеешь или не сможешь, а вот получишь куда сильнее. И потом уже ничего не сможешь ответить. Надо выждать, усыпить их бдительность.

Это в голове я рассуждал так трезво. На самом деле удары были сильные и точные. Эти двое, судя по всему, полицейские, раз говорили о патрульной, вероятно, машине. И ребята они опытные. Поэтому я малость загибался от дикой боли и невозможности вдохнуть.

Еще один удар перевернул меня обратно на четвереньки, а затем меня схватили за воротник куртки и заставили встать. В лицо снова светили фонариком.

— Обыскать не забудь, — снова пробасил первый.

Но я буду звать его усатый. Успел увидеть в темноте силуэт пышных усов.

Сквозь зубы наконец смог вдохнуть. Холодный воздух ворвался в раскаленные легкие чуть ли не с шипением.

— Ноги врозь, руки в стороны! — скомандовал второй.

— А волшебное слово? — все же я не удержался.

За что получил новый удар под дых.

— Убойная вежливость... — только и смог прохрипеть.

Рывок за воротник вновь заставил выпрямиться. Ноги пинками расставили шире, руки подняли с помощью дубинок.

Мне умело прохлопали штанины, талию, грудь, скользнули по рукам.

— Развернись!

Второй, все еще оставаясь для меня неясной тенью, только поменьше ростом, обошел спереди и все повторилось. Сумку с меня сдернули, отобрали.

— Руки! — была новая команда.

Я завел руки за голову. Кожу спины обожгло стеклянным холодком.

— Сюда давай! — гнусава рыкнул Мелкий позади меня (так я обозначил для себя второго, который поменьше ростом).

— Так бы сразу и сказали, — пожал я плечами.

— Поумничай мне тут!

Дубинка обожгла затылок, и я сделал шаг вперед, чтобы не упасть. На запястьях сомкнулись металлические браслеты.

Интересно тут стражи закона работают. А у Романа так же рабочий день строится?

В сопровождении двух полицейских вышел из парка. Усатый оказался еще и рыжим, а у Мелкого было рябое, как после оспы, одутловатое лицо.

Придавив мою голову книзу, меня впихнули в белую машину с синими полосами. На заднее сиденье. На передние бухнулись эти двое. Пахло старой кожей и чем-то еще, едва уловимым. Не хочу знать чем, потому что запах шел от подозрительного пятна на другом конце сиденья.

Меня от стражей закона отделяла металлическая сетка, так что я прекрасно видел и слышал все, что они делали. Мелкий, тот который Митрич, начал потрошить мою сумку, выкладывая склянки, пробирки, пакетики, инструменты.

— Имя, фамилия? — потребовал Усатый.

— Исаев Максим, — ответил на выдохе. Ребра отозвались болью.

— Что делал в парке ночью?

— Работал.

— Так и запишем, прятал закладки.

— Что? Какие еще закладки? Я вам что, библиотекарь-оборотень? По ночам закладки раскладывать...

Тот, кого звали Митрич, хохотнул, продолжая потрошить мой несессер.

— Пошути мне тут! — треснул дубинкой по решетке Рыжий. — Делал что, спрашиваю. И ответ мне нужен верный не только с семантической точки зрения!

Ничего себе, какие слова тут стражи закона знают! Я аж дар речи на секунду потерял.

— Семантической? — прогундосил Митрич. — Иванов, ты где таких слов набрался?

Иванов смущенно пожал плечами, пряча улыбку в рыжие усы.

— Толковый словарь в туалет положил. Вместо освежителя читаю. Семантический значит верный по смыслу, — начал он пояснять своему напарнику. — Как ответ этого пряника на вопрос, что он делал в парке ночью. Мол, работал. Семантически верный ответ. Но бесполезный. Понимаешь?

Митрич покачал головой.

— Не особо.

— Зато я понял, — и опять я не удержался.

И снова дубинка, на этот раз Митрича, резко ударила по решетке.

— Зато у меня с арифметикой хорошо! — рыкнул он. — Считать люблю. Хочешь, ребра тебе пересчитаю?

— Хорошо загнул, — уважительно покивал Иванов. — Ладно, что там у него в сумке?

Митрич сграбастал в увесистую ладонь кучу склянок из сумки и рассыпал по приборной панели полицейского автомобиля. Они неярко блеснули в свете фонаря, под которым стояла машина.

— Чепуха какая-то, — отвечал Митрич. — На закладки не похоже, больно крупная фасовка. Еще и в стекле.

— Может, он мул? — пожал плечами рыжий усач.

— Какой еще мул? Вы вытяжки из мухомора гандозийского объелись? — возмутился я сравнению с животным.

Мул, блин! Этого еще не хватало. И так в моей сумке роются, словно в нутре копаются. А я ничего с этим не могу поделать. Пока. Но и помогать им не собираюсь.

— Вытяжки из чего? — переглянулись полицейские и пожали плечами.

— А это что? — спросил Митрич, начиная вытаскивать на свет ступку с пестиком, спиртовую горелку. — Странноватый набор для мула.

Ну все, сейчас они поймут, что я алхимик.

— Лучше тебе начать говорить, пряник, — обернулся ко мне Иванов.

Или не поймут? Судя по всему нет, не догадываются даже. Я должен это использовать. Играть — так до конца.

— Говорю же, я работал. Собирал образцы и данные почвы для своего исследования. Я работаю в «Воронов Фармацевтик» над новым удобрением для парковых газонов. В левом нагрудном кармане куртки у меня есть пропуск на работу, можете проверить его.

Митрич посмотрел на усача, вопросительно кивнул головой, тот в ответ покачал своей и заговорил:

— Пропуск какой угодно нарисовать можно. А до утра мы твои слова проверить не сможем, Максим Исаев.

Они снова переглянулись, обменялись многозначительными кивками. Я понял: они что-то задумали. И вряд ли мне это понравится.

— Слушай, Исаев, у нас снова смена заканчивается, и возиться с тобой нам совсем не хочется, — продолжил уже усач Иванов и замолчал, выразительно глядя мне в глаза.

— У меня есть отличная идея, — уловил я ход его мысли. — Вы отпускаете меня, словно меня никогда не было в этом парке. Возвращаете все мои вещи, а я делаю вид, что вы меня не избивали. По-моему, звучит неплохо.

Давайте, ребятки, соглашайтесь. Я действительно готов простить эти несколько ударов. В конце концов, бывали схватки и посерьезнее, и с исходом куда хуже. Меня поджигает время. Из трех дней остался всего один, чтобы приготовить зелье для девочки.

Митрич снова хохотнул и сгреб склянки и инструменты в несессер. Иванов разочарованно покачал головой.

— Нет, Исаев, ты меня не понял, — произнес он с вздохом. — Мы делали свою работу, потратили на тебя время и силы, которые могли использовать для поимки настоящих преступников, а не всяких ботаников. Как считаешь, мы заслужили немного благодарности за свою работу и небольшую порцию извинения за потраченное время, а, пряник?

Я рассмеялся, откинувшись на сиденье. Да они просто вымогали взятку по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок». А я, в облике Исаева, еще как-то не успел разбогатеть. Да и не собирался платить эти двоим, даже если бы у меня были все богатства мира. Не на того напали...

— Придется везти этого юмориста в отделение, — пожал плечами Иванов. — Покажем его начальнику смены — пусть разбираются, что с ним делать.

— Блин! — стукнул кулаком по приборной панели Митрич. — Опять кучу бумажек заполнять. Может, просто покрепче его отделать?

— А если он и правда из «Воронов Фармацевтика»?

— Пропуск все еще у меня в куртке, ребята, — подсказал я.

Обычного удара дубинкой по решетке вдруг не последовало.

— Начальник нас с говном съест, Митрич, — качнул головой рыжий усач, заводя машину. — Пусть лучше у него голова болит.

— Ладно, — махнул рукой второй полицейский.

Автомобиль тронулся, съехал с тротуара и оказался на широкой и пустынной дороге. Я расслабленно откинулся на сиденье. Слушал, как обо мне докладывают диспетчеру как о «темной лошадке». Не получилось отвязаться от них на месте, но, честно говоря, я и не ожидал появления стражей закона в парке ночью. А еще меньше ожидал, что выкапывание травы из-под дерева является чем-то противозаконным. И что, блин, за закладки у них тут? Я только книжные знаю...

В любом случае нет той решетки, которая может удержать Верховного Магистра Алхимии.

Роман Копылов устало снимал с себя форму в раздевалке Седьмого отделения полиции. Ноги гудели после очередной смены, плечи неприятно покалывало, а в голове стоял тихий звон после криков скандальной баронессы, который никак не проходил. Она орала как резаная, хотя сама, будучи пьяной, порезала официанта элитного ресторана.

Рядом переодевался сержант Бабаев из другого наряда. Болтун и весельчак. Роману казалось, что его вообще ничто не может смутить или опечалить.

— Как смена, Копылов? — спросил Бабаев, по всей видимости, не выдержавший трех секунд тишины.

— Как обычно, — отозвался Роман и похрустел шеей. — Пьяные разборки и бесконечное патрулирование улиц.

— Такая же фигня, друг. У соседей из шестого вон повеселее.

— Чего это? — скорее из вежливости спросил Копылов, с трудом снимая потную майку.

— Говорят, кого-то интересного поймали. Не то закладчика, не то целого мула. Забрел в ботанический сад и копал там чего-то. Если мул, то кому-то лишняя звезда на погон упадет. Или, как минимум, премия, — Бабаев завистливо присвистнул.

— И что же здесь интересного?

— Да парень этот говорит, что в «Воронов» работает, а у самого сумка с кучей склянок непонятных.

— В «Воронов»? — насторожился Роман. — А как зовут этого парня?

— Фу-у-ух... Дай-как вспомнить. Фамилия у него какая-то... шпионская, что ли. Имаев, Минаев, Изамин... — перечислял Бабаев задумчиво.

— Исаев? — подсказал уже переодевшийся Копылов.

— Да, точно! А ты откуда знаешь? — удивился низкорослый сержант.

— Кино одно смотрел про шпионов... — рыкнул Роман и, едва сдерживая раздражение на нерасторопный рассказ Бабаева, вырвался из раздевалки, хлопнув дверью.

А неплохие у них тут решетки! Толстые, основательные. Такими можно и человека под действием Берсерка удержать. Правда, недолго.

Митрич и Иванов привезли меня в отделение полиции № 6, так значилось на табличке у входа. Посадили в камеру с этими толстыми решетками и ушли. Камера располагалась напротив небольшого, огороженного стеклом закутка, где сидел дежурный и еще двое полицейских. Один принимал звонки, другой следил за каким-то пультом и камерами, возможно, делал что-то еще. А сам дежурный... дежурил. С моей точки наблюдения я видел только кусок лысой головы из-за стойки.

Сама камера была небольшая. Четыре на шесть метров. Вдоль зеленых стен — деревянные скамьи. Две из них были заняты двумя мужиками в лохмотьях. Несло от них... знатно. Ну хоть наручники с меня сняли.

После того, как меня запихнули в камеру, те двое, рыжий усач и бугай с пудовыми кулаками Митрич, поругались с дежурным.

— Начальник смены на месте? — спросил Митрич.

— Нет его.

— Оформи этого, — бросил Иванов дежурному.

— Тебе надо, ты и оформляй, — пожал плечами дежурный. — Знаю я уже, как вы работаете. Сначала пугаете задержанного, потом... договариваетесь и отпускаете. А мне бумагу пиши на то да на это!

— Ты на что намекаешь? — набылчился, пытаясь просунуть голову в окошко, Митрич.
— А если он убил кого, а?

Но дежурного это не проняло.

— Вот убьет, тогда и оформлю. А пока на! — он сунул в окошко кипу бумаг. — Сами все оформляйте. Протокол задержания, опись и все остальное. Вперед и с песней. А я к этим бумагам и не притронусь.

— Вот ты черт усатый! — вырвал бумаги Иванов.

Я фыркнул, не сдержавшись. Иванов же сам с усами. И на меня отреагировал, зло зыркнув исподлобья.

— Пошли, Митрич! Напишем такой протокол, что этот хохмач у нас на Колыму уедет.

Они ушли и исчезли в недрах отделения, прихватив с собой мой несессер.

Надо выбраться до того, как придет начальник смены. Сдается мне, он окажется умнее этих двоих и раскусит во мне алхимика. Значит, единственный выход — это побег.

Все силовые варианты я отмел сразу еще при задержании. Любой из них приведет к тому, что меня начнут искать, а оказаться вне закона мне сейчас нужно меньше всего. Поэтому действовать буду хитрее.

Протянув руки за спину, где пузырем надулась рубашка, нащупал в складке несколько маленьких склянок и, вытянув из-за пояса рубашку, осторожно спустил их на скамью.

Меня спасла старая привычка складывать несессер в строго определенном порядке. За года работы я сформировал систему, по которой собирал склянки в сумку. Каждый угол, ряд, ярус кармашков и отсеков строго соответствовал определенному типу веществ: порошки, травы, эссенции и так далее. А уж они ставились в одинаковой последовательности в соответствии с назначением.

Так что, когда первыми ударами меня свалили с ног, я уже примерно знал, что и где брать, а в голове мигом высветились парочка рецептов зелий, которые я могу сделать на коленке. Главное было — скрыть склянки от полицейских. Когда меня подняли, чтобы обыскать, по паре склянок я зажал большими пальцами в ладонях и повернул против света фонарика. Меня обыскали. Ослепленный Митрич не заметил маленькие тусклые стекляшки. А когда мне захотели надеть браслеты, скомандовав «руки!», я специально сперва сложил их за голову, сведя лопатки, чтобы воротник отогнулся. Якобы не понял команды. В этот момент склянки скатились по спине за шиворот и так там и остались. Ведь Митрич уже обыскал мою талию.

Итак, что у меня есть?

— Хрр! Я же сказал, еще на ход ноги! Хрр... — резко завозился мужик в дальнем углу. Почавакал пересохшими губами и перевернулся к стенке.

Фух, напугал! Но спал он вроде крепко. Хотя... Даже если оба соседа проснутся, все равно с похмелья ничего не поймут.

Итак, к склянкам. У меня есть *Pulvis Lunaris*, *Essentia Bufo oculi*, *Tentaculum Sepiae tacitae* и споры *Cornufungus profundus*. То есть мелкодисперсный серебристый порошок лунного пепельника, вязкая зеленая эссенция жабьего глаза, высушенное щупальце спрута-молчуна (по крайней мере, так гласила выцветшая надпись на приклеенной бумажке — нашел парочку в закромах Исаева) и ампула спор гриба, покрывавшего тело гриборога. В моем мире был аналог, так что свойства я знал.

Как знал, что они скоро пригодятся. Вообще, я это подготовил для Бойлерова и даже придумал, как именно использовать, но, похоже, придется пустить их в ход пораньше.

Из этих ингредиентов я могу приготовить всего три зелья. Зато прямо на коленке.

Первое — это Глухой щит. Если его выпью, оно создаст вокруг головы ауру, которая будет искажать мою речь для слушателя. Полезно, когда у тебя паранойя, но сейчас явно не та ситуация.

Второе зелье — Тень молчания. Одно из моих любимых зелий из-за его эффекта. Оно также продуцирует вокруг тела ауру. Но та делает шаги беззвучными, а речь — тихой и неразборчивой, похожей на шепот призрака. Да и сам человек кажется неясной тенью. Это зелье могло бы помочь мне сбежать, но у него есть два существенных минуса. Во-первых, все-таки оно не делает тебя «призраком», то есть сквозь решетку пройти не выйдет. Во-вторых, оно плохо работает в замкнутых помещениях, где тебя видят напрямую. Если его использовать, это все равно будет почти как побег силовым методом. Кто-то открывает камеру, прекрасно тебя видит, затем ты пытаешься проскользнуть мимо него, и это либо удастся, либо нет. В любом случае меня начнут искать как беглеца.

Так что Тень молчания — тоже не вариант.

Третье — Языкоправ. Смешанные в правильной пропорции ингредиенты блокируют тормозные механизмы, самоконтроль, и мысли человека тут же оказываются на его языке. Очень веселое зелье! Тоже одно из моих любимых. Я люблю подмешивать его в чашу с пуншем или еще в какой напиток, желательно с алкоголем, на моих светских вечеринках. Вот тогда скучный раут превращается в настоящее веселье. Точнее сказать, я любил подмешивать это зелье. Тело другое и жизнь другая.

Но все еще впереди!

Вечеринки здесь нет, зато есть целая куча людей, которые вряд ли часто говорят друг другу правду.

Только есть несколько проблем. В идеале Языкоправ готовят в хрустальном котле, споры гриборога (точнее, аналог из моего мира) вводят через стеклянную трубку из-за их чрезвычайной летучести, а потом еще и целый час настаивают зелье под светом луны. Естественно, ничего из этого у меня нет.

Кроме трехсотлетнего опыта алхимии.

Глава 15

Я вполне могу приготовить Языкоправ и в картонном стаканчике с водой. Только тогда зелье получится невыдержанным, очень летучим и с неприятными побочными эффектами из-за плохой очистки. Точнее, вообще без очистки. А это, например, потеря памяти, онемение языка, временный подъем либидо... Хотя последнюю побочку я не могу назвать плохой. А эффект самого зелья продержится минут двадцать-тридцать.

Но мне больше и не надо. Главное — устроить хаос в одном, отдельно взятом отделении полиции. Там выберусь из камеры и уничтожу все свидетельства того, что я здесь вообще был.

Сама же вода нужна, чтобы смешать все ингредиенты. Можно было бы обойтись без нее, но два ингредиента — порошки, один — газ, а третий — вязкая эссенция. Без воды никак.

Проблему с водой решил с помощью дежурного. Лысый мужчина со щеткой усов и простым, равнодушным лицом принес мне воды, даже не заметив мелкие склянки на скамье. Убедившись, что два спящих красавца действительно глубоко спят, приступил к делу.

Первым делом в стаканчик влил пять густых капель *Essentia Bufo oculi*. Она стимулирует речевой центр мозга, ускоряет вербализацию мыслей. Другими словами, заставляет человека больше болтать. Размешал до однородного бледно-зеленого цвета. Затем добавил маленькую щепотку *Pulvis Lunaris*. Это порошок из толченных соцветий серебристого цвета. Он попросту снижает самоконтроль, тормозя нейронные связи. Тоже размешал, а следом вытряхнул на ладонь маленькое серое щупальце. Нужно совсем чуть-чуть. Отломил кончик, остатки сунул обратно в склянку, а кончик раскрошил в порошок между пальцами и сыпал в стакан. Зелье в стакане уже стало грязно-серебристого цвета.

Теперь самое сложное. Добавить споры *Cornufungus profundus*. И самому их не вдохнуть. Еще раз проверив, что никто меня не видит, я задержал дыхание, открыл ампулу с узким горлышком, выдернув маленькую пробку, и высыпал в зелье. Над стаканом тут же взметнулось радужное облачко, и я поспешил закрыть его ладонью сверху. Стал аккуратно болтать раствор в разные стороны. Часть спор всего равно осядет на стенках, но, помешивая зелье, зацеплю их, и они окажутся в жидкости.

Раз-два в одну сторону, раз-два в другую. Перевернуть, чтобы собрать споры, прилипшие к ладони, и снова раз-два, раз-два. Не отняли бы у меня камень с магией, я бы создал небольшой узелок... Хотя нет, не создал бы. После упражнений в палате Листницких я на сегодня выдохся. Так что зелье будет обычным, то есть просто не таким эффективным, как могло бы. Даже обидно: давненько я так не изворачивался в своих алхимических занятиях. Последние лет сто работал только в оборудованной лучшими инструментами лаборатории, а тут... Мне даже понравилось! Люблю сложные вызовы.

— Эй, а какого хрена ты делаешь? — вдруг раздался возмущенный голос у решетки.

Я от неожиданности дернулся и чуть не выронил сжатый между ладонями стакан. У решетки стояли Иванов с Митричем, которые меня и задержали. Митрич держал в руках несколько листов бумаги и журнал.

— Совершенно точно я не делал зелье, которое заставляет говорить правду! — уверенно выдал я и тут же чуть не поперхнулся, пытаясь закрыть свой фонтан красноречия.

Зараза! Немного зелья впиталось в кожу! Пытаюсь соврать и не могу!

— Голову нам не морочь! — погрозил кулаком Митрич, и его маленькие глаза сузились. — Видели мы, что ты не Байкал с Рондо смешиваешь... Дежурный! Открой вторую! Сейчас мы проверим, что ты набодяжил...

Дежурный в аквариуме повиновался, кинул на спины полицейских короткий взгляд и нажал кнопку. Решетка с металлическим скрежетом отъехала в сторону.

— Честно говоря, я вас все равно сам хотел идти искать...

И не придется ломать голову, как открыть дверь камеры!

На пару шагов я отступил внутрь камеры, продолжая сжимать стаканчик ладонями. Но уже ощущалось желание зелья выплеснуться наружу. Оно давило на руки изнутри, толкая их. Летучее, очень летучее и нестабильное. Полицейские вошли внутрь, вытащив дубинки и наручники.

Я резко вдохнул и задержал дыхание. Кинул перед собой зелье, которое буквально само вылетело из рук и с тихим хлопком взорвалось. Плотный молочный туман заполнил все вокруг. Даже стены камеры и полицейских с дубинками я перестал видеть. Всего через пару секунд туман начал быстро рассеиваться, исчезать в вентиляции и просто растворяться в воздухе. Легкие слегка жгло от недостатка кислорода, но вдохнуть еще было рано.

Митрич и Иванов стояли внутри камеры и ошоловело смотрели то на меня, то друг на друга. Воспользовавшись этим, я проскользнул мимо них, забрав бумаги у Митрича, и вышел в холл отделения. Молочное покрывало тумана колыхалось под потолком, втягиваясь в дверной проем, за которым виднелась лестница на следующий этаж. Похоже, накроет им все отделение. Накроет во всех смыслах.

Мельком глянул бумаги в руках. Протокол задержания, протокол осмотра и тому подобное.

Закрыв рот рукавом попробовал дышать. Все оказалось нормально — воздух быстро очистился от нестабильного зелья.

— Это что такое было? — удивленно спросил Иванов.

— Не знаю, — ответил за моей спиной Митрич. — Но я всегда хотел сказать, что спал с твоей женой.

Я аж чуть не споткнулся по дороге к дежурке.

— Да с ней пол-отделения спало, — нисколько не смутился рыжий усатый полицейский. — Отправили на пьянку летом на природу, а палатку всего одну взяли!

— Да я про другое...

Дальше слушать я не стал, нашел сбоку аквариума дверь и вошел внутрь. Как и думал, сигнал с камер видеонаблюдения во всем отделении поступал сюда.

До меня никому не было дела: всем резко захотелось выговориться и скинуть все, что на душе лежало так давно. Отделение полиции быстро погружалось в хаос.

— Да, я ворую твой йогурт! — со слезами на глазах говорил дежурный другому полицейскому. — Мне ужасно жаль, но я не могу перестать это делать!

— А я плюю тебе в кофе каждый раз, когда ты просишь его сделать! — обнимал дежурного тот.

— А я вас обоих ненавижу! И работу эту ненавижу! — стenal третий, разрывая пополам журнал.

Я ему подсунул бумаги о моем задержании. Он их тоже разорвал на мелкие клочки, и те перемешались с разорванным журналом.

Не обращая внимания на этих троих, подошел к экранам видеонаблюдения. Внизу на приклеенном пластыре были написаны какие-то длинные числа, а ниже — расположение камер. Отыскал на них комнату, где на столе стоял мой несессер. «Хранилище вещдоков» — гласила надпись. Второй этаж. Перед тем как идти, нашел носитель информации в жужащем блоке. Сюда тянулись проводки от всех экранов. В моем мире это был инфокристалл безо всяких проводов.

Пинком повалил блок на пол и топтал, пока не полетели искры. Теперь меня точно никогда здесь не было. Осталось забрать свои вещи.

Когда вышел из аквариума, по коридору мимо меня пробежал невысокий пузатый полицейский с галстуком на лбу и в расстегнутой рубашке. Под ней — белая майка, а в руках — горящий факел из ножки стула.

— Я Бастинда! — оповестил он весь коридор и скрылся на лестнице, оставив после себя запах копоти.

Я ухмыльнулся, чувствуя, как в груди разгорается безудержное веселье. Жаль, что они не вспомнят ничего, когда действие зелья закончится. Вон как их «отпускает».

Митрич и Иванов, оба со следами побоев на лице и в рваных формах, сидели в камере в обнимку с двумя проснувшимися забулдыгами и пели песню про какого-то коня. С чувством так пели, хорошо.

На втором этаже, шагая к хранилищу улик, ощутил себя капитаном тонущего корабля, экипаж которого, прощаясь с жизнью, исполнял все свои заветные желания. Или целителем в заведении для душевнобольных в день открытых дверей.

Хранилище улик находилось в другом конце длинного коридора.

Выходившую из двери слева девушку в сизой рубашке и с кучей папок в руках толкнули, и бумаги веером разлетелись по полу. Она спешно начала их собирать, но рядом вдруг встал молодой парень в форме патрульного и выдохнул:

— Всегда хотел тебе сказать, что никто так сексуально не собирает папки, как ты!

Девушка выпрямилась, распустила волну шикарных каштановых волос и произнесла, томно выдохнув:

— Наконец-то ты это заметил! Уже месяц перед тобой папки роняю!

Я осторожно протиснулся мимо бросившейся страстно целоваться парочки и пошел дальше. Коридор начал напоминать центр разгульной вечеринки. Откуда-то полилась музыка, несколько человек пустились в пляс. С радостным хохотом один мужик выкинул в коридор кучу бумаги. Две женщины средних лет с длинным острыми когтями, как у ведьм, драли друг другу волосы. Из местного отдела кадров, наверное. В одном из кабинетов высокий брюнет с коротким ежиком на голове, завернутый в простыню, декламировал:

— А мать твоя знает, на ком ее гобелен?

Несколько человек, сидевшие полукругом, ему похлопали. А я думал, где он простыню здесь взял. В камере их точно не подкладывали, спали на голых скамьях. Может, были камеры для аристократов?

Нет, все, я уже сам начинаю слегка трогаться умом. Надо выбираться из этого паноптикума. И вообще, для середины ночи народу здесь порядочно. Хотя... и Роман постоянно ходит то в одну смену, то в две сразу — видимо, рук не хватает.

С другой стороны хорошо, что сейчас ночь. Хранилище вещдоков оказалось за последней дверью справа. Большая, но плотно заставленная комната с лабиринтом из шкафов. Полки их были забиты контейнерами, картонными коробками и пакетами. В тупиках лабиринта стояли небольшие столы с лампами и принадлежностями для письма. На одном из них стояла моя сумка. Открытая. Рядом — склянки, а на них — наклейки с числами. В центре лежал полузаполненный бланк, где каждая строчка была похожа на другую.

Предмет: подозрительная склянка № 1. Содержимое: подозрительный порошок золотого цвета.

Предмет: подозрительная склянка № 2. Содержимое: подозрительная жидкость молочного цвета.

И так далее...

Мда... Если бы я таким образом заполнял свои алхимические журналы, наставник меня еще в самом начале обучения бы отравил, а над могилой сказал: «Мир стал лучше после смерти юного Геллера».

И я бы его за это не винил.

Там же нашел артефакт из красного зуба. В нем даже еще оставалось немного магии. Собрал все вещи в несессер, порвал бумагу с бланком описи и покинул хранилище.

Здание стражей закона окончательно превратилось в цирк. Или дурдом. Кто-то занимался любовью прямо на рабочем столе, кто-то дрался, а потом братался, кто-то изобличал начальство в коррупционных схемах этому самому начальству. В общем, весело! Но надо уходить, потому что на меня тоже зелье подействовало через кожу и слизистую глаз, и теперь ужасно тянуло что-нибудь кому-нибудь рассказать. Например, что я из другого мира и зовут меня вовсе не Исаев Максим. К счастью, даже если сорвусь, никто об этом не вспомнит. Только я сам, так как избежал прямого действия Языкоправа.

Внизу полицейские уже хором из семи глоток пели песню про мороз, который кого-то морозит. Кажется, того же самого коня.

С наслаждением вдохнул холодный ночной воздух, когда вышел на улицу. Спустился по короткой лестнице и ступил на асфальт. Голова немного кружилась, но это пройдет.

— Макс? — вдруг раздался знакомый голос над ухом, и меня схватили за плечо.

Это был Роман. Весь взмокший, будто только что марафон пробежал. Он тяжело дышал, а в глазах его стояла целая куча немых вопросов.

— Роман! — обрадовался я. — Как ты здесь очутился? Это что, твое отделение?

— Нет, соседнее. А вот как ты здесь очутился? И как выбрался? И что здесь, блин, происходит?! — последний вопрос он прокричал, глядя мне за спину и вверх.

Там по крыше вприпрыжку носился полицейский с галстуком на голове и горящим факелом.

— Меня арестовали в парке, когда я нашел последний ингредиент для зелья. А выбрался с помощью зелья правды, — искренне ответил и тут же зажал себе рот руками.

Чертovo зелье!

— Зелье? Макс, какого хрена?!

Вдруг входная дверь скрипнула, и на пороге показался дежурный. Его пьяные глаза остановились на Ромane, и он с восхищением произнес:

— Какой красивый мужик...

— Так, уходим отсюда, сейчас же. По дороге все объясню.

Я схватил Романа за руку и повел за собой. На ходу я кратко пересказал ему, что случилось внутри.

— Значит, официально тебя там не было? — сухо спросил он.

— Да. И они ничего не вспомнят. По крайней мере, не должны.

— А если все же вспомнят? Да и другие... Я ведь узнал о тебе от коллег, значит, уже пошли слухи.

— Ну и? Какие слухи, Роман? Что взяли закладчика? Я тебя умоляю! Как я понял, это рядовой эпизод в вашем мире... — я осекся и тут же исправился: — городе. В вашем городе. К тому же, если даже вспомнят, кто поверит в их рассказы? Решат, что прибрали к рукам чужую закладку и всего делов, — привел я последние аргументы.

В такой бред, даже пережив его, трудно поверить на самом деле.

Остаток пути до дома провели в молчании. Я видел, что Романа что-то гложет, но он изо всех сил сдерживал себя. Молчал, отводил глаза и хмурился. Только когда мы вошли домой и за нами закрылась дверь, моего друга прорвало.

— Макс, что происходит? — сурово спросил он, когда мы оказались на кухне. — Я старался не замечать твои заигрывания с алхимией все эти годы. Да и что там было замечать? Ты просто разглядывал все эти колбы и баночки, что оставили твои родители, делал какие-то записи и постоянно протирал приборы. И все! А теперь? Только за последнюю неделю ты несколько раз готовил зелья, пропадал ночью, тебя пытался убить какой-то барон. Теперь тебя и вовсе арестовали, а ты, вместо того чтобы понести наказание по закону, все отделение полиции свел с ума! Ты сильно изменился. И мне это не нравится.

— Во-первых, какой закон запрещает копать траву в парке? — спросил Романа в ответ, садясь за стол. Он остался стоять в проходе. — Во-вторых, эти двое могли меня отпустить, если бы я дал им денег. — От этого у друга побелели губы. Так сильно он их сжал. — А так они повезли меня в отделение полиции, чтобы запугать, но все пошло не по их плану, а по моему. Почти. Это и есть по закону?

— Не все полицейские такие, — хрипло ответил Роман, словно у него в горле резко пересохло.

— Ну и наконец, в-третьих. Если бы я остался там «по закону», дочь Листницкого умерла бы.

— Дочь Листницкого, — криво усмехнулся Роман, так и не сев, а продолжая стоять в дверном проеме, как истукан. — Я уже не верю, что она действительно существует, что она не твоя выдумка, чтобы с чистой совестью заниматься алхимией.

Последние слова Роман чуть ли не выплюнул и ушел в свою комнату. Произошедшее в отделении полиции его разозлило. Хотя, скорее, сильно расстроило. Есть у меня сильное подозрение, что Исаева он считал таким непутевым младшим братом, который себе на уме. Оберегал его, защищал и наставлял. Это прослеживалось в том, как он несколько по-отечески к нему относится. То бутерброды приготовит, то отругает за то, что покупает слишком дорогой кофе, то в магазин за продуктами ни слова ни говоря сходит. А я ведь сам ни разу так и не был в магазине. Тем не менее, продукты появлялись. Пусть и этакий холостяцкий набор.

Не самый здоровый тип зависимости. То есть вообще не здоровый: здоровых зависимостей не бывает.

А тут Исаев, его непутевый друг, стал действовать самостоятельно и жестко. Роман — хороший парень. Пацан ровный, как сказал бы Пантелеев. Но вот эта его черта... Он и мне житья не даст и себе. Если не поймет, как теперь обстоят дела на самом деле.

Умывшись, я вернулся в комнату и лег вздремнуть. Наступало утро воскресенья — последнего дня, который у меня остался для приготовления зелья. А я так и не выспался ни разу за все те дни с момента, как очутился здесь. Честное слово, займусь своим режим, как только закончу.

Это ощущение молодости захватило меня. Незаметно, исподволь. Вдруг почувствовал, что могу мало спать и все равно быть в форме. Ага, как же! Как говорится, держи карман шире. Это потом все равно аукнется и еще как. К девятому десятку своей жизни я понял, что одна из главных составляющих успешной работы — режим. Режим, где есть место здоровому сну. И тренировкам. А я на все это забил.

Ладно. Еще раз: закончу с этим зельем и займусь своей жизнью вплотную.

Продремав полчаса, проснулся по будильнику. Чувствовал себя настолько разбитым, что понял: о приготовлении лечебного зелья и речи не может идти. Сказался и хронический недосып, и похмелье после зелья правды.

Нужно поспать еще. На зелье уйдет часов шесть, так что запас по времени почти сутки. А хороший алхимик — это выспавшийся алхимик. Поэтому принял решение доспать.

Вечером, поужинав на скорую руку, начал работу. Но едва приступил, как зазвонил телефон. Я даже не сразу понял, что это мой. Мне ведь ни разу еще никто не звонил, даже сообщений не присылал. Исаев был одиноким парнем, затворником. На экране высветилось имя Листницкого. Я оставлял ему свой номер на всякий случай.

— Господин Исаев? — раздался в трубке его глухой голос. — У вас... все готово? Варе стало хуже! Я чувствую, что жизнь в ней едва теплится. Руководство больницы хочет ее выписать. Принудительно. Я боюсь, что Варя может не пережить перевозку.

Первой моей мыслью было крикнуть: «Это невозможно!» Невозможно, чтобы девочке стало хуже из-за целебного отвара. А потом понял, что не учел несколько важных обстоятельств. Она три года сидела на лекарстве, которое накачивало ее тело Порчей, убирая симп-

томы болезни, но не излечивая ее. И в этом мире, где мало магии, отвар может выветриться быстрее, чем за три дня.

— Продержитесь до утра любой ценой, барон, — ответил ему и положил трубку.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.